

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости

Выпуск 21–22

275
лет

Свв. апостолы Петр и Павел.
Храмовая икона церкви С.-Петербургского университета

К 275-летию Санкт-Петербургского Университета

Санкт-Петербургские епархальные ведомости

ИЗДАЮТСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

Главный редактор
Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Редактор И. В. Попов

Выпуск 21–22

СОДЕРЖАНИЕ

С.-Петербургский университет в прошлом и настоящем	3
Традиции духовного просвещения в истории С.-Петербургского университета	5
«У человека в душе должен быть Бог...» Интервью с ректором С.-Петербургского государственного университета Л.А.Вербицкой	6
Выпускники С.-Петербургского университета — клирики Санкт-Петербургской епархии	10
Небесные заступники университета	17

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

<i>Свт. Василий Великий. О том, как извлекать пользу из языческих сочинений</i>	25
---	----

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

<i>Прот. Михаил Горчаков. Об отношении Церкви к праву и государству</i>	30
---	----

ПРОПОВЕДЬ

<i>Свящ. Виктор Пантин. Церковь и интеллигенция на рубеже столетий</i>	36
--	----

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

<i>А.В.Родосский. Профессор протоиерей Герасим Павский: клирик, богослов, филолог</i>	40
---	----

ПАЛОМНИЧЕСТВО ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

<i>О.Л. Церницкая. Архимандрит Антонин (Капустин) и русские святыни на Святой Земле</i>	47
---	----

БЫЛОЕ

<i>А.В. Воронцов. Академик Б.А.Тураев, староста университетской церкви</i>	63
--	----

НАШИ ХРАМЫ

<i>Н.Э. Ивкова. Церковь свв. Апостолов Петра и Павла при Петербургском университете</i>	72
---	----

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

<i>Л.А. Карпычева. Новомученик протоиерей Владимир Лозина-Лозинский</i>	79
---	----

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

<i>Протоиерей Михаил Прудников</i>	85
--	----

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ

<i>В.С.Орлов. Макариевская пустынь</i>	92
--	----

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

<i>А.Ф.Платонова. Под сенью веры. Рассказы</i>	106
<i>Стихи: Прот. Владимир Шамонин. Воскресение Христово (Акростиhi)</i>	46
<i>Е. Бадьянова. Вербное воскресенье. Великий Пятok</i>	71
<i>Е. Ширнина. Страстная. Пост. Пасха</i>	105
<i>А.Ф. Платонова. С нами Бог</i>	128

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса

Редактор И.В. Попов. Техн. редактор И.А. Шумакова. Компьютерный набор и верстка М.А. Сорокин

Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова

Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д.1; тел. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@mail.rcom.ru

Подписано в печать 31.05.2000. Формат 60х90^{1/8}. Печ. л. 16. Тираж 1000. Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО ИПК «БИОНТ». 199026, С.-Петербург, В.О., Средний пр., 86

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Основатель С.-Петербурга Император Петр I (кстати говоря, сам — член Парижской академии наук) постоянно заботился о развитии образования и науки в России. Об этом свидетельствует и указ его от 28 января 1724 года о создании С.-Петербургской академии наук, Университета и гимназии при ней. Соответствующий параграф документа извещал: “Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким... сиречь до какого состояния оные дошли, молодых людей обучают...” Члены Петербургской Академии наук (например, Г.В. Крафт, Х. Гольбах, Л. Эйлер) в XVIII веке обеспечивали учебный процесс составлением программ и учебников, непосредственным преподаванием студентам и кадетам столичных учебных заведений, в том числе и Университета, обучение в котором предусматривалось по трем “классам” (математическому, физическому и гуманитарному). В опубликованном Е.С. Кулябко списке студентов Университета за 1726–1733 гг. числятся 38 человек, хотя самым автором он признается недостаточным. Питомцы Университета внесли впоследствии значительный вклад не только в отечественную, но и мировую науку и культуру. Среди них были, например: математик С.Н. Котельников (1723–1806); астроном и математик, академик С.Я. Румовский (1734–1812); поэт, историк и переводчик И.С. Барков (1732–1766); астроном, академик П. Б. Иноходцев (1745–1806); минералог, химик, академик В.И. Севергин (1765–1826). Академический университет положил начало российскому университетскому образованию. В числе его выпускников — выдающиеся ученые, первые русские профессора Московского университета. Хорошо известна роль М.В. Ломоносова в создании этого университета. Напомним, что он от академического университета был направлен для изучения горного дела в Марбургский университет, затем, по возвращении, стал профессором и в 1758–1765 гг. ректором академического университета и гимназии в Петербурге. Его разносторонняя деятельность на этой должности привела, в частности, к демократизации состава студентов и усилению связей с зарубежными университетами. В 1759 г. он составил проект статуса Петербургского университета.

Первым куратором Московского университета стал выпускник академического университета адъютант В.Е. Адодуров, а А.А. Барсов, Н.Н. Поповский, А.А. Константинов и Ф.Я. Яремский были направлены туда преподавателями.

В 1765 г. для студентов Университета выделяется флигель купленного Академией дома Строгановых на Стрелке Васильевского острова (сейчас на этом месте — Музей почвоведения им. В.В. Докучаева). Затем Университет объединяется с гимназией, где продолжается подготовка специалистов с высшим образованием. После ряда организационных преобразований в феврале 1819 г. С.-Петербургский университет возобновляет свою деятельность на базе Главного педагогического института.

Начало разработке многих научных направлений в России было положено именно в XVIII в. петербургскими университами, и мы еще не раз будем обращаться к их именам.

В XIX в. в стенах Петербургского университета были развиты и приумножены эти начинания. Например, в Университете складываются и получают всемирное признание известные научные школы: П.Л. Чебышева — в математике, Э.Х. Ленца — в физике, Д.И. Менделеева и А.М. Бутлерова — в химии, А.Н. Бекетова — в ботанике, И.И. Мечникова и А.О. Ковалевского — в эмбриологии, И.М. Сеченова — в физиологии, В.В. Докучаева — в почвоведении, А.А. Иностранцева — в геологии, Ф.Ф. Соколова — в антиковедении, К.Н. Бестужева-Рюмина — в отечественной истории, Н.И. Кареева — в истории Европы, В.П. Васильева и В.Р. Розена — в ориенталистике. В начале XX в. Петербургский университет становится самым крупным в мире: в нем на 5 факультетах учится около 10 тысяч человек, появляются свои научные институты. В конце XIX — начале XX в. в Университете работали известные отечественные ученые: математики А.А. Марков, А.М. Ляпунов, В.А. Стеклов, физики О.Д. Хвольсон, Д.С. Рождественский, астроном С.П. Глазенап, климатолог А.И. Воейков, химики Н.А. Меншуткин, Д.П. Коновалов. Большой вклад в развитие науки внесли университетские гуманитарии. Труды выдающихся ученых-востоковедов С.Ф. Ольденбурга, П.К. Коковцова, Б.А. Тураева, В.В. Бартольда, Ф.И. Щербатского и других снискали Университету мировую славу. Исследования филологов А.А. Шахматова, Н.Я. Марра, Н.С. Державина, С.А. Жебелева, историков С.Ф. Платонова, М.И. Ростовцева, философа В.С. Соловьева, социолога М.М. Ковалевского, юристов В.И. Сергеевича и А.Д. Градовского, экономиста И.И. Кауфмана и многих других занимают важное место в истории гуманитарных наук.

С.-Петербургский университет сыграл важную роль и в развитии отечественной общественно-политической мысли и культуры. Здесь учились: многие известные политические деятели, в том числе — премьер-министр России П.А. Столыпин, писатели И.С. Тургенев, Г.И. Успенский, Н.Г. Помяловский,

Л.Н. Андреев, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Д.С. Мережковский, В.В. Вересаев, А.С. Серафимович, Я. Райнис, М. Ауэзов; поэты А. Кантемир, А.А. Блок, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам; композиторы и музыканты М.И. Глинка, И.Ф. Стравинский, А.К. Глазунов, Е.А. Мравинский; художники М.А. Врубель, Н.К. Рерих, А.Н. Бенуа, И.А. Билибин, В.Д. Polenov, Н.Н. Ге, И.Э. Грабарь, Г.С. Верейский; театральные деятели А.И. Сумбатов-Южин, В.И. Качалов, А.П. Брянцев и ряд других выдающихся представителей отечественной и мировой культуры. Первоначальный список, составленный сотрудниками Музея истории университета в 1982 г., включал фамилии 232 универсантов — известных деятелей российской культуры.

В первой половине XIX в. Университет имел только три факультета (историко-филологический, физико-математический и философско-юридический). Постепенно он разрастается, и в его структуре происходят постоянные трансформации.

В 1930-х гг. из соответствующих кафедр физико-математического факультета выросли новые факультеты (физический, математико-механический, географический, геологический, биологический); был создан ряд научно-исследовательских институтов, формируются новые гуманитарные факультеты. К 1941 г. в Университете было 10 факультетов и 7 научно-исследовательских институтов.

К сожалению, беды и невзгоды, выпавшие на долю наших людей в 20–50-е годы, не обошли и Университет. Репрессиям подверглись многие из славных его сынов.

Большой урон нанесла и Великая Отечественная война. В те годы 2,5 тысячи студентов и преподавателей сражались на фронте. Этой теме посвящено несколько книг, выпущенных в последние годы университетским издательством. Сотни погибших на фронтах и в блокадном городе универсантов включены в «Книгу Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета: 1941–1945» (СПб., 1995), но, как с горечью отмечают сами ее составители, книга эта еще не завершена.

После войны Университет постепенно возрождается, расширяется его структура. Получили развитие старые и возникли новые научные школы: в области математических наук — В.И. Смирнова, Ю.В. Линника, А.Д. Александрова, Д.К. Фаддеева; физики — В.А. Фока, А.Н. Теренина, Е.Ф. Гросса, С.Э. Фриша; астрономии — В.А. Амбарцумяна, биологии — А.А. Ухтомского, В.Л. Комарова, В.Н. Сукачева, В.А. Догеля. В области гуманитарных наук стали широко известны имена историков Б.Д. Грекова, Е.В. Тарле, В.В. Мавродина; филологов В.Ф. Шишмарева, В.М. Жирмунского, Б.А. Ларина, Л.В. Щербы; востоковедов В.М. Алексеева, В.В. Струве, И.Ю. Крачковского, И.А. Орбели, Б.Б. Piotровского и многих других. Сейчас в Санкт-Петербургском университете 20 факультетов, 9 спецфакультетов, Центры переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров и Республиканский учебно-научный гуманитарный институт, а, кроме того, еще и различные научно-исследовательские подразделения. Возрождена также университетская Академическая гимназия, где обучаются одаренные дети, проявившие склонности и способности к глубокому изучению математики, физики, химии, биологии; создан и гуманитарный класс. С.-Петербургский государственный университет является головным вузом по подготовке кадров для России и Содружества.

В Университете в настоящее время около 23 тысяч студентов, из них свыше 12 тысяч — на дневном отделении. Аспирантура Университета является одной из самых многочисленных среди вузов России: в ней около 1500 аспирантов. Более 100 человек — в докторантуре. Научно-педагогический коллектив составляет примерно 4 тысячи человек; в его составе свыше 800 докторов наук и профессоров, 1600 кандидатов наук и доцентов. Обучение сегодня ведется по 71 специальности и 21 направлению высшего профессионального образования.

За время своего существования Университет выпустил свыше 200 тысяч специалистов разного профиля не только для нашей страны, но и для более чем 90 других стран мира. Большие 600 выпускников и преподавателей его стали академиками и членами-корреспондентами Академии наук, а семи питомцам его были присуждены Международные Нобелевские премии.

Университет имеет широкие и разнообразные контакты как с российскими учебно-научными центрами, так и с 30 зарубежными. И контакты эти сегодня продолжают традицию, зародившуюся еще в XVIII в. Только на протяжении XIX в. почетными докторами Петербургского университета было избрано 67 выдающихся ученых разных стран.

Традиция эта продолжается и в настоящее время. Только за период 1964–1998 гг. почетными докторами Университета избрано 42 представителя зарубежной науки. В числе почетных докторов Санкт-Петербургского университета — наших соотечественников — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, удостоенный этой чести в 1994 г. за выдающиеся заслуги в возрождении национальной духовной культуры и традиций изучения Библии.

Ю.А. Ендольцев

Из книги «С.-Петербургский государственный университет»

Традиция духовного просвещения в истории С.-Петербургского государственного университета

Духовное просвещение и изучение основ православного богословия было составной частью университетского образования в дореволюционный период. В XIX веке богословие читалось студентам всех факультетов университета.

Согласно Уставу Императорского С.-Петербургского университета 1835 года: “общим предметом, назначенным советом профессоров с утверждением министра народного просвещения графа С.С. Уварова, в виде опыта для всех студентов факультетов вводилось богословие”.

Позднее, 27 апреля 1863 года, Устав Императорского С.-Петербургского университета ввел обязательное изучение богословия для студентов православного вероисповедания. В ст. 18 Устава было написано: “Для студентов православного вероисповедания всех факультетов состоит при каждом особая кафедра богословия”.

В другом месте этого Устава для всех университетов России в ст. 114 вводилось правило, согласно которому все студенты православного вероисповедания должны были обязательно сдавать экзамен по богословию для успешного окончания учебного заведения. Эта же статья устанавливала обязательное изучение и сдачу экзамена по богословию на получение ученой степени.

Устав 1884 года еще более укрепил и продолжил традицию преподавания православного богословия на всех факультетах Императорского Петербургского университета вплоть до революции.

В советский период эта славная традиция духовного просвещения в стенах университета была, к сожалению, искусственно прервана по идеологическим мотивам борьбы с Православием и верой в Бога как таковой.

Кафедры богословия на всех факультетах в это время были упразднены. Теперь вместо них вводились новые идеологические дисциплины: “научный атеизм”, “научный коммунизм” и другие. Они, по замыслу тех, кто их вводил, должны были своим идеологическим суррогатом заменять давнюю университетскую традицию духовного просвещения. Однако, несмотря на все усилия “самая передовая в мире идеология” так и не смогла заменить собой тысячелетнюю традицию духовного просвещения, связанную с Православием.

Это стало особенно очевидным в конце 80-х годов, когда в университете, в бывшем помещении храма св. апп. Петра и Павла, с осени 1989 года до лета 1990 года впервые читались публичные лекции “Исторические судьбы русской духовной культуры”, посвященные возрождению православной традиции духовного просвещения в России, которые неизменно собирали многолюдную аудиторию слушателей.

За последнее десятилетие усилился интерес к духовному просвещению. Проблема духовного образования и просвещения оказалась в центре жизни современной России и от ее решения зависит будущее страны. Сегодня наше общество подвергается безудержной вестернизации, испытывает на себе экспансию и натиск многочисленных тоталитарных сект и различных форм оккультизма. Какой будет Россия в XXI веке, во многом зависит от того, каким будет духовное просвещение и образование в нашей стране. Об этом не раз говорил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своих выступлениях: “В современной России, других странах Содружества, где вихрь богоборческих репрессий некогда почти искоренил православную школу, духовно-нравственное воспитание юных поколений немыслимо без содружества Церкви и государственной системы образования”.

Поэтому так важно сегодня возродить православную традицию духовного просвещения и образования, связанную на протяжении веков с историей С.-Петербургского Государственного университета.

Н.К. Симаков,

*выпускник С.-Петербургского Государственного университета,
профессор Международной славянской академии*

«У человека в душе должен быть Бог...»

ИНТЕРВЬЮ С РЕКТОРОМ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Людмилой Алексеевной Вербицкой

— Людмила Алексеевна, на протяжении почти трех столетий велика была та не только научная, но и духовная роль, которую играл С.-Петербургский университет в жизни северной столицы и многих петербургских семей, занимавшихся наукой. Неотъемлемой частью университетского образования в XIX-начале XX вв. было духовное просвещение и изучение основ православного богословия. Из стен университета вышло немало иерархов Церкви, богословов, религиозных философов, людей бывших не только выдающимися учеными различных отраслей знания, но остававшихся на протяжении всей своей жизни верными чадами Церкви, строившими свою жизнь на основе Православной веры. После 1917 года здесь, в университете, продолжали преподавать и учиться многие петербуржцы, порой исповадовавшие свою веру и убеждения вплоть до мученической кончины. В последние десятилетия здесь же, в университете, в среде интеллигенции начались процессы духовного пробуждения и воцерковления общества, была создана одна из первых православных общин в стенах Высших учебных заведений Петербурга. В Вашу бытность ректором университета его посещал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и здесь ему в 1994 году был вручен диплом почетного доктора. Еще до этого Университет, одним из первых в С.-Петербурге и России научных и учебных заведений начал осуществлять совместные с Церковью научные контакты и проекты. В связи с этим хотелось бы попросить Вас освятить эту сторону современной жизни университета. Как зародилось это творческое и научное взаимодействие и сотрудничество?

— Действительно, в 1994 году, 4 апреля, мы вручали диплом почетного доктора С.-Петербургского университета Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Наши связи и дружеские контакты начались еще раньше, во второй половине 80-х гг., когда Патриарх Алексий был митрополитом в нашем городе. Ректором университета тогда был Станислав Петрович Меркурьев, которого, к сожалению, — совершенно неожиданно для нас, не стало 18 марта 1993 года, он умер в возрасте 48 лет ... Я была первым проректором университета, и у нас состоялось совершенно удивительное для того времени событие — совместная научная конференция, посвященная 75-летию Русской Библейской комиссии, проходившая как в стенах Духовной академии, так и

Вручение диплома почетного доктора С.-Петербургского университета Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II

у нас, в университете. Очень хорошо помню тот день, когда митрополит Алексий, ректор Духовной академии и целый ряд их коллег приехали сюда, в университет, на наше заседание, где принимали участие в работе секции, а мы были на открытии конференции у митрополита в здании Духовных школ. Так в те годы у нас зародилось плодотворное сотрудничество с Церковью.

В университете есть немало интересных ученых, прекрасных исследователей и замечательных людей как, например, Герман Иванович Софронов, Петр Андреевич Дмитриев, — именно они были инициаторами создания программы Библейской комиссии и, конечно, без их внутреннего настроя на контакт и плодотворное сотрудничество с Церковью это очень важное дело не было бы осуществлено. Ведь по сей день вопрос перевода Библии на целый ряд языков действительно остается важной и актуальной задачей.

Люди моего поколения, которые когда-то, в лучшем случае, разве что держали в руках Библию в детстве, — у моей бабушки была Библия, — не имели возможности систематически читать и знать Священное Писание, тем более, воспитываться в вере. Я полагаю, что у человека в душе обязательно должен быть Бог. Сама я поздно начала знакомиться с Библией. Свою нынешнюю Библию я получила из рук Патриарха, тогда еще митрополита, и с тех пор она стала моей настольной

книгой. Хотя я мало сплю и очень поздно ложусь, — тем не менее, последние годы каждый вечер, помимо того, что я готовлюсь к лекциям, пишу, прочитываю отрывок из Агаты Кристи в подлиннике, — по образованию я русист, и мне это необходимо для совершенствования моего английского, — перед самым сном обязательно читаю Священное Писание, — Библию, — сколько могу: три абзаца, пол-странички, иногда несколько страниц, и все время открываю для себя что-то новое. Со страниц Евангелия черпаешь глубокую нравственность, познание устройства мира, задумываешься над философскими проблемами... К счастью, сейчас дети могут познакомиться с текстом Библии в гораздо более раннем возрасте, и это, несомненно, очень важно.

Поэтому совершенно естественно, что возникшее при митрополите Алексии творческое содружество продолжается в течение многих лет. При Университете в рамках филологического факультета был создан так называемый Библейский институт. Конечно, личность играет роль в истории. Человеком, который осуществлял на протяжении ряда лет такую связь Церкви и университета был К. И. Логачев. Он читал лекции с объяснением (толкованием) Библии, так как для молодых людей проблема знания церковнославянского языка и понимания Св.Писания не очень проста. К сожалению, с уходом из жизни Константина Ивановича такая работа прекратилась.

В апреле 1994 г., когда митрополит Алексей стал уже Патриархом, мы пригласили его для вручения диплома почетного доктора С.-Петербургского университета. По нашим правилам, один из факультетов выступает с таким предложением — в данном случае, это восточный факультет, деканом которого был тогда проф. М. Н. Боголюбов, человек высокой нравственности, очень образованный и религиозный. Михаил Николаевич с глубоким знанием дела подготовил обращение в Большой Ученый Совет, чтобы за все наши совместные работы и тот вклад, который Патриарх Алексей внес в развитие науки, ему было присуждено это высокое звание.

День, когда Его Святейшеству вручался диплом почетного доктора, был, прекрасным и важным для Университета днем. Мы вручали диплом в начале апреля, — был Великий Пост и мы, помню, хлопотали о том, чтобы к чаю подали все постное. Проф. М.Н. Боголюбов произнес речь, свидетельствующую о глубоком знании им текстов Священного Писания, о том, сколь многое он понимает и чувствует. Святейший Патриарх Алексей II, — и тогда, и в настоящее время столь много делающий для утверждения согласия в обществе, формирования процесса национального самосознания, произнес прекрасную ответную речь. Мне кажется, что и Патриарх Алексей помнит этот день. Недавно у меня была возможность поздравить его с юбилеем и днем тезоименитства. Время от времени мы встречаемся с Его Святейшеством в связи с тем, что

сейчас при участии ученых университета идет работа над подготовкой к печати Православного энциклопедического словаря, и я вхожу в комиссию по его изданию. От него самого я знаю, что определенный след в душе и теплое воспоминание от посещения университета у нашего Патриарха остался.

— *С.-Петербургский университет, действительно, одним из первых высших учебных и научных заведений С.-Петербурга обратился лицом к Церкви, а значит и к Богу после долгих лет официального государственного атеизма, начав движение по этому пути. В его стенах в конце 1980-х — начале 1990-х годов впервые среди ВУЗов города было начато чтение лекций по истории Церкви. Последние годы и десятилетие в целом, пожалуй, можно назвать временем восстановления традиций. Начиная с первой трети XIX века для лиц православного вероисповедания, учившихся в С.-Петербургском университете, обязательным было изучение богословия. Может быть, учитывая это, а также опыт ряда зарубежных университетов, где существуют богословские факультеты, и С.-Петербургскому университету пойти на такой шаг? Какие совместные программы Церкви и Университета осуществляются сейчас?*

— Начали мы, действительно, одними из первых, хотя сейчас, быть может, даже немножко отстали. Наши научные связи продолжаются. Сейчас у нас немало таких курсов и регулярных циклов лекций для студентов на Восточном факультете. Михаил Николаевич Боголюбов, декан факультета, многое сделал для образования студентов своего факультета в этом направлении. На философском факультете также есть отделение религиоведения. Что касается курса, изучения Библии — Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, истории Церкви, то его организация, думаю была бы вполне реальна.

Если говорить об открытии богословского факультета, то здесь существует проблема, может быть, более широкая, и, здесь, по-видимому, мы должны действовать поэтапно, потому что процесс изменения сознания людей происходит медленно. Среди университетов Германии немного таких, где существуют богословские факультеты, в ряде университетов Италии, действительно, такие факультеты есть. Мы уже обсуждали вопрос открытия богословского факультета. Вопрос этот — непростой, однако мысли такие все же есть. Пока еще может быть, Ученый Совет не совсем готов к тому, чтобы решиться на создание такого факультета. Но я не исключаю со временем такой возможности.

— *Если говорить о ВУЗах С.-Петербурга, то сейчас приблизительно в десяти из них, помимо Университета и Духовных академии и семинарии, открыты и действуют как в их исторических стенах, так и во вновь построенных корпусах и зданиях, православные храмы. В числе таких учебных заведений можно назвать: Технический университет (б. Политехнический институт),*

Педагогический университет им. Герцена, Академию художеств, С.-Петербургскую консерваторию, Военно-Медицинскую академию, Академию Русского балета им. А. Вагановой и другие. Некоторые ВУЗы, располагающиеся в новых зданиях, открывают домовые храмы в этих совершенно новых постройках (например, церковь свв. равноап. Кирилла и Мефодия при Гуманитарном университете в Купчино на ул. Фучика; часовня св. пророка Илии при Академии Гражданской авиации). Таким образом, складывается определенная тенденция. В главном историческом здании С.-Петербургского университета в домовый Петропавловской церкви можно видеть молящимися, участвующими в чтении и богослужении как преподавателей, так и учащихся, — студентов Университета. Каково будущее Петропавловского храма университета? Ведь сейчас община находится в очень стесненных условиях, поскольку в стенах храма продолжает располагаться университетский музей. Кроме того, при находящемся в Петергофе факультетах Университета запроектировано строительство нового православного храма. Что бы Вы могли сказать о перспективах на ближайшие годы обустройства этих действующих в стенах Университета храмов?

— Нынешняя молодежь, лишившись идеологии, главенствовавшей в обществе несколько десятилетий, — мы не будем сейчас говорить, какой она была и как утверждалась в жизни; было сделано множество ошибок, и кто теперь ответит за то, что было разрушено столько церквей, бывших и прекрасными произведениями искусства и очагами нравственности, — молодежь сейчас нуждается в том, чтобы обрести опору в жизни, нуждается в другой идеологии. Поэтому, наверное, многие посещают церковь, хотят венчаться в храме. Полагаю, что на самом деле важно еще проникнуться тем, чтобы заповеди Господни стали основой жизни конкретного человека, чтобы моральные принципы, данные Евангелием, действительно стали моральными принципами общества. В этом направлении предстоит вести еще очень большую работу, потому что проблемами духовного воспитания молодого поколения, студенчества, сейчас мало кто по-настоящему занимается.

Университет — особый организм, многоплановый, многослойный, в какой-то степени, это — миниатюра современного общества, в котором есть всё. Поэтому я думаю, что постепенно, но твердо, вступив на эту дорогу, нам надо двигаться и дальше по этому правильному пути, что мы и стараемся делать.

Сейчас сотрудники наших факультетов, расположенных в Петергофе, попросили меня одобрить проект строительства новой церкви при этих факультетах. Естественно, что эту идею я с готовностью поддержала. Поэтому, что касается планов строительства университетского храма в Петергофе, у нас есть конкретные идеи, проект, и в настоящее время решается вопрос о финансировании этого строительства.

В Петербурге дела обстоят несколько сложнее, и дело идет медленнее, поскольку требуется решение Ученого Совета по вопросу возобновления полноценной религиозной жизни в стенах Петропавловской университетской церкви. Например, мы несколько раз возвращались к вопросу (а обсудить это и дать согласие может только Ученый Совет) о возрождении церкви в главном здании С.-Петербургского университета, поскольку в дореволюционные годы в помещении, занимаемом сейчас музеем университета, располагалась университетская церковь. Но до сих пор Церковь по-прежнему отделена от государства, и я знаю, что многие ВУЗы в настоящее время успешно решают проблему открытия при учебном заведении храма, в случае, если у них есть отдельно стоящие церковные здания (пожалуй, только в Академии художеств храм помещается внутри). После обращения университетской религиозной общины, “двадцатки”, как она тогда называлась, несмотря на то, что храм у нас расположен также внутри главного здания университета, мы пошли на то, чтобы дать возможность возобновить богослужения в этой церкви.

В тот день, когда мы вручали диплом почетного доктора Патриарху Алексию, он подарил Университету икону Божией Матери в дивном окладе. Я очень опасалась за ее сохранность, — боялась оставить в кабинете и первоначально держала ее в сейфе, хотя понимала, конечно, что иконе не место там. Когда у нас была вновь освящена церковь, я передала эту икону туда, чтобы поместить на то место, где раньше располагался алтарь.

Сейчас у нас появилась возможность по просьбе настоятеля университетского храма отца Кирилла, — нашего выпускника, проводить регулярно богослужения в церкви. Иногда к нам приезжают священники из других храмов, недавно здесь служил ректор С.-Петербургской Духовной академии Владыка Константин. То, что о. Кирилл кроме глубокого знания богословия еще и выпускник физического факультета университета, человек разносторонних знаний, замечательно. Очень важно, и то, что работа, которую ведет Университетская церковь и непосредственно о. Кирилл, разноплановая. Это как богослужения, так и проведение семинаров с обсуждением различных вопросов — философских, морально-нравственных, этических и иных. Ведь наше познание ограничено, и многое мы не до конца понимаем. Сегодня даже занимавшаяся всю жизнь проблемами мозга, академик Наталия Петровна Бехтерева пришла к 70-ти годам к мысли о том, что Бог существует. Раскрыть область научного знания в сторону познания Бога, думаю, — это важная задача сейчас. Поэтому, если бы мы расширили свои понятия в этой области, это было бы хорошо.

Не так давно, в 1987–1988 гг. нами был произведен ремонт университетского храма, поновлены и восстановлены росписи в куполе. В настоящее время мы ра-

ботаем над проектом возрождения алтаря и иконостаса Петропавловской церкви. Пока же церковь и музей, как мне кажется, хотя и вынужденно, но по-дружески работают и сосуществуют. Представитель ректората — Борис Вениаминович Воронов, помогает согласовывать различные вопросы и осуществлять работу в этом направлении. Так что, этот процесс в стенах университета, хотя и медленно, все-таки развивается положительно.

Мне хотелось давно вынести вопрос о возобновлении полноценной церковной жизни в стенах университетского храма и перемещении музея в другое место на Ученый Совет, но мы, посоветовавшись с М.Н. Боголюбовым, — он по-прежнему остается членом Ученого Совета, и проректором по научной работе Владимиром Николаевичем Трояном, который, как мне кажется, является человеком глубоко религиозным, решили, что это уместно сделать чуть позже, может быть, осенью 2000 года. К этому времени мы сможем подготовиться основательно к тому, чтобы такое решение Ученым Советом было обязательно принято и наверняка прошло через него. Для этого нам нужно подумать, как перераспределить помещения в Университете, с тем, чтобы подготовить место для университетского музея, ныне занимающего помещения церкви. Постепенно, надеюсь, Ученый Совет созреет до того, чтобы принять, наконец, положительное решение о полной передаче храма общине, что позволит возродить его в первоначальном виде. К осени, возможно, этот вопрос решится положительно.

— *Имена многих новомучеников и исповедников Российских, пострадавших за веру Христову в XX веке, связаны с Университетом и университетским храмом. Многие из них входили в число профессуры и преподавателей Университета...*

— Да, мы помним, сколь многие люди были арестованы в трагическое для России время в этих стенах. Напоминает об этом и наш главный коридор, который студенты и преподаватели 20–30–40-х годов, — называли тогда “арестометром” — из-за того, что по нему уводили арестованных... Многие из них были арестованы и репрессированы в те годы.

Самым последним было “Ленинградское дело” 1950-х годов и наш ректор Вознесенский — это его стол, за которым я сейчас работаю, — уезжал отсюда, из своего кабинета, из-за этого рабочего стола в Москву и не вернулся.

Действительно, много и мучеников в полном смысле этого слова, и тех профессоров, учащихся и учащихся, кто был арестован и пострадал, погиб в те годы.. Память их чтится в стенах Университета.

— *В Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии, среди клириков Епархии, служит немало пастырей и мирян, которые являются выпускниками университета. Многие из них, помимо священнослужения, продолжают заниматься наукой: богословием, переводами, общей и новейшей церковной историей и*

другими отраслями знания. Учитывая этот факт, может быть, в том числе с помощью бывших выпускников университета имело бы смысл наладить более тесное сотрудничество между С.-Петербургским университетом и С.-Петербургской Епархией и Духовными школами. Возможно, это могло бы выразиться в организации чтения курсов лекций по церковным дисциплинам в стенах Alma Mater, что могло бы послужить к пользе духовной и духовному просвещению нынешних студентов университета. Чем в этом плане могла бы помочь Церковь?

— Определенная духовная связь и творческое сотрудничество между С.-Петербургским Университетом и Духовной академией исторически существовали. На протяжении XIX- начала XX веков наши профессора трудились в Духовной академии, профессора из Духовных школ преподавали у нас.

Когда я впервые попала на конференцию в стенах С.-Петербургской Духовной академии и поднималась по лестнице, многие священники, шедшие мне навстречу, здоровались со мною, чему я очень удивлялась: “Откуда здесь могут меня знать?” Они отвечали: “Мы у вас учились”. Так что, действительно, в том, что среди духовенства Епархии немало наших выпускников, я убедилась сама.

Если мы обратимся с просьбой о чтении лекций, и С.-Петербургская Епархия, Духовные школы откликнутся и смогут помочь в организации такого цикла, думаю, это будет очень полезным и важным сейчас. С ректором Духовной академии Владыкой Константином, полагаю, нам обязательно следует обсудить этот вопрос и сделать более тесными наши связи. Полагаю, вместе с первым проректором нам надо будет подумать над тем, чтобы со следующего учебного года просить прочесть, может быть, не курс на каком-либо из факультетов, а цикл лекций в актовом или Петровском зале, куда могли бы приходить студенты различных факультетов всего Университета, чтобы это было бы доступно студентам не только какого-то одного факультета. И, может быть, просить именно профессоров и преподавателей Духовной академии прочесть эти лекции.

Думаю, что и приезд правящего архиерея, Владыки митрополита, скажем, на вручение дипломов тем, кто с отличием заканчивает Университет, был бы также очень желателен. Может быть, и наш новый президент, также выпускник Университета, откликнется на наше приглашение и приедет для участия в этой церемонии. Это было бы полезно и несло бы определенную воспитательную нагрузку не только и не столько в отношении студентов, но также и членов Ученого Совета университета.

Мы посоветуемся с коллегами, и я полагаю, сотрудничество С.-Петербургского университета с Церковью важно продолжить, оно может быть долгосрочным и плодотворным и мы готовы и рады идти по этому пути.

ВЫПУСКНИКИ УНИВЕРСИТЕТА –

*Архимандрит Августин
(Никитин)*

*Архимандрит Ианнуарий
(Ивлиев)*

*Протоиерей Владимир
Федоров*

*Протоиерей Борис
Безменов*

*Иерей Валерий
Швецов*

*Иерей Александр
Степанов*

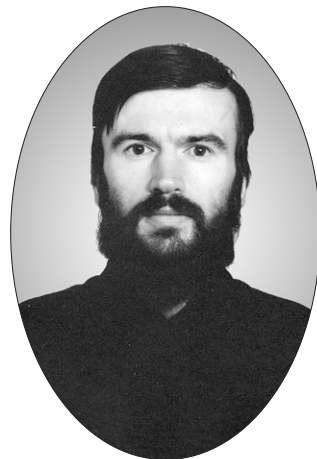
*Иерей Кирилл
Копейкин*

*Иерей Михаил
Еременко*

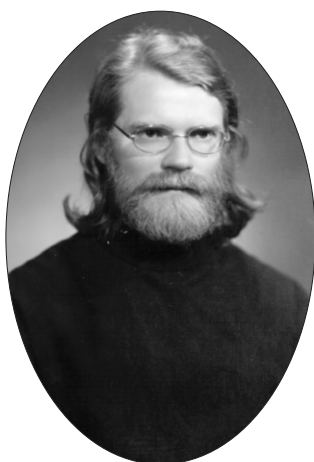
*Иерей Константин
Константинов*

*Иерей Виктор
Пантин*

КЛЕРИКИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

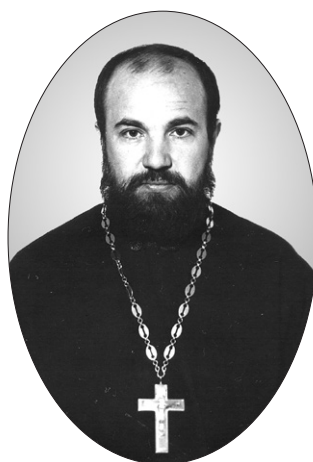
*Протоиерей Александр
Прокофьев*

*Протоиерей Николай
Зайцев*

*Протоиерей Георгий
Митрофанов*

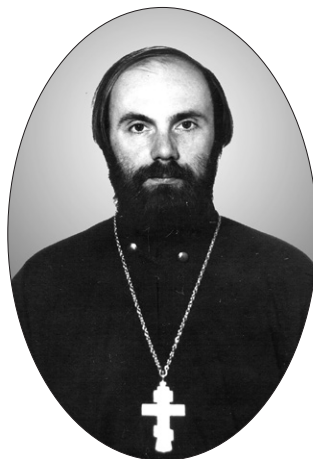
*Протоиерей Алексей
Крылов*

*Иерей Игорь
Александров*

*Иерей Лев
Нерода*

*Иерей Андрей
Козлов*

*Диакон Александр
Мусин*

*Диакон Алексей
Шишов*

*Диакон Игорь
Магницкий*

ВЫПУСКНИКИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА – КЛЫРЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

Архимандрит Августин (в миру — Никитин Дмитрий Евгениевич).

Родился 14 сентября 1946 г. в С.-Петербурге в семье служащих. В 1969 г. окончил физический факультет С.-Петербургского университета. Трудился преподавателем в Доме культуры им. Шелгунова. В 1973 г. (28 октября) принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 г. им же рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию (1975), с этого времени — преподаватель, с 1978 г. — доцент С.-Петербургской Духовной академии.

Архимандрит Ианнуарий (в миру — Ивлиев Дмитрий Яковлевич).

Родился 9 декабря 1943 г. в Вологде в семье служащих. Окончил С.-Петербургский университет (1966), работник и аспирант университета (до 1975). С 1975 г. — студент, затем (с июня 1978) — преподаватель С.-Петербургской Духовной академии и семинарии.

8 октября 1975 г. совершена хиротесия во чтеца в Успенской Крестовой церкви митрополичьих покоев митрополитом Никодимом. 8 марта 1979 г. пострижен в монашество архиепископом Выборгским Кириллом, 18 марта 1979 г., на 2-й неделе Великого поста им же хиротонисан во иеродиакона, 22 апреля 1979 г., в праздник Св. Пасхи рукоположен епископом Кириллом во иеромонаха в Иоанно-Богословском храме С.-Петербургских Духовных академии и семинарии. Доцент С.-Петербургской Духовной академии (1985). Участник многочисленных международных конференций и консультаций. Архимандрит (1986).

Протоиерей Федоров Владимир Филиппович.

Родился 8 марта 1945 г. в г. Владимире в семье служащих. В 1970 г. окончил математико-механический факультет С.-Петербургского университета. Рукоположен во диакона митрополитом Никодимом в Успенской Крестовой церкви при митрополичьих покоях 8 октября 1975 г. Окончил Петербургскую Духовную академию. В праздник Рождества Христова 7 января 1978 г. в Николо-Богоявленском кафедральном соборе митрополитом Никодимом рукоположен во пресвитера к церкви

С.-Петербургских Духовных академии и семинарии. С 9 октября 1986 г. — протоиерей. В 1993–1998 гг. временно служил в Иоанно-Предтеченской Чесменской церкви. С апреля 1999 г. включен в состав Миссионерского отдела С.-Петербургской епархии.

Протоиерей Безменов Борис Борисович.

Родился 12 июля 1940 г. в С.-Петербурге в семье служащих. В 1963 г. окончил С.-Петербургский университет по специальности «биофизик-биохимик». Работал преподавателем физики в Петербургском техникуме железнодорожного транспорта. С ноября 1977 г. — преподаватель С.-Петербургской Духовной семинарии. 1 октября 1978 г. рукоположен ректором С.-Петербургской Духовной академии и семинарии архиепископом Выборгским Кириллом в Иоанно-Богословском храме Духовных школ во диакона. В Великую Субботу, 21 апреля 1979 г., им же в том же храме рукоположен во пресвитера. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию (1980), кандидат богословия (1982). С 23 июня 1993 г. — штатный священник церкви вмц. Екатерины в пос. Мурино Всеволожского района, с сентября 1990 г. несет пастырское служение в тюремной больнице им. д-ра Гааза (учреждение УС-20/12), с февраля 1992 г. — священник там же, с декабря 1996 г. — по совместительству настоятель церкви при тюремной больнице им. д-ра Гааза. Преподаватель С.-Петербургской Духовной академии и семинарии.

Протоиерей Прокофьев Александр Александрович.

Родился 8 сентября 1946 г. в С.-Петербурге в семье служащих. В 1966–1968 гг. учился на биолого-почвенном факультете С.-Петербургского университета. С 1967 г. — постоянный прихожанин Спасо-Преображенского собора С.-Петербурга. До марта 1974 г. исполняет обязанности чтеца и певца в Екатерининской церкви г. Павловска (Царская Славянка). С 1977 г. — служит чтецом и поет во Всесвятской церкви Клайпеды (Литва). 16 апреля 1978 г. в храме Виленского Свято-Духова монастыря рукоположен во диакона епископом Виленским и Литовским Германом к церкви Всех Святых, в земле Российской просиявших (Клайпеда), диакон названного храма с апреля 1978 г. Окончил Московскую Духовную семинарию (заочно).

1 апреля 1983 г. рукоположен епископом Виленским и Литовским Викторином во пресвитера, с апреля

1983 г. — священник церкви Всех святых, в земле Российской просиявших (Клайпеда), настоятель приписной церкви св. Александра Невского в г. Жемайтю-Науместис Шилутского района (Литва). С 1 января 1986 г. — второй священник Благовещенского собора в г. Каунасе, а также настоятель Никольской церкви г. Тельшай и приписной Скорбященской церкви в Ковнатово. В январе 1989 г. переезжает из Литвы в С.-Петербургскую епархию, 20 февраля 1990 г. принят в клир епархии и назначен настоятелем храма свв. апп. Петра и Павла с. Сомино, где служил до того временно — с лета 1989 г. С 6 февраля 1992 г. — протоиерей. С февраля 1992 г. также настоятель восстанавливаемой приписной церкви Рождества Богородицы в с. Лиственка. Тогда же приступил к строительству церкви Всех Святых, в земле Российской просиявших (пос. Сосново), с 13 ноября 1995 г. — настоятель названного храма. С 15 мая 1999 г. по совместительству — настоятель храма св. равноап. царицы Елены при С.-Петербургской медицинской академии последипломного образования.

Протоиерей Зайцев Николай Иванович.

Родился 6 ноября 1947 г. в дер. Жавнец Гордеевского района Брянской области в крестьянской семье.

Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета по специальности правоведение (1978). С 1976 г. работал в прокуратуре Ленинградской области в должности старшего следователя Кингисеппской городской прокуратуры. Прихожанин Воскресенского собора г. Нарвы. Переезжает с семьей в Среднюю Азию. 25 февраля 1982 г. в Успенском кафедральном соборе Ташкента архиепископом Ташкентским и Среднеазиатским Варфоломеем рукоположен во диакона. Диакон Успенского кафедрального собора Ташкента, с 25 июля 1982 г. — диакон Никольского собора в Аишабаде (Туркмения). 4 ноября 1982 г. рукоположен архиепископом Варфоломеем во пресвитера, священник Никольского собора в Аишабаде, с 6 августа 1983 г. — священник церкви св. прор. Илии г. Кызыл-Кия (Киргизия), с 28 февраля 1993 г. — настоятель названного храма. С 1 марта 1993 г. — благочинный Ошского округа. В связи с эскалацией национальных конфликтов среди местного населения региона, в октябре 1994 г. вернулся с семьей в С.-Петербургскую епархию, с декабря 1996 г. — духовник Успенской церкви Ивангорода. С сентября 1996 г. — духовник Ивангородского казачьего землячества «Петропавловская станица», настоятель Успенского храма в Ивангородской крепости.

Протоиерей Митрофанов Георгий Николаевич.

Родился 19 марта 1958 г. в С.-Петербурге в семье служащих. Окончил исторический факультет С.-Петербургского университета (1982). Работал библиотекарем, затем младшим научным сотрудником Отдела рукописей Государственной Публичной библио-

теки (ныне — Российская Национальная библиотека). В 1985 г. поступил в 3-й класс С.-Петербургской Духовной семинарии. В праздник Благовещения, 7 апреля 1988 г., рукоположен митрополитом Алексием в Николо-Богоявленском соборе во диакона, 12 июля 1988 г., им же — во пресвитера, в Павловском соборе Гатчины. С сентября 1988 г. — преподаватель истории Русской Православной Церкви в С.-Петербургской Духовной семинарии. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию (1990). Июль — ноябрь 1990 г. — штатный священник Серафимовской церкви, апрель — июнь 1991 г. — священник Софийского собора Царского Села. Преподаватель С.-Петербургской Духовной академии и семинарии. С 21 декабря 1993 г. постановлением Св. Синода назначен членом Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. В связи с 275-летием основания и 50-летием возрождения С.-Петербургских Духовных школ 6 января 1997 г. удостоен сана протоиерея.

Протоиерей Крылов Алексей Сергеевич.

Родился 2 марта 1958 г. в пос. Локса Хартюского района Эстонии в семье служащих. Окончил физический факультет С.-Петербургского университета (1981). До 1985 г. работал в НИИ физики при Университете, в 1985–1986 гг. трудится в церкви вмц. Екатерины в Павловске, поступил в С.-Петербургскую Духовную семинарию. 8 ноября 1987 г. в Димитриевской Коломяжской церкви рукоположен митрополитом Алексием во диакона. 9 апреля 1988 г. им же в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры рукоположен во пресвитера. С июля 1988 г. по сентябрь 1990 г. командирован служить диаконом, затем — священником Спасо-Преображенского собора С.-Петербурга, в сентябре-декабре 1990 г. командирован служить в Спасо-Преображенском соборе г. Выборга. С 17 декабря 1990 г. — настоятель церкви св. Иоанна Предтечи (Чесменской), с 21 марта 2000 г. назначен по совместительству настоятелем церкви свт. Николая Чудотворца на станции Предпортовая. С апреля 1998 г. — протоиерей.

Священник Швецов Валерий Евгениевич.

Родился 25 марта 1962 г. в С.-Петербурге в семье служащих. Окончил физический факультет С.-Петербургского университета (1987), спецфакультет при психологическом факультете университета (1989), работал психологом в обществе трезвости Смольнинского района.

1989–1990 гг. — псаломщик собора свв. апп. Петра и Павла в Петергофе.

12 июля 1991 г. рукоположен митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Иоанном во диакона, с 28 июля 1991 г. — диакон Петропавловской церкви пос. Вырица.

13 декабря 1991 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры также митрополитом Иоанном рукоположен во пресвитера. Служил штатным священником Спасо-Преображенского собора г. Выборга, где активно занимался духовно-нравственным просвещением горожан. С сентября 1993 г. — настоятель прихода прп. Андрея Критского (ст. Володарская, б. Сергиево, Балтийской железной дороги). Восстановил два храма: при станции и в б. богадельне, открыл домовую церковь св. прав. Иоанна Кронштадтского при старческом доме-интернате на пр. Ветеранов. С 28 января 1999 г. — благочинный Красносельского округа, объединяющего 16 храмов в черте Красносельского района С.-Петербурга, Кронштадта, Стрельны, Ломоносовского района области. С 15 апреля 1999 г. окормляет также домовый храм Покрова Пресвятой Богородицы при городской больнице № 15 в Лигово.

Священник Степанов Александр Олегович.

Родился 5 ноября 1956 г. в С.-Петербурге в семье служащих. В 1980 г. окончил физический факультет С.-Петербургского университета. Аспирант Электротехнического института (ЛЭТИ), в 1980–1983 гг. — инженер отделения ТСО в Инженерно-Строительном институте (ЛИСИ), в 1984–1986 гг. — заведующий межвузовской лабораторией теплофизики ЛИСИ (1987–1992). Кандидат физико-математических наук (1989).

14 марта 1992 г. митрополитом С.-Петербургским и Ладужским Иоанном в Николо-Богоявленском Морском соборе рукоположен во диакона. Несет диаконское послушание в церкви св. ап. Иоанна Богослова С.-Петербургских Духовных школ, староста церкви вмц. Екатерины при Академии художеств. 11 октября 1992 г. в Спасо-Преображенском соборе С.-Петербурга рукоположен митрополитом Иоанном во пресвитера.

С сентября 1992 г. принимает участие в постройке храма смч. Вениамина Петроградского при исправительно-трудовой колонии заключенных в пос. Металлострой, с 12 октября — штатный священник названного храма. С 1 августа 1996 г. — председатель Отдела по благотворительности С.-Петербургской епархии, с 10 декабря 1996 г. по совместительству назначен настоятелем храма свт. Алексия, митрополита Московского в детской колонии в Колпино. С февраля 1997 г. — представитель С.-Петербургской епархии в Межхристианском Диаконическом Совете. С 22 января 1999 г. — настоятель домового храма вмц. Анастасии Узорешительницы и свв. блгвв. князей Феодора, Давида и Константина Ярославских на Васильевском острове. Возглавляет братство св. Анастасии Узорешительницы.

Священник Копейкин Кирилл Владимирович.

Родился 7 июня 1959 г. в С.-Петербурге в семье служащих. В 1980 г. Окончил физический факультет С.-Петербургского университета. Кандидат физи-

ко-математических наук. С момента окончания аспирантуры при физическом факультете университета работал старшим инженером в ОКБ «Интеграл» при С.-Петербургском университете. 3 марта 1993 г. По окончании С.-Петербургской Духовной семинарии (1993) рукоположен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Иоанном во диакона, с 4.03.1993 — штатный диакон Иоанно-Предтеченской Чесменской церкви, 6 июня 1993 г. рукоположен митрополитом Иоанном во иерея, с 8.06.1993 г. — штатный священник Чесменского храма, а также священник прихода Рождества Пресвятой Богородицы при НИИ акушерства и гинекологии им. Д. О. Отта. С 6 октября 1993 г. по 5 апреля 1994 г. — настоятель церкви Богоявления Господня на Гутуевском острове, до 17 декабря 1999 г. — штатный священник церкви Богоявления. С 26 ноября 1996 г. — настоятель храма свв. ап. Петра и Павла при С.-Петербургском Государственном университете. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию (1997). С июня 1999 г. несет послушание секретаря Совета С.-Петербургской Духовной академии и семинарии.

Священник Александров Игорь Николаевич.

Родился 13 июля 1954 г. в С.-Петербурге в семье школьных учителей. Окончил физический факультет С.-Петербургского университета (1976). Работал по специальности физика, с 1976 по 1982 г. — инженером НИИ физики при Университете. С 1982 г. — старший и ведущий инженер НИИ Электротехнических устройств, в НПО «Красная Заря».

С 1990 г. — внештатный псаломщик церкви св. прор. Илии на Пороховых. 13 декабря 1991 г. рукоположен митрополитом С.-Петербургским и Ладужским Иоанном во диакона, штатный диакон Ильинской церкви. 18 сентября 1994 г. рукоположен митрополитом Иоанном во иерея. Назначен штатным священником церкви св. прор. Илии на Пороховых. С декабря 1996 г. по совместительству — настоятель церкви прп. Серафима Саровского в исправительно-трудовой колонии 20/7 «Яблоневка». Преподает в церковно-приходской школе Ильинской церкви.

Протоиерей Нерода Лев Михайлович.

Родился 7 июня 1952 года в С.-Петербурге, сын и внук священника. Отец, протоиерей Михаил Нерода, (1926 — 1980), служил в С.-Петербурге. Дед, протоиерей Лев Лихтаньский (1904 — 1968), священствовал в Ровенской епархии, прадед — Иван Нерода был церковным старостой на Волыни.

Окончил С.-Петербургский университет по кафедре “ геоморфология ” (1974), кандидат географических наук (1982). В 1974 -1991 гг. трудится во ВНИИ Гидротехники им.Б.Е.Веденеева старшим научным сотрудником и заведующим лабораторией натурных

гидравлических исследований. С 1987 г. — певчий Николо-Богоявленского кафедрального собора. 11 апреля 1990 г. рукоположен митрополитом Алексием в петербургском Спасо-Преображенском соборе во диакона. С апреля 1990 г. — штатный псаломщик в сане диакона, затем — диакон Спасо-Преображенского собора. В августе 1994 г. вышел заштат, служит в церкви вмц. Екатерины в Мурино. Выстроил в пос.Токсово часовню, перестроенную в 1995 г в храм. 8 октября 1995 г. в Князь-Владимирском соборе рукоположен епископом Симоном во иерея. С октября 1995 г. — настоятель вновь построенной церкви св. Архангела Михаила пос. Токсово. С апреля 2000 г. — протоиерей.

Священник Козлов Андрей Владимирович.

Родился 4 октября 1960 г. в С.-Петербурге в семье служащих. Окончил математическо-механический факультет С.-Петербургского университета (1982). В 1982–1985 гг. работал младшим научным сотрудником в лаборатории аэрометодов Мин. Гео. СССР. В 1985–1995 гг. — научный сотрудник НИИ Мостов министерства путей сообщения России. С 1979 г. — прихожанин Спасо-Преображенского собора и Спасо-Парголово-ской церкви. С 1991 г. — прихожанин, с 1993 г. — псаломщик Чесменской Иоанно-Предтеченской церкви. 22 мая 1995 г. рукоположен митрополитом С.-Петербургским и Ладомским Иоанном во диакона, штатный диакон Чесменской церкви. 3 декабря 1995 г. рукоположен епископом Тихвинским Симоном, управляющим С.-Петербургской епархией во иерея. С декабря 1995 г. — штатный священник церкви Рождества Иоанна Предтечи (Чесменской). С ноября 1997 г. по совместительству — настоятель домово-й церкви прпп. Сергия и Германа Валаамских в детском доме № 31 на пр. Космонавтов.

Священник Еременко Михаил Вячеславович.

Родился 5 июня 1947 г. в г. Краснодаре в семье служащих. Окончил химический факультет С.-Петербургского университета (1971). В 1972–1975 гг. работал аспирантом химического факультета университета, в 1975–1981 гг. — младший научный сотрудник химфака университета. Кандидат химических наук (1981) по органической химии. В 1985–1992 гг. — старший научный сотрудник НПО «Авантоген».

21 ноября 1992 г. в Ораниенбаумском Михаило-Архангельском соборе рукоположен митрополитом С.-Петербургским и Ладомским Иоанном во диакона. С ноября 1992 г. по май 1996 г. — штатный диакон Благовещенского собора Шлиссельбурга. 22 мая 1996 г. митрополитом С.-Петербургским и Ладомским Владимиром в Николо-Богоявленском Морском соборе рукоположен во иерея, с июня по ноябрь 1996 г. — штатный священник Шлиссельбургского Благовещенского собора. С 18 ноября 1996 г. — настоятель храма свв. апп. Петра и Павла пос. им. Морозова (Шереметьевка).

Священник Константинов Константин Викторович.

Родился 29 сентября 1962 г. в С.-Петербурге в семье служащих. В 1986 г. поступил на биолого-почвенный факультет С.-Петербургского университета, в 1985 г. защитил диплом на кафедре физиологии человека и животных. По окончании университета работал младшим научным сотрудником в Институте Экспериментальной Медицины. С декабря 1992 г. — псаломщик церкви Вознесения Господня в Колпино. 14 ноября 1993 г. рукоположен митрополитом С.-Петербургским и Ладомским Иоанном во диакона, служит штатным диаконом Вознесенской Колпинской церкви. С 1996 г. учится в С.-Петербургской Духовной семинарии (экстернат). 27 сентября 1999 г. в Николо-Богоявленском Морском соборе рукоположен митрополитом С.-Петербургским и Ладомским Владимиром во пресвитера. Служит штатным священником Вознесенского храма в Колпино.

Священник Пантин Виктор Олегович.

Родился 6 декабря 1966 г. в С.-Петербурге в семье служащих. Окончил филологический факультет С.-Петербургского университета по специальности филолог-русист (1991). Окончил аспирантуру Института Русской литературы (ИРЛИ) Российской Академии наук (Пушкинский Дом). Кандидат филологических наук (1994). В 1994–1996 гг. — научный сотрудник института Русской литературы. В 1991–1996 гг. по совместительству преподавал в ряде ВУЗов историю русской литературы и французский язык. Опубликовал ряд статей, посвященных творчеству русских писателей, проблемам православной духовной критики.

С 1994 г. — прислуживает в алтаре, 1995–1996 гг. — внештатный псаломщик церкви Смоленской Божией Матери. В 1996–1999 г. — учеба в С.-Петербургской Духовной семинарии. В 1996 г. хиротесан во чтеца и иподиакона. С сентября 1999 г. — преподает курс истории Русской Православной Церкви на богословско-педагогических курсах св. прав. Иоанна Кронштадтского при Епархиальном отделе образования и духовного просвещения. 24 ноября 1996 г. рукоположен во диакона митрополитом С.-Петербургским и Ладомским Владимиром за литургией в Николо-Богоявленском Морском соборе, с декабря 1996 г. — штатный диакон Серафимовской церкви.

6 декабря 1999 г. в Свято-Троицком соборе Александра-Невской лавры рукоположен митрополитом Владимиром во пресвитера. С 6 января 2000 г. — штатный священник Благовещенской церкви в Новой Деревне, с марта 2000 г. — священник церкви св. прав. Симеона и Анны. Ведет кинолекторий «Русская Православная Церковь, ее праздники и святые» в кинотеатре «Свет».

Диакон Мусин Александр Евгениевич.

Родился 6 июня 1964 г. в С.-Петербурге в семье служащих. В 1981–82 гг. учится в Электро-Техническом институте (ЛЭТИ). С 1985 г. — прихожанин, позже — псаломщик и алтарник Серафимовской церкви. С 1985 г. — учеба на историческом факультете С.-Петербургского университета. С апреля 1988 г. — иподиакон митрополита Алексия, исполняет обязанности псаломщика Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры. Окончил университет в 1990 г. 6 декабря 1990 г. рукоположен митрополитом С.-Петербургским и Ладужским Иоанном в Свято-Троицком соборе Лавры во диакона. Соискатель при написании работы по истории и археологии Русской Православной Церкви, предложенной С.-Петербургским институтом истории, литературы и культуры Российской Академии наук. С октября 1993 г. выходит заштат. 1993 — 1996 гг. — штатный диакон Крестовоздвиженского собора г.Петрозаводска, преподаватель Петрозаводского университета и Державинского лицея. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию (1995).

Диакон Шишов Алексей Николаевич.

Родился 3 июня 1948 г. в С.-Петербурге в семье служащих. Окончил механический институт (1972) по специальности «Динамика полета», в 1972–1975 гг. — инженер КБ «Арсенал», в 1975–1976 гг. — КБ «Вектор». В 1976 г. окончил факультет прикладной математики при матмехе С.-Петербургского университета. 1976–1989 гг. — младший научный сотрудник, кандидат наук, ветеран подразделений особого риска (новоземельские

испытания). С 1989 г. — старший научный сотрудник проблемной лаборатории кафедры разрушения горных пород С.-Петербургского горного института. С 1990-х годов — прихожанин и псаломщик церкви св. Иоанна Предтечи (Чесменской). Занимался реставрацией здания церкви и восстановлением иконостаса.

20 января 1995 г. епископом Тихвинским Симоном рукоположен во диакона, с января 1995 г. — штатный диакон церкви Рождества Иоанна Предтечи (Чесменской).

Диакон Магницкий Игорь Олегович.

Родился 22 марта 1954 г. в Зеленогорске в семье служащих. В 1971–1973 гг. учился в Политехническом институте. По совету и благословению священника Князь-Владимирского собора прот. Александра Козлова поступил в С.-Петербургский университет на кафедру классической филологии. Окончил филологический факультет С.-Петербургского университета в 1981 г. Работал преподавателем древних языков на кафедре классической филологии С.-Петербургского университета (1981–1988), в 1988–1990 гг. — учился в аспирантуре музея истории религии.

С 1996 г. — преподаватель древних языков С.-Петербургской Духовной академии и семинарии. С осени 1997 г. — чтец церкви свт. Николая Чудотворца Александро-Невской лавры. 7 июня 1998 г. рукоположен в Свято-Троицком соборе Лавры епископом Тихвинским Константином, ректором С.-Петербургских Духовных школ, во диакона. С июля 1998 г. — штатный диакон церкви св. ап. Иоанна Богослова С.-Петербургских Духовных академии и семинарии.

В час полночного молчанья,
Отогнав обманы снов,
Ты взглядишь душой в писанья
Галилейских рыбаков,
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
С лучезарною красой.
А.С. Хомяков

Святая Земля. Галилейское море.
(Тивериадское озеро).
Лодки рыбаков в том месте, где Христос призвал
апостолов к евангельскому служению

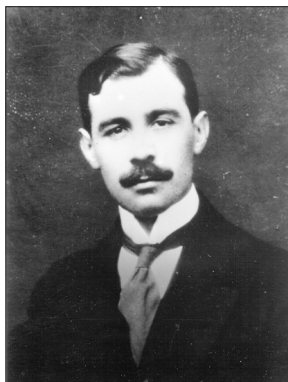
НЕБЕСНЫЕ ЗАСТУПНИКИ УНИВЕРСИТЕТА

Икона св. мч. Юрия Новицкого

Св. мученик ЮРИЙ НОВИЦКИЙ, Петроградский

Новицкий Юрий Петрович. 10.11.1882 — 13.08.1922. Известный профессор-криминалист. Род. в г. Умани Киевской губ. в семье мирового судьи. В 1908 окончил юридический факультет университета св. Владимира в Киеве, где был оставлен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства. В 1913 — приват-доцент. В Киеве основал приют для детей ссыльнокаторжных. *Профессор уголовного права Петроградского университета.* В советское время — организатор и ученый секретарь Петроградского Педагогического института социального воспитания дефективного ребенка, заведовал созданными при этом институте Курсами по защите и охране детства. Одновременно был профессором Педагогического института дошкольного образования. Организовал Костромской рабоче-крестьянский университет в память Октябрьской революции и регулярно выезжал туда читать лекции. Член Совета Петроградского Богословского института. В 1920 — один из создателей Общества православных приходов Петрограда и губернии; избран Председателем его Правления. Арестован в 05.1922. По делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 13.08.1922. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1992 причислен к лику святых.

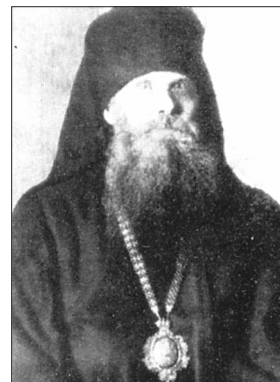

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.2 "Нева". 1992. №10. С.256–262

НОВОМУЧЕНИКИ

Епископ АМВРОСИЙ (Либин)

В миру — Либин Николай Ксенофонтович. 14.01.1878 — 29.11.1937. Род. в Калуге в дворянской семье. *В 1901 окончил юридический факультет С.-Петербургского университета.* Служил присяжным поверенным. В декабре 1919 г. рукоположен во диакона к Казанскому собору Петрограда, 22. 05.1920 — во священника к тому же собору, где служил до февраля 1923 г. Ключарь собора, в 1921 возведен в сан протоиерея. Подверглся арестам 28.02.1923 (освобожден 14.03.1923 за отсутствием состава преступления) и 03.02.1924 (по делу о «православных братствах»). Приговорен 26.09.1924 к 2 годам концлагерей. Отбывал срок на Соловках; в лагере работал письмоводителем канцелярии, был членом иконографической комиссии Соловецкого музея. После освобождения в 11.1926 — 12.1927 служил в соборе Воскресения Христова (Спаса-на-Крови). В 07.1928 пострижен в мантию, с 1928 — наместник Александро-Невской лавры в сане архимандрита. 14.07.1929 хиротонисан во епископа Лужского, викария Ленинградской епархии, с оставлением наместником лавры (освобожден от звания наместника 10.10.1933). Арестован в Ленинграде 20.03.1935 и по Постановлению особого совещания при НКВД СССР направлен в ссылку в Саратов сроком на 5 лет. 03.11.1937 там арестован по обвинению в «антисоветской агитации в церкви во время службы». 21.11.1937 приговорен к расстрелу. Расстрелян в Саратове.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.8

Епископ ВАСИЛИЙ (Зеленцов)

В миру — Зеленцов Василий Иванович. 1870 — 07.02.1930. Род. в Замораево Ранненбургского у. Рязанской губ. в семье протоиерея. Окончил юридический факультет университета и Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Преподаватель Екатеринославской духовной семинарии, затем назначен екатеринославским епархиальным миссионером. Участвовал в работе Поместного Собора 1917–18. Пострижен в монашество (1919), полтавский епархиальный миссионер. С 1920 второй священник, затем настоятель Свято-Троицкой церкви в Полтаве. Арестован 30.05.1922 в Полтаве по обвинению в противодействии изъятию церковных ценностей. Полтавским губревтрибуналом (12.08.1922) приговорен к ВМН с заменой на 5 лет лишения свободы. В заключении в Харьковской тюрьме, освобожден в 1925 по амнистии. Хиротонисан во епископа Прилукского, вик. Полтавской епархии (25.08.1925). Написал два открытых письма к архиеп. Григорию (Яцковскому) 01.03.1926 и митр. Агафангелу (Преображенскому) от 06.05.1926 в поддержку митр. Сергия (Страгородского). Арестован в сентябре 1926, приговорен к 3 годам лагерей. В заключении на Соловках. Автор послания «Необходимые канонические поправки к посланию митрополита Сергия от 16/29 июля 1927» (осень 1927). Написал в начале 1928 «Мое завещание» с резкой критикой Декларации 1927. Освобожден из лагеря и отправлен в ссылку в Иркутскую обл. (ноябрь 1928). Жил в д. Пьяново Братского района. Написал послание митр. Сергию с требованием отказаться от Декларации и угрозой в противном случае проклясть его (август 1929). Переписывался с полтавскими иосифлянами. Арестован 9.12.1929, этапирован в Москву, в Лубянскую тюрьму. По пост. КРГПУ (от 03.02.1930) приговорен к ВМН. Расстрелян 7 февраля 1930. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. 1999. С. 278–79

Епископ ЕВГЕНИЙ (Кобранов)

В миру — Кобранов Евгений Яковлевич. 21.01.1892 — 20.11.1937. Род. в с. Благовещенье Дорогобужского у. Смоленской губ. в семье учителя. Окончил Смоленскую духовную семинарию (1912) и Московскую Духовную семинарию со степенью кандидата богословия (1916), оставлен профессорским стипендиатом. Слушал лекции на восточном факультете Петроградского университета (1916–1917). Защитил магистерскую диссертацию (1917). Рукоположен в сан священника Патриархом Тихоном (кон. 1917). Принял монашеский постриг (1921), через несколько месяцев возведен в сан архимандрита и назначен заместителем настоятеля Новоспасского монастыря в Москве. В 1921 арестован, освобожден через две недели; в том же году вторично арестован и сослан в Архангельск. Освобожден досрочно согласно постановлению ВЦИК.

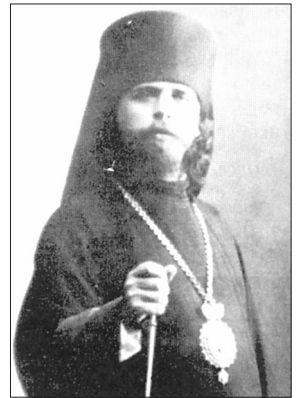
С 1923 — настоятель Новоспасского монастыря, одновременно научный сотрудник музейного отдела Главнауки. Арестован весной 1923, через 3,5 месяца оправдан Московским губсудом и освобожден. Вновь арестован 18.12.1923, по пост. Комиссии ОГПУ по административным высылкам (от 28.03.1924) приговорен к 2 годам ссылки в Хиву. По пост. ОСО КОГПУ (от 23.01.1926) освобожден досрочно. Хиротонисан в Нижнем Новгороде во епископа Муромского, вик. Владимирской епархии (27.03.1926), еп. Балашевский, вик. Саратовской епархии (с 15.09.1927), епископ Ростовский, вик. Ярославской епархии (с 14.12.1927). В 1926–27 жил в Москве без права выезда. Отделился от митрополита Сергия в составе Ярославской группы (6.02.1928). Постановлением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода (от 11.04.1928) уволен на покой и запрещен в служении до раскаяния и решения о нем дела Архиерейским собором. Сначала не подчинился, но в мае 1928 примирился с митрополитом Сергием, запрещение в служении было снято (30.05.1928). В этом же году арестован, сослан на три года в Сибирь. Арестован, в Ярославской тюрьме (с октября 1929). После освобождения сблизился с иосифлянами.

Из Ленинграда переехал в Великий Устюг 05.12.1933. Уволен на покой с Ростовской кафедры (05.12.1933). Арестован в Вологде 07.12.1935. НКВД СССР (от 3.09.1936) приговорен к 5 годам ссылки в Чимкент (Казахстан). Арестован 23.06.1937 по пост. Тр. УНКВД по Южно-Казахстанской обл. (от 19.11.1937) приговорен к ВМН вместе с митр. Иосифом (Петровых) и митр. Кириллом (Смирновым). Расстрелян 20 ноября 1937 в Чимкенте. Канонизирован РПЦЗ в 1981.

Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. 1999. С. 284

Архиепископ СЕРАФИМ (Протопопов)

В миру — Протопопов Александр Алексеевич. 19.10.1894 — 08.08.1937. Род. в станице Акишевской Области Войска Донского. В 1913 окончил гимназию в Новочеркасске, учился в Петроградском университете и одновременно в Духовной академии. 01.12.1917 принял монашеский постриг; иеромонах. С 01.1918 по 1922 — настоятель Введенской церкви за Невской заставой в Петрограде. Создал при ней приходское братство. Епископом Лужским Мануилом (Лемешевским) назначен одним из духовников для клира, принимаемого из обновленчества. 22.01.1924 хиротонисан в Петрограде во епископа Колпинского, викария Петроградской епархии. Подверглся арестам летом 1922 (13.09.1922 дело прекращено) и 4.03.1924. Приговорен 26.09.1924 к 2 годам лагерей. Срок отбывал на Соловках.

В 11.1926 вернулся в Ленинград. 27.04.1928 назначен епископом Аксайским, затем епископом Сызранским, Стерлитамакским, Бакинским, Рыбинским. Арестован 08.02.1932, приговорен к 3 годам лагерей. Освобожден 25.02.1934. Был управляющим Челябинской, позднее — Елецкой епархиями. С 30.09.1935 — архиепископ Орловский, с 19.10.1935 — архиепископ Елецкий и Задонский.

Арестован 14.03.1937. Расстрелян в Липецке.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.10

Епископ СЕРГИЙ (Зенкевич)

В миру — Зинкевич (Зинькевич, Зенкевич) Стефан Иванович. 10.1885 — 1937. Род. в г. Сестрорецке С.-Петербургской губ. в семье священника. Закончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. В 1921 рукоположен во священника к Исаакиевскому кафедральному собору Петрограда, член Правления Общества православных приходов Петрограда и его губ. Подверглся аресту 24.04.1922 по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей», освобожден 07.1922 за недоказанностью обвинения. С 05.1922 по 11.1927 был приписан к Николо-Богоявленскому собору, в 1926 принял монашеский постриг. 31.10.1927 хиротонисан в Ленинграде во епископа Детскосельского, викария Ленинградской епархии, позднее — викарный епископ Кингисеппский (с 30.12.1927), Шлиссельбургский (с 03.07.1928) и Лодейнопольский (с 13.11.1929). С 22.11.1933 — Рыбинский. Арестован в Ленинграде в 02.01.1934, приговорен по делу «евлогиевцев» к 10 годам лагерей. Отбывал срок в Новосибирской области. Расстрелян.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.6–7

Епископ СТЕФАН (Бех)

В миру — Бех Валерий Степанович. 13.09.1872–26.03.1933. Род. в Житомире, по другим сведениям — С.-Петербурге. В 1897 окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Земский врач Яренского у. Вологодской губ. (с 01.07.1899), законоучитель церковно-приходской школы (с 1901). Пострижен в монашество 20.12.1908, рукоположен во иеромонаха (05.11.1906).

Окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия в 1907. Помощник смотрителя Соликамского духовного училища (с 1908), помощник смотрителя Мингрельского духовного училища (с июля 1911), смотритель Бежецкого духовного училища (с 1913), смотритель Каргопольского духовного училища (1914–1918). Преподавал в Военно-морском училище (1918). Иеромонах,

затем игумен, архимандрит Александро-Невской лавры (1918 — 1920). Арестован в 1919 в Петрограде, вскоре освобожден. Хиротонисан во епископа Ижевского, викария Сарапульской епархии (09.10.1921). Выступил против обновленчества. Арестован в Ижевске 09.11.1926 постановлением Ком. НКВД по административным высылкам (от 27.12.1922), сослан на 3 года в Нарымский край. До 1926 в заключении (в 1923 уволен на покой). После освобождения временно управлял Вятской епархией (весна 1926). Затем служил в Ленинграде в церкви Алексия Человека Божия (с лета 1926), в церкви Преображения Господня, бывшей при лейб-гвардии Гренадерском полку (с 21.09.1927).

С середины 1920-х принадлежал Катакомбной Церкви, был близок к иосифлянам. Считался старцем — прозорливцем. Арестован в Ленинграде в 1929, по пост. ОСО КОГПУ сослан на 3 года в Северный край. В ссылке в с.Помоздино Усть-Куломского р-на Коми-Зырянской АО. Вновь арестован 07.09.1932. Умер во время следствия 26 марта 1933.

Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. 1999. С.298

Архимандрит ЛЕВ (Егоров)

В миру — Леонид Михайлович Егоров. 1889 — 25.01.1942. Род. в с. Опеченский Посад Боровичского у. Новгородской губ. в семье мещанина. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и Петроградскую Духовную академию. Преподавал в средних учебных заведениях (1915–1917). Пострижен в монашество в 1915; иеромонах, позднее архимандрит (с начала 1922) Александро-Невской лавры. Один из организаторов Александро-Невского братства, глава детского союза при лавре.

Арестован 16.06.1922 по делу брата архим. Гурия, постановлением КОГПУ (от 4.01.1923) осужден на 3 года ссылки. В ссылке в Оренбургской губ. После освобождения вернулся в Ленинград (конец 1924). Настоятель собора Феодоровской иконы Божией Матери на Полтавской ул. (с 1926). Арестован (август 1927), освобожден без судебного приговора (11.1927). Вновь арестован 18.02.1932 по делу Александро-Невского братства, осужден на 10 лет лагерей. В заключении в Осинниках под Новокузнецком. Погиб в лагере в Тамбовской обл. 25.01.1942.

Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. 1999. С.269–270.

Иеромонах ВЛАДИМИР (Пищулин)

В миру — Пищулин Владимир Федорович. 06.07.1889 — 10.02.1938. Род. в Витебске. Окончил Витебскую гимназию. Поступил на юридический факультет Московского университета, в 1914 перешел на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. Преподавал в гимназии. Лектор по психологии в народном университете. С 1917 жил в Витебске, где в течение нескольких месяцев был секретарем губернского комитета кадетской партии. В 1918 вернулся

в Петроград. В 1920–23 — священник церкви свв. правв. Захарии и Елизаветы в Петрограде и настоятель церкви свт. Николая на Моховой ул. в Доме слепых. Был членом Дома ученых, с 27.02.1921 — членом философского общества. С 30.08.21 — ассистент кафедры педагогики Петроградского Богословского института. Подвергался аресту 31.05.1922. 26.09.1922 выслан из Петрограда в Оренбург. Летом 1922 уклонился в обновленчество. По возвращении в Ленинград 09.12.1924 пострижен в рясофор и возведен в сан архимандрита. 19.12.1924 назначен и 08.03.1925 хиротонисан во обновленческого епископа Охтинского. Участник обновленческого Поместного собора 1925. Преподавал догматическое богословие в Ленинградском Богословском институте. В 11.1925 назначен епископом Псковским, но от назначения отказался и ушел на покой. Проживал в Ленинграде. 14.08.1926 принес покаяние и был принят в общение с Московской Патриархией в сане иеромонаха. В 1928 выслан в Казахстан. С 1934 жил в Симферополе. С 1935 работал в библиотеке Симферопольского педагогического института. 05.07.1937 арестован и 10.12 приговорен к расстрелу. Причислен к лику местночтимых Крымских святых.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С. 90

Убиенный ВЛАДИМИР

Бенешевич Владимир Николаевич. 09.08.1874 — 27.01.1938. Византист, археограф и историк церковно-канонического права. Род. в г. Друя, Дисненского у., Виленской губ. Из семьи чиновников. Окончил 1-ю виленскую гимназию (1893), и *юридический факультет С.-Петербургского университета (1897)*. Слушал лекции в Лейпцигском, Берлинском, Гейдельбергском университетах (1897 — 1900). Изучал славянские, греческие, армянские, грузинские рукописи. Магистр церковного права (1905), приват-доцент (1905), профессор церковного и гражданского права (1909) Петербургского университета. Профессор Петербургской Духовной академии на кафедре истории церковного права (1906–09), доктор (1914). Преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, в Военно-юридической академии. Был в научных командировках на Афоне, Синае, в Египте, Греции, Турции, Палестине. Член Поместного Собора 1917–18. После революции преподавал в университете право и историю Византии, работал в Отделе рукописей Публичной библиотеки. С 1920 по 1923 — профессор Православного Богословского института. С 1924 — член-корреспондент Академии наук, ученый секретарь Рус.-визант. словарной комиссии. В 1922 — член правления Общества православных приходов Петрограда. Подвергался аресту в 05.1922 по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей». По суду оправдан. Вновь арестован 22.11.1928. Приговорен 08.08.1931 к 5 годам лагерей. Освобожден в 1933. Вернулся в Ленинград. Вновь арестован и расстрелян.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С. 26. Отечественная история. Энциклопедия. Т. 1. М. 1994. С. 205. А.А. Шахматов. (Некролог), РИЖ, 1921, кн. 7. Брачев В.С. «Дело академика С.Ф. Патонова. VII, 1989, № 5 Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М. 1979

Убиенный Владимир

Комаровский Владимир Алексеевич.

8.10.1883 — 5.11.1937. Родился в С.-Петербурге в дворянской семье.

Учился на юридическом факультете С.-Петербургского университета, затем — в Академии художеств С.-Петербурга.

Художник, иконописец.

1917 — 1923 — жил с семьей в бывшей усадьбе Самариных «Измалково», работал учителем рисования в начальной сельской школе, расписывал деревянные изделия.

1922 — арестован в Москве по обвинению в «контрреволюционной деятельности».

Место заключения: Бутырская тюрьма в Москве. Освобожден через два месяца.

С 1923 — жил в Сергиевом Посаде, работал в комиссии по охране памятников в Троице-Сергиевой лавре.

1925 — арестован в поселке Карабаново Владимирской губ. Осужден ОСО при Коллегии ОГПУ. Обвинение: «принадлежность к монархической группировке бывшей аристократии». Приговорен к трем годам ссылки.

1925–1927 — в ссылке в г. Ишим Уральской обл.

1931 — арестован в с. Федосино Московской обл. Освобожден через 2 месяца.

1934, 16 января — арестован. Обвинение: «недоносительство на князя М.Ф. Оболенского и принадлежность к церковно-монархической контрреволюционной организации».

1934, январь-март — заключение: Лубянская тюрьма в Москве.

Освобожден через два месяца после ареста.

1937, 29 августа — арестован в пос. Жаворонки Московской обл.

Место заключения: Бутырская тюрьма в Москве.

1937, 3 ноября — осужден тройкой при УНКВД СССР Московской обл. Обвинен в «контрреволюционной деятельности». Приговорен к расстрелу.

1937, 5 ноября — расстрелян.

Место захоронения: пос. Бутово Ленинского р-на Московской обл. — «Бутовский полигон».

Владимир Алексеевич приходился внучатым племянником поэту Дмитрию Веневитинову. Отец Владимира Алексеевича был хранителем Московской Оружейной палаты. С начала 1900-х гг. В.А. Комаровский принимал участие в выставках «нового общества» художников в Петербурге. Искусствовед, иконописец, реставратор. Дважды ездил в Италию, был во Франции, где работал в мастерской «Жульена и Каларосси», Им написана часть иконостаса для церкви прп.Сергия на Куликовом поле (утерян во время второй мировой войны). В 1929–1930-х гг. — расписывал храм иконы Божией Матери «Взыскание Всех Погибших» на Софийской набережной, где служил священник Александр Андреев. В 1936 — у него же расписывал кладбищенскую церковь в Рязани. Сохранилась икона Донской Божией Матери работы В.А.Комаровского, находящаяся в настоящее время в Покровской церкви Данилова монастыря в Москве, другая

икона — в церкви с.Ахтырка Московской области. Дошли до нас написанные В.А.Комаровским портреты о.Павла Флоренского. На допросах мужественно исповедовал свои православные и монархические убеждения.

ГА РФ. Ф.10035. Оп.1. Д.П — 63970

Зеленская Г.М. Художник Владимир Комаровский // Даниловский благовестник. 1992. N 4. С.73.

Комаровская А.В. Владимир Алексеевич Комаровский // Хоругвь. 1993. Вып.1. С.39

Любимова К.Ф. и др. Списки клириков и мирян, расстрелянных и захороненных в районе пос.Бутovo. «За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917 — 1956.» Кн.1., М. 1997. С.603–604

Убиенный ВЛАДИМИР

Шкловский Владимир Борисович. 12.03.1889 — 24.11.1937. Брат литературоведа Виктора Шкловского. Окончил III реальное училище Петербурга и в 1910 — *историко-филологический факультет Петербургского университета*. С 29.09.1910 — преподаватель французского языка С.-Петербургской Духовной академии. Псаломщик Никольской церкви Петрограда. С 13.10.1919–13.02.1920 — член Комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии. В 1920–1922 — преподаватель Богословского института. Арестован 06.1922. Приговорен 4.01.1923 к 2 годам ссылки в Архангельскую губернию. В 1926–28 — преподаватель латинского языка на Высших Богословских курсах. Впоследствии был доцентом Ленинградского университета. Расстрелян.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.120

ЛЕВ

Карсавин Лев Платонович.

30.11.1881 — 20.07.1952. Родился в семье актеров классического балета Мариинского театра.

1901 — окончил гимназию с золотой медалью.

1906 — закончил С.-Петербургский университет с золотой медалью.

1909 — начал преподавать в Историко-филологическом институте С.-Петербурга и на Высших женских курсах.

1909, 30 сентября — назначен постоянным преподавателем на Высших женских курсах в С.-Петербурге.

1912, 1 июля — назначен приват-доцентом С.-Петербургского университета.

1913, 12 мая — защитил магистерскую диссертацию «Очерки религиозной жизни в Италии в XII — XIII вв».

1914 — назначен инспектором Историко-филологического института в С.Петербурге.

1916, 27 марта — защитил докторскую диссертацию: «Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв., преимущественно в Италии». Кроме степени доктора исторических наук, имел степень доктора богословских наук (защитил докторскую диссертацию в С.-Петербургской ДА как мирянин).

1918, январь — укрывал в своей квартире освобожденного из Петропавловской крепости А.В.Карташева.

1918, весна — вместе с С.Каблуковым, А.Карташевым и В.Бенешевичем получил от Петроградского митрополита Вениамина (Казанского) благословение на создание «Все-российского братства мирян в защиту церкви» Был избран профессором Петроградского университета.

1921 — избран профессором Общественно-педагогического и правового отделений факультета общественных наук Петроградского университета и председателем Общественно-педагогического отделения.

1922, 16 августа — арестован и через неделю помещен в тюрьму на ул. Шпалерной в Петербурге, где пробыл более месяца. Осужден (по ст.57) и приговорен к высылке за границу без права возвращения. Освобожден незадолго до высылки.

1922, 15 ноября — вместе с группой из сорока пяти деятелей науки и культуры и членами их семей был выслан за пределы СССР.

1922, 1 декабря — избран товарищем председателя Бюро Русского академического союза в Германии.

1926, 17 мая — выступил с речью на собрании памяти Св.Патриарха Тихона.

1926 — выступал с лекциями по истории Российской и Русской Церкви перед немецкими студентами в Берлине. Подготовил к изданию книгу А.С.Хомякова «О церкви».

1926, 20 июля — переехал на жительство в Париж. Для Свято-Сергиевского Православного Богословского института написал книгу «Святые отцы и учителя Церкви. Раскрытие Православия в их творениях».

1927, 16 ноября — избран ординарным профессором по кафедре всеобщей истории гуманитарного факультета Ковенского университета.

1928, 26 января — переехал в Ковно (Литва), читал лекции по всеобщей истории (на русском языке).

1944 — при наступлении советских войск принял решение остаться в Литве, хотя большинство университетских коллег Карсавина и русских эмигрантов покинули Литву с отступающей немецкой армией.

1949, 9 июля — арестован, содержался в следственной тюрьме МВД Вильнюса. Обвинение: «участие в Евразийской организации и подготовка свержения советской власти».

1950 — переведен в тюрьму в Ленинграде.

1950, 4 марта — приговорен судом к 10 годам ИТЛ. Отправлен этапом в ЛП пос. Абезь Печерской жд.

1952, 20 июля — умер в лагере от туберкулеза. Был похоронен на кладбище пос. Абезь в могиле под N П-11.

Лев Платонович Карсавин — русский религиозный философ, историк и писатель. Большую часть своих работ Л.П.Карсавин написал и издал за границей («Философия истории», «Джордано Бруно», «Диалоги», «О началах», «О личности», многоотное сочинение «История европейской культуры»). За границей, обличившись в стихарь, неоднократно выступал с проповедями в православных церквях. После включения Литвы в состав СССР был отстранен от преподавания в университете и временно занимал должность директора Исторического музея Вильнюса. Находясь в лагере для инвалидов Абезь у полярного круга, Л.П.Карсавин написал ряд философских трактатов и сонетов, которые позднее были изданы за границей. В лагере Карсавин, не имея возможности встретиться с православным священником, исповедовался у ксендза. По словам автора воспоминаний о нем А.Ванеева, это послужило основанием для ошибочного мнения, распространившегося на Западе, будто бы Л.П.Карсавин перед смертью перешел в католичество. В 1990 г. была найдена могила Л.П.Карсавина и проведено его перезахоронение по православному обряду.

«За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917 — 1956.» Кн.1., М. 1997. С.555–56

Убиенный МИХАИЛ

Соколов Михаил Николаевич. 19.06.1890 — 10.10.1937. Род. в Москве. В 1910 окончил Московскую духовную семинарию, в 1914 — Московскую Духовную академию. С 16.08.1914 оставлен профессорским стипендиатом кафедры еврейского языка с библейской археологией. В 1915 поступил на факультет восточных языков Петроградского университета, который окончил за 2 года и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1918–31 — старший ассистент, доцент, и.о. профессора, зав кафедрой гебраистики Петроградского-Ленинградского университета. Одновременно 05.05 избран и 02.07.1920 утвержден приват-доцентом кафедры еврейского языка Московской Духовной академии. С 20.12.1921 — преподаватель еврейского языка в Петроградском Богословском институте. Работал также в Научно-исследовательском институте сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока им. А.Н.Веселовского, в котором с 1925 возглавлял сектор (с 1928 — комиссию) семито-хамитского языкознания. С 1921 — секретарь Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, с 01.08.1924 — научный сотрудник 1 разряда, заведовал Еврейским отделом. В 1927 ездил в Казань, для доставки в Ленинград восточных рукописей б.Казанской ДА. С 1933 читал элементарный курс еврейского языка в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики. 22.12.1933 арестован по делу «евлогиевцев». 03.03.1934 приговорен к 5 годам лагерей. Сослан в г.Свободный. 08.10.1937 приговорен расстрелу. Расстрелян.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб.1999.С.104

ИСПОВЕДНИКИ

Митрополит ГРИГОРИЙ (Чуков)

В миру — Чуков Николай Кириллович. 01.02.1870 — 05.11.1955. Род. в г.Петрозаводске Олонецкой губ. в крестьянской семье. В 1878 поступил в гимназию. В 1884 перешел в Олонецкую Духовную семинарию и окончил ее в 1889. Назначен надзирателем и экономом Петрозаводского Духовного училища. В 1891 поступил в С.-Петербургскую Духовную академию, окончил ее в 1895; канд.богословия. С 08.09.1895 — наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой епархии. 14.04.1897 рукоположен во иерея к Кафедральному собору Петрозаводска. 14.05.1907 возведен в сан протоиерея. С 03.02.1911 по 1918 — ректор Олонецкой Духовной семинарии. Арестован в Петрозаводске в ночь с 9 на 10.04.1918; через два дня освобожден. Вновь арестован 24.06.1918 и выслан из Олонецкой губ. Поселился в Петрограде. В 1919–21 — *настоятель Петропавловской церкви Петроградского университета*, с 12.1921 — настоятель Казанского собора. В 1920 избран ректором Петроградского Богословского института. Товарищ председателя правления Общества православных приходов Петрограда и его губ. Арестован 30.05.1922 по «делу об изъятии церковных ценностей». 05.07.1922 приговорен Петроградским губернским ревтрибуналом к высшей мере наказания с конфискацией имущества. 03.08.1922 по постановлению Президиума ВЦИК рас-

стрел заменен 5 годами тюрьмы строгой изоляции. Освобожден 30.11.1923. С 29.03.1924 по 03.1935 — настоятель Николо-Богоявленского собора, В 1924–28 возглавлял районные богословские курсы, затем Высшие богословские курсы. С 1926 — магистр богословия. Арестован 11.06.1930 по делу организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» («дело академика Платонова»). Из-под

стражи освобожден 11.07.1930 за недоказанностью обвинения. В 03.1935 выслан из Ленинграда в Саратов. Овдовел. В 12.1941 Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский) предложил ему стать епископом, но по условиям того времени ему пришлось отказаться. После некоторой нормализации церковно-государственных отношений принял повторное предложение. 13.10.1942 пострижен в мантию. 14.10.1942 хиротонисан во епископа Саратовского в г.Ульяновске, 15.10.1942 возведен в сан архиепископа. Одновременно в 1942–43 — временно управляющий Астраханской епархией. В 09.1943 участвовал в Архиерейском Соборе, избравшем митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом. С 26.05.1944 — архиепископ Псковский и Порховский, временно управляющий Ленинградской и Новгородской епархиями, с конца 1944 — Олонецкой епархией. С 07.09.1945 — митрополит Ленинградский и Новгородский. С 09.1945 управлял русскими православными общинами и монастырями в Финляндии. С 1946 — председатель Учебного комитета при Священном Синоде. Неоднократно возглавлял церковные делегации за рубеж: в Болгарию, Румынию, США. Скончался в Москве. Отпевание совершено в кафедральном Николо-Богоявленском соборе Ленинграда. Погребен под Крестовой церковью Александро-Невской лавры; 25.08.1961 останки перенесены в склеп под Троицкий собор лавры.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб.1999. С.13

Митрополит МАНУИЛ (Лемешевский)

В миру — Лемешевский Виктор Викторович. 18.04.1884 — 12.08.1968. Род. в Луге С.-Петербургской губ. *Учился в С.-Петербургском университете на юридическом факультете*; в 1910 ушел с последнего курса (в 1920 — вновь поступил в университет). В 1911 пострижен в монашество, в 1912 — рукоположен во иеромонаха. С 04.(утвержден 20.09.) 1919 — настоятель Никольской (домовой) церкви на Спасской ул. близ Литейного проспекта. (закрита 04.1923). В 03.1920 основал при ней Спасское братство. Ненадолго арестован 16.06.1922. 10.09.1923 хиротонисан в Москве св. Патриархом Тихоном во епископа Лужского, викария Петроградской епархии; в 09.1923 — 02.1924 управлял епархией; Вновь арестован 03.02.1924 по обвинению в организации нелегального братства. Приговорен к 3 годам концлагерей. Отбывал срок на Соловках. Постановлением особого совещания при коллегии ОГПУ от 16.09.1927 по отбытии срока наказания лишен права проживания в 6-ти центральных губерниях и пограничной полосе сроком на 3 года. Постановлением от 09.03.1928 это

решение было отменено. 02.1928 прибыл в Москву и 25.04.1928 назначен епископом Серпуховским. С 28.04 по 02.05.1928 находился в Ленинграде, чтобы засвидетельствовать верующему народу поддержку митрополиту Сергию (Страгородскому) и неприятие иосифлянского разделения, 30.01.1930 подал рапорт об увольнении на покой. Рапорт был принят. Подвергался арестам 31.01.1930, в 01.1932, 20.12.1933, 18.04.1939. С 14.02.1945 — епископ Оренбургский и Бузулукский. Арестован 04.09.1948 и 16.04.1949 осужден на 10 лет заключения в лагерь. Освобожден в 12.1955. 21.12.1955 назначен управляющим Чебоксарской епархией, 07.02.1956 утвержден епископом Чебоксарским и Чувашским. С 1956 — архиепископ. С 22.03.1960 — архиепископ Куйбышевский и Сызранский, с 25.02.1962 — митрополит.

С 1960 — кандидат богословия. С 25.11.1965 — на покое в Куйбышеве, где и скончался. Погребен в притворе Покровского кафедрального собора г. Самары (Куйбышев).

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С. 8.

Епископ АЛИПИЙ (Ухтомский)

В миру — князь Алексей Алексеевич Ухтомский. 13.06.1875 — 31.08.1942. Брат архиеп. Андрея (Ухтомского). Род. в им. Вослома Арефинской вол. Ярославской губ. Окончил Рыбинскую гимназию, Нижегородский кадетский корпус, Московскую Духовную академию (1898), *Петербургский университет* (1906), магистр богословия. Работал на кафедре физиологии животных, заведовал кафедрой (1922–1942), избран академиком, директор электрофизиологической лаборатории АН СССР (с 1927). На Поместном Соборе 1917–1918 — делегат от единоверцев. Депутат Петроградского Совета. Арестован в конце 1920, этапирован из Московской Лубянской тюрьмы в Петроград 31.01.1921, вскоре освобожден. Принял тайный монашеский постриг с именем Алипий (1921). Староста Никольской единоверческой церкви на ул. Марата (1920-е). Церковный и общественный деятель: публицист, художник, поэт. Тайно хиротонисан иосифлянскими архиереями во епископа Охтинского (1931). Умер 31.08.1942 в Ленинграде.

Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. 1999. С. 276

Протоиерей АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ СОВЕТОВ

01.1892 — ок. 1942. Род. в С.-Петербурге. Окончил Ярославский юридический Демидовский лицей (август 1914), ускоренный выпуск Николаевского кавалерийского училища

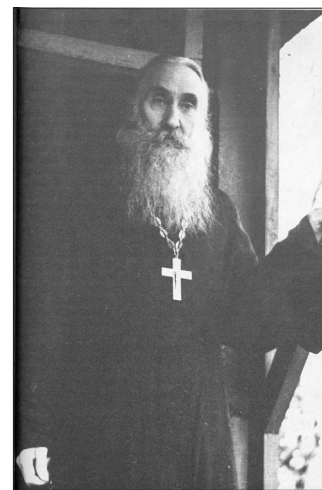
(октябрь 1914). Поручик гвардейских конных полков (1915–1917). Вероятно недолго служил в Белой армии. В Красной армии — инструктор стрелкового обучения Петроградского военного округа, затем на командных должностях в стрелковой дивизии (1918–1919). Работал в Управлении работ Беломорского водного пути в Тотьме (1919–1920). Принял сан священника в Вологде (1920). Служил в Вожбольском и Спасо-Си�емском приходах Вологодской епархии. *Настоятель церкви Всех Святых Российских Петроградского университета* (1923–4? — апрель 1924); настоятель собора в Тихвине; настоятель Софийского Новгородского собора (1925 — февраль 1927). Настоятель церкви Пресв. Троицы в Лесном (с февраля 1927), исполнял обязанности настоятеля собора Воскресения Христова (декабрь 1929 — ноябрь 1930), вновь настоятель церкви Пресвятой Троицы (до марта 1933). Арестован осенью 1932, вскоре освобожден по болезни (страдал тяжелой формой астмы). В 1936 вошел в общение с митрополитом Сергием, служил в Сампсониевском соборе, с конца 1930-х за штатом. Умер в Ленинграде во время блокады.

Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. 1999. С. 319–320

Протоиерей ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАМОНИН

1882 — 03.12.1967. Род. в Орле. Окончил гимназию. Хотел стать монахом, но по настоянию родителей *поступил в С.-Петербургский университет*. Окончил его историко-филологический факультет с дипломом первой степени. Был оставлен при университете на 3 года на кафедре философии для подготовки к профессорскому званию, но поступил в С.-Петербургскую Духовную академию. В 1904 перед окончанием академии ездил в Оптину пустынь к старцу за благословением на монашество, но получил благословение жениться. В 1905 окончил С.-Петербургскую Духовную академию; магистр богословия. Был приглашен в Петербургский женский педагогический институт читать курс по истории русской религиозной мысли, также утвержден штатным законоучителем Предтеченской воскресной школы, преподавателем Закона Божия в женской гимназии. Женился на дочери священника Благовещенской церкви на В.О. Варваре Михайловне Ливановой. Направлен в сельский приход. Во время холерной эпидемии после исповеди и причастия в церкви, где он служил люди исцелялись. Переведен в С.-Петербург. В 1914 — священник построенного Феодоровского собора (Товарный переулок, 15). Позднее служил в Борисоглебской церкви Ленинграда. Арестован 22.12.1933 в Ленинграде по делу «евлогийцев». Приговорен 25.02.1934 к 3 годам лагерей. После войны — настоятель Щуваловской церкви. Похоронен на Щуваловском кладбище.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С. 118.

АЛЯДВИН АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ

03.12.1885 — 19.08.1965. Специалист по истории раннего христианства. Род. в Пензенской губ. В 1912 окончил историко-филологический и в 1916 — восточный факультеты университета. С 01.01.1912–01.01.1916 оставлен при историко-филологическом факультете по кафедре истории Церкви; с 09.12.1915 по 01.01.1921 — приват-доцент той же кафедры. В 1914–1916 преподавал историю в гимназии Императорского Человеколюбивого общества и во 2-м реальном училище. Одновременно с 01.01.1915 по 01.01.1918 состоял в качестве оставленного при факультете восточных языков по кафедре сирийского языка и словесности. В 1917 работал в комиссии по изучению племенного состава России. В 1918–1919 — преподаватель сирийского языка и словесности. В 1920–1923 преподавал в Пастырско-Богословском училище, с 23.11.1921 — преподаватель греческого языка Петроградского Богословского Института. Член приходского совета Князь-Владимирского собора. В 1921–22 читал лекции по Священному Писанию на Благовестническо-богословских курсах Петроградского благочиния. До запрещения преподавания Закона Божия вел занятия с группой детей в церкви Скорбящей Божией Матери. Принимал участие в работе просветительского отдела при Обществе приходов Петрограда и губернии. В 1925–27 преподавал на Богословско-пастырских курсах. С 10.10.1921 — сверхштатный, а с 14.10.1927 — штатный доцент кафедры сирийского языка, с 14.10.1927 — доцент кафедры гебраистики и арамейских наречий. 1921–1928 — действительный член Научно-исследовательского института сравнительной истории языков и литератур; 09.12.1927 утвержден сверхштатным действительным членом института. С 01.07.1924 — 15.04.1929 — старший научный сотрудник «Азиатского музея». С 16.02.1929 отчислен от службы в университете. В 01.1928 в числе членов «двадцатки» церкви Спаса-на-Крови. Участвовал в работе «Профессорского кружка» и кружка «Воскресенье».

13.03.1929 арестован, 22.07.1929 приговорен к 5 годам лагерей, которые отбывал в Соловецком лагере и Белбалтлаг. Освобожден в 05.1933 (1932?). С 08.1934–35 — старший библиотекарь Государственной академии материальной культуры. Преподавал историю, с 1938 работал в институте Востоковедения. В 1942 эвакуирован в Кизлярский район (ныне Дагестан), где преподавал немецкий язык и географию. Осенью 1945 вновь арестован. Приговорен к 10 годам лагерей за «проповедь загробной жизни», срок отбывал в Грозненской области. Освобожден в 1954. Вернулся в Ленинград, работал в архиве Академии наук.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.18

ИГОРЬ ЕВГЕНЬЕВИЧ АНИЧКОВ

1891 — 1978. Крупный языковед, литературовед. Род. и жил в С.-Петербурге. Научный сотрудник НИИ языков при Ленинградском университете. Член «Братства прп.Серафима Саровского». Арестован 21.02.1928 по делу «Братства». Приговорен 08.10.1928 к 5 годам ссылки. Отбыв три года на Соловках, провел еще несколько лет в ссылке в Сыктывка-

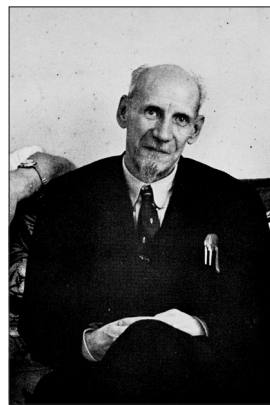

ре. В 1938 вернулся в Ленинград. В годы войны эвакуирован в Архангельск, где преподавал английский язык в местном Педагогическом институте. В 1953–59 — профессор Ленинградского Педагогического института.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.20

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ АНДРЕЕВСКИЙ

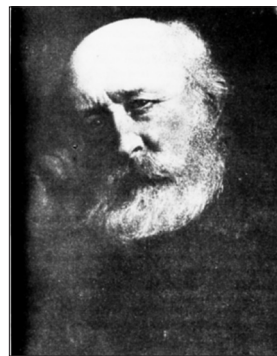
Андреевский Иван Михайлович. 1894 -1976. Род. в С.-Петербурге. Учился в Парижском университете, в Психоневрологическом институте. В 1921 окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. В 20-х годах доцент Ленинградского университета. Противник декларации митрополита Сергия. Арестован 11.02.1928 за организацию молодежных религиозно-философских кружков (по делу «Братства прп. Серафима Саровского»). Приговорен 08.10.1928 к 5 годам лагерей. Отбывал срок на Соловках до 07–08.1930 (?). Отправлен в Москву и привлечен к следствию по делу «Всесоюзного Центра ИПЦ». Приговорен к 5 (?) годам ИТЛ. Середина 30-х — освобожден. Выслан в Новгород. Работал психиатром, тайно читал лекции по богословию. Подверглся аресту 03.1938. В 1942 на оккупированной территории участвовал в издании газеты «За Родину». Выехал в Германию. Позднее проживал в США, принадлежал к Русской Православной Церкви Заграницей. Профессор, автор нескольких книг по истории Русской церкви в XX веке. Писал под псевдонимом Андреев.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.19
Осипова И.И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...». М. 1998. С.294

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АСКОЛЬДОВ

25.02.1871 — 1945. Религиозный философ. Род. в имении Машарово Медынского уезда Калужской губ. В 1914–28 — профессор Ленинградского университета и Политехнического института. Арестован в 09.1928 за участие в деятельности «Братства прп.Серафима Саровского». Приговорен 08.10.1928 к высылке из Ленинграда на 3 года. Проживал в Рыбинске. Арестован в 1930 и сослан в Коми АССР на 3 года. С 1933 жил в Новгороде, тайно читал лекции по богословию. В войну эвакуирован в Берлин. В 05.1945 арестован, через несколько дней освобожден и вскоре скончался в Берлине.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С.22

Публикацию подготовила Л.А. Карпычева

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

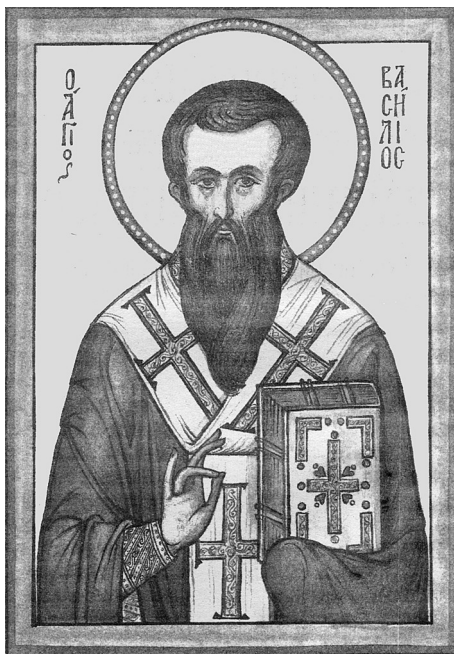
Свт. Василий Великий

О ТОМ, КАК ПОЛУЧАТЬ ПОЛЬЗУ ИЗ ЯЗЫЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Много у меня побуждений посоветовать вам, чада, что признаю лучшим, и что, как уверен, если примете, будет вам полезно. И настоящий мой возраст, и упражнение во многих уже делах и достаточное изведание всяких и всему научающих перемен сделали меня опытным в делах человеческих: почему едва вступившим в жизнь могу указать как бы самый безопасный путь. При том, по естественному сродству, я — первый для вас после родителей: почему, не меньше отцев, и сам имею к вам благорасположение, и о вас думаю, если только не ошибаюсь в мнении своем, что, видя меня, не желаете видеть родителей. Поэтому, если охотно примете слова мои, будете во втором ряду похваляемых Гезиодом; а в противном случае, хотя бы и не сказал я ничего неприятного, сами припомните стихи, в которых он говорит: превосходит тот, кто сам собою усматривает потребное: хорош и тот, кто следует указаниям других; но кто не способен ни к тому, ни к другому, тот вовсе бесполезен.

Не дивитесь же, если вам, которые каждый день ходите к учителям, и с уважаемыми мужами древности беседуете посредством оставленных ими сочинений, скажу, что сам собою нашел я нечто более полезным. О сем-то самом и хочу дать вам совет, а именно, что не должно, однажды навсегда предав сим мужам кормило корабля, следовать за ними, куда не поведут, но заимствуя у них все, что есть полезного, надобно уметь иное и отбросить. А что же это такое, и как это различать, сему и научу, начав так.

Мы полагаем, дети, что настоящая жизнь человеческая вовсе ничего не значит; совершенно не почитаем и не называем благом того, что доставляет нам совершенство в этой только жизни. Ни знаменитости предков, ни крепости, красоты и величия тела, ни почестей от всех людей, ни самого царства, ни всего прочего, что ни наименоуют из человеческого, не признаем великим, даже достойным желанья, и не обращаем взора на тех, кто имеет сие, но простираем надежды далее, и все делаем для приуготовления себе другой жизни. Поэтому, что к оной спешествует нам, о том говорим, что должно любить сие и

домогаться сего всеми силами, а что не переходит в оную, то — презирать, как ничего не стоящее.

Что же это за жизнь, где и как будем проводить ее? — и говорить о сем потребовалось бы долее, чем сообразно с настоящим намерением, и слушать это должны были бы люди более вас возрастные. Впрочем, может быть, достаточно покажу вам это, сказав, что, если кто объимет словом и совокупит воедино все счастье людей, со времени их существования, тот найдет, что это не равняется и малейшей части благ той жизни, а напротив того все здешние блага гораздо больше отстоят достоинством от малейшего из тех благ, чем тень и сновидение скуднее действительности. Лучше же сказать, (употреблю пример более близкий) сколько душа во всем досточестнее тела, столько же и

разности между тою и другою жизнью.

В эту жизнь вводят нас, конечно, священные Писания, образующие нас посредством учений таинственных: но пока, по возрасту, не можем изучить глубину смысла их, мы, и в других писаниях, не вовсе от них далеких, упражняем на время духовное око, как в некоторых тенях и зеркалах, подражая упражняющимся в деле ратном, которые, приобретая опытность в ловком движении рук и ног, выгодами этой игры пользуются в самых битвах. И мы, конечно, должны держаться той мысли, что нам предлежит подвиг, важнейший всех подвигов, — подвиг, для которого все должны сделать, для приготовления к которому надобно трудиться по мере сил, беседовать и с стихотворцами, и с историками и с ораторами, и со всяким человеком, от кого только может быть какая-либо польза к попечению о душе. Красильщики назначенное к окраске приготавливают сперва особыми способами, и потом наводят цвет, пурпуровый, или другой какой: подобным образом и мы, чтоб добрая слава наша навсегда оставалась неизгладимою, посвятив себя предварительному изучению сих внешних писателей, потом уже начнем слушать священные и таинственные уроки, и как бы привыкнув смотреть на солнце в воде, обратим, наконец, взоры к самому свету. Поэтому, ежели между

учениями есть какое взаимное сродство, то познание их будет нам к стати. Если же нет сего сродства, то изучать разность учений, сличая их между собою, не мало служит к подтверждению лучшего учения.

Но чему уподобив каждое из сих учений, можем составить себе, их образ? Конечно, собственное превосходство дерева—изобиловать зрелыми плодами: но оно носить на себе и некоторое украшение — листья, колеблющееся на ветвях: так и в душе истина есть преимущественный плод, но не лишено приятности и то, если облечена душа внешнею мудростию, как листьями, которые служат покровом плоду и производят не неприличный вид. Почему говорится, что и тот славный Моисей, которого имя за мудрость у всех людей было весьма велико, сперва упражнял ум египетскими науками, а потом приступил к созерцанию Сущего. А подобно ему, и в позднейшие времена о премудром Данииле повествуется, что он в Вавилоне изучил халдейскую мудрость, и тогда уже коснулся Божественных уроков.

Однако достаточно сказано о том, что сии внешние науки не бесполезны для душ: теперь следует сказать, в какой мере должно вам изучать их. Во-первых, у стихотворцев (начну с них), поелику они в сочинениях своих не одинаковы, не на всем по порядку надобно останавливаться умом, но, когда пересказывают вам деяния или изречения мужей добрых, надобно их любить, соревновать им и, как можно, стараться быть такими же. А когда доходит у них речь до людей злонравных, должно избегать подражания сему, так же затыкая уши, как Одиссей, по словам их, заградил слух от песней сирен. Ибо привычка к словам негодным служит некоторым путем и к делам. Посему со всяким охранением надобно оберегать душу, чтоб, находя удовольствие в словах, незаметно не принять чего-нибудь худого, как иные с медом глотают ядовитые вещества. Поэтому не будем хвалить стихотворцев, когда злословят, насмеются, представляют влюбленных и упивающихся, или когда ограничивают блаженство раздольным столом и разгульными песнями. Всего же менее будем внимать им, когда говорят что-нибудь о многих богах, и притом разномыслящих. У них брат в раздоре с братом, отец — с детьми, и у детей опять скрытная война с родителями. А прелюбодеяния богов их, любовные похождения и явные студодеяния, особенно же главы и правителя всех Дия, каким сами они называют его, как такие дела, которые и о скотах без стыда не стал бы рассказывать иной, представим лицедеям. То же самое могу сказать и об историках, особенно, когда пишут они историю для развлечения слушателей. И ораторам не будем подражать в искусстве лгать. Ибо ни в судах, ни других делах не прилична ложь нам, избравшим прямой и истинный путь жизни, — нам, которым предписано законом даже и не судиться.

Напротив того займем лучше у них те места, где они восхваляли добродетель и порицали порок. Ибо как для других наслаждение цветами ограничивается благовонием и пестротой красок, а пчелы собирают с них и мед: так и здесь, кто гоняется не за одною сладостию и приятностию сочинений, тот может из них запастись некоторою пользою для души. Поэтому, во всем уподобляясь пчелам, должны вы изучать сии сочинения. Ибо и пчелы не на все, цветы равно садятся, и с тех, на какие садут, не все стараются унести, но, взяв, что пригодно на их дело, прочее оставляют нетронутым. И мы, если целомудренны, собрав из сих произведений, что нам свойственно и сродно истинною,

остальное будем проходить мимо. И как срывая цветы с розового куста, избегаем шипов, так и в сих сочинениях, воспользовавшись полезным, будем остерегаться вредного.

Поэтому в самом начале нужно рассмотреть каждую из наук и приспособить ее к цели, по дорической пословице: вода мелом по шнуру. И поелику до нашей жизни надобно сказано стихотворцами, многое историками; и еще гораздо более мужами любомудрыми: то на такие особенно сочинения должны обращать внимание. Ибо не малая польза, если души юношей осваиваются и свыкаются с добродетелию, потому что наставления такого рода, по нежности душ, напечатлеваясь глубоко, остаются в них неизгладимыми. Ужели предположим, что Гезиод с другою какою мыслию, а не в поощрение юношей к добродетели, написал следующие, всеми повторяемые стихи? «Не гладок и неприступен в начале, крут и с многим потом и трудом совершается тягостный путь, ведущий к добродетели. Поэтому не всякий может вступить на него, по причине крутизны, а вступив, не легко дойти до вершины. Но кто стал вверх, тот видит, что путь гладок и прекрасен, легок и удобен, и приятнее другого пути, ведущего к пороку, на который не долго вступить, по причине его близости», как говорит тот же самый стихотворец. Ибо мне кажется, что написал он сие не с другим намерением, но поощряя нас к добродетели и всех убеждая, быть добрыми, чтобы мы, расслабев для трудов, не отказались идти к цели. Так, если бы и другой кто восхвалял подобным образом добродетель, примем его слова, как руководствующие нас к тому же.

А слышал я у одного искусно изучившего мысли стихотворца, что как все стихотворение Омирово есть похвала добродетели, и все у Омира, кроме придаточного, ведет к сей цели, так не менее к сему же клонится и то место, где Омир представил, что вождь Кефалленян спасен нагим от кораблекрушения, и что сперва царица, когда надлежало бы ей застыдиться, увидев его нагим, при самом его появлении, ощутила к нему уважение: потому что стихотворец представил его вместо одежды украшенным добродетелию: потом и прочие Феакеане столько почли его достойным, что, оставив роскошь, в какой жили, стали все на него смотреть и ему подражать, и ни один Феакеанин ничего более не желал тогда, как соделаться Одиссеем, и притом спасшимся от кораблекрушения. В этом месте, как говорил истолкователь стихотворцевой мысли, Омир, едва не вслух всем вопия, говорит: „о добродетели должно стараться вам, люди: она и с претерпевшим кораблекрушение спасается от потопления и на суше доведенного до наготы кажет более досточестным, нежели счастливых Феакеан. Такова-то добродетель! Другие стяжания не более принадлежат своим владельцам, как и всякому другому, подобно тому, как кость в игре выпадает и той и другой стороною: одно стяжание неотъемлемо, — это добродетель: она принадлежит человеку и при жизни, и по смерти.

Посему-то, как кажется, и Солон говорит богатым: «А мы не променяемся с ними богатством добродетели; потому что оно всегда постоянно, а имуществом людей владеет то тот, то другой». Подобно сему и то место у Феогнида, где он говорит, что Бог (какого Бога он ни разумел) наклоняет людям то ту, то другую чашку у весов, чтоб им то богатеть, то ничего не иметь». Да и хийский софист Продик, в одном месте своих сочинений, сходно с сим любомудрствовал о добродетели и пороке. И в его слова надобно вникнуть умом: потому что он человек не

презрения достойный. Говорится же у него там, сколько помню его мысль, потому что слов не знаю, кроме того, что сказано это просто, не мерною речью: «когда Иракл, будучи очень молод, и в таком же почти возрасте, в каком теперь вы, рассуждал, на какой ему обратиться путь, на тот ли, который чрез труды ведет к добродетели, или на другой легчайший: подошли две женщины; а это были добродетель и порок: потому что, хотя они и молчали, но различие тотчас выказывалось в наружности. У одной красота была подготовлена с помощью притираний: она дышала роскошью; неотлучно водила с собою целый рой удовольствий, старалась привлечь к себе Иракла. Другая была худощава, неубрана, смотрела пристально и выражала в себе иное тому подобное: потому что обещала не что-нибудь легкое и приятное, но тысячи трудов, подвигов и опасностей везде — и на суше, и на море. А награда за это такова, что можно стать богом, как выразился Продик. И Иракл последовал, наконец, за сею женщиною». И все почти сколько-нибудь заслуживающие внимание по мудрости, каждый по мере сил, в сочинениях своих более или менее распространялись в похвалу добродетели; им должно верить, и надобно стараться в самой жизни выразить их учения. И кто любит мудрость, заключающееся у других в словах, оправдывает делом, тот один жив: прочие же только движущиеся тени.

Мне кажется, что такой образ действий походит на то, как если бы живописец подражал чему-нибудь дивному, например, красоте человека, и человек действительно был таков, каким тот представил его на картине. Ибо с жаром хвалить добродетель перед людьми, вести о ней длинные речи, а наедине предпочитать целомудрию удовольствие, и справедливости — прибыток: назвал бы я подражанием тем, которые лицедействуют на зрелище, и часто выходят представлять царей и владельцев, не будучи не только ни царями, ни владельцами, но даже, может быть, и свободными. Притом, играющий на лире неохотно согласится, чтоб лира у него была не настроена: и начальник лика не захочет иметь у себя такой лик, который бы не пел, как можно, согласнее. Таким образом каждый сам с собою будет в разладе, представит жизнь не соответствующую словам, будет говорить словами Еврипида: „язык у меня клялся, а сердце не чувствовало в клятве» и виноват будет в том, что кажется добрым вместо того, чтобы быть таким. Но если поверить Платону, это крайний предел несправедливости казаться справедливым, не будучи таким.

Поэтому так будем принимать сочинения, в которых заключаются правила добродетели. Поелику же и доблестные деяния древних мужей или соблюлись до нас в непрерывной памяти людей, или сохранены в сочинениях стихотворцев и историков: то не лишим себя и отсюда происходящей пользы. Например, некто в народном собрании злословил Перикла, но он не обращал на то внимания, и целый день продолжалось, что один осыпал другого ругательствами, а другой ни мало о том не заботился. Потом вечером уже, и когда смерклось, этого человека, едва прекратившего брань, Перикл проводил с светильником, чтоб не даром пропало у него упражнение в любомудрии. Еще кто-то, рассердившись, грозил смертью Евклиду Мегарскому и клялся в этом. Но Евклид сам дал клятву, что умиловит его и заставит прекратить свое к нему нерасположение. Как хорошо, если приходят на память таковые примеры человеку, когда он одержим уже гневом! Ибо не должно верить трагедии, которая без рассуждения

говорит: «раздражение вооружает руку на врагов». Напротив того, всего лучше вовсе не приходить в раздражение. Если же это трудно, то по крайней мере, удерживая раздражительность рассудком, как уздою, надобно не позволять выходить ей за пределы.

Но возвратим слово назад к примерам доблестных мужей. Некто, нещадно нападая на Софронискова сына, Сократа, бил его в самое лицо, а он не противился, но дозволил этому пьяному человеку насытить свой гнев, так что лицо у Сократа от ударов уже опухло и покрылось ранами. Когда же тот перестал бить: Сократа, как сказывают, ничего другого не сделал, а только, как на статуе, пишут имя художника, написал на лбу «делал такой-то»: и тем отмстил. Поелику это указывает на одно почти с нашими правилами: то утверждаю, что весьма хорошо подражать таким мужам. Ибо этот поступок Сократа сходен с заповедью, по которой ударяющему по ланите должен ты подставить другую (*Мф.* 5, 39), — в такой мере надобно мстить за себя! А поступок Перикла или Евклида сроден с заповедью: терпеть гонителей и кротко переносить гнев их, — и с заповедью: желать добра врагам, а не проклинать их (44). Посему предварительно обученный сему не будет не верить заповедям, как чему-то невозможному. Не умолчу и о поступке Александром. Александр, взяв в плен дочерей Дария, о которых засвидетельствовано, что красота их была удивительна, не удостоил и видеть их, считая постыдным — победителю мужей уступать над собою победу женщинам. Ибо это указывает на одно с заповедью, что воззревший на женщину для услаждения, хотя и не совершит прелюбодеяния самим делом, но за то, что допустил в душу желание, не освобождается от вины (*Мф.* 5, 28.). О поступке же Клиния, одного из близких Пифагору, трудно поверить, чтобы сходство его с нашими правилами было делом случая, а не тщательного подражания. Что же сделал Клиний? Дав клятву, мог он избежать потери трех талантов; но лучше заплатил их, чем стал клясться, хотя клятва его была в деле справедливым. Он как будто, представляю я, слышал ту заповедь, которая запрещает нам клятву (*Мф.* 5, 33–37).

Но возвратимся опять к тому же, что сказано в начале, — а именно, что не все по порядку надобно нам брать, а только полезное. Ибо стыдно, вредное в пище отвергать, а в науках, которые питают нашу душу, не делать никакого разбора, но, подобно весеннему ручью, увлекая за собою все встречающееся, нагружать тем душу. И какой в этом расчет, если кормчий не безрассудно отдается ветрам, но направляет ладью в безопасное место, и стрелок бросает стрелу в цель, и медник и плотник стремятся к концу, сообразному с их искусством, а мы останемся ниже и этих рабочих, имея возможность разуметь свое дело? И у ремесленников работа их имеет цель: а для жизни человеческой нет будто цели, смотря на которую должно все делать и говорить тому, кто не намерен совершенно уподобиться бессловесным? В таком случае, совершенно подобно не оснащенным кораблям, никакому уму не вверив кормила души, будем без цели туда и сюда носиться по жизни. Но и в состязаниях телесными силами, а если угодно, и на музыкальных орудиях, упражняются в тех именно подвигах, за которые предложены венцы, а никто, упражняющийся в борьбе, также в кулачном бою и борьбе вместе, не станет учиться играть на гусях, или на свирели. Но крайней мере не делал так Полидам, но пред олимпийским подвигом останавливал он на бегу колесницы, и тем укреплял свои

силы. И Милон не сходил с намазанного маслом щита, а когда стаскивали его, противился не меньше, чем статуи, припаянные свинцом. Вообще у них упражнения были приготовлением к подвигам. А если б, оставив усыпанное песком поприще и телесные упражнения, занялись бряцаниями Марсия, или Фригийского Олимпа: то ужели бы получили венцы и славу, а не бежали прочь, чтоб не насмеялись над ними? Но и Тимофей не проводил времени на ратоборных поприщах, оставив сладкопение; иначе не удалось бы превзойти так в музыке и ему, у которого столько было искусства, что и возбуждал гнев созвучиями напряженными и жестокими, и опять укрощал и смягчал его созвучиями нежными. Сим-то, говорят, искусством, выигрывая однажды пред Александром Фригийскую песню, заставил его среди ужина взяться за оружие, и потом, смягчив звуки, сделал, что опять возвратился он к пирующим. Таковую крепость сил к достижению цели в музыке и телесных подвигах доставляет упражнение!

Но поелику упомянул я о венцах и о подвижниках; то присовокуплю: они, претерпев тысячи трудностей в тысяче случаев, всеми мерами приумножив свою силу, пролив много пота в трудных телесных упражнениях, приняв много побоев в училище, избрав не самый приятный образ жизни, но предписанный учителями, и во всем прочем (скажу не распространяясь) ведя себя так, что жизнь их до подвига была упражнением в подвиге, уже после всего этого являются готовыми на поприще, переносят все труды и опасности, чтоб получить венок из дикой маслины, или из гирчи, или из чего-нибудь подобного и, победив, заслужить провозглашение от глашатая. Ужели же нам, которым за жизнь подлежат награды столь удивительные по множеству и величию, что невозможно и словом их выразить, когда спим на оба уха и проводим жизнь в большой беспечности, остается взять только эти награды левой рукою? Тогда высоко бы ценилась праздная жизнь, и у всех восхитил бы первенство в счастии Сарданапал, или, если угодно, Маргит, о котором сказал Омир (если только Омировы это стихи), что он был ни пахарь, ни пахатель, ни человек, способный к чему-либо в жизни. Но не более ли истинно изречение Питтака, который сказал, что „трудно пребыть добродетельным»? Ибо действительно, даже подъяв много трудов, едва можем сподобиться тех благ, которым, как выше сказано, нет и образца между благами человеческими.

Поэтому не должно нам лениться и на краткий покой променивать великие надежды, если не хотим слышать укоризны и терпеть наказания, — не здесь от людей, хотя и сие не маловажно для имеющего ум, — но на тех судилищах, где бы они ни были, хотя бы под землею, или где в другом месте. Невольно погрешившему против долга, может быть, и будет некоторое помилование от Бога; но намеренно избравшему худое нет и отговорок, почему бы не терпеть сугубого наказания. Что же нам делать? скажет кто-нибудь. — Что иное, кроме того, чтоб, освободившись от всех других попечений, иметь попечение о душе?

Поэтому не должно служить телу, кроме крайней необходимости, а душе надобно доставлять все лучшее, любомудрием, как от темницы, освобождая ее от общения с телесными страстями, а вместе и тело соделывая неодолжимым для страстей. Чреву надобно доставить необходимое, но не слишком сладкое, как делают выдумывающие каких-то приготовителей стола и поваров, обыскивающие всю сушу и море, собирающие дани, как жестокому како-

му-то властелину, — эти жалкие труженики, страждущие не менее мучимых во аде, которые подлинно прядут огонь, решетом носят воду, льют в дырявую бочку, не видят конца трудам. А трудиться сверх нужды над волосами и одеждой, по выражению Диогена, свойственно или злосчастным, или обидчикам. Посему утверждаю, что быть и называться щеголем, должны мы почитать столько же срамным делом, как и жить непотребно и злоумышлять на чужое брачное ложе. Ибо для имеющего ум какая разность — надеть ли на себя зрелищный наряд, или носить одежду простолюдина, если только она достаточно защищает от холода и жара? Подобным образом и прочее надобно заготовлять себе, не превышая нужды, и не больше заботиться о теле, но сколько хорошо это для души. Мужу, поистине достойному сего именованья, быть щеголем и занятым своею наружностью не менее укоризненно, как и рабски предаваться другой какой-либо страсти. Употреблять все старание на то, чтоб тело было, как можно, наряднее, свойственно человеку, который не познал сам себя и не понимает того мудрого правила, что не одно видимое составляет человека, а потребна некая высшая мудрость, посредством которой каждый из нас познает себя, каков он. А сие имеющим не очищенный ум более невозможно, чем больному глазами смотреть на солнце.

Очищением же души (чтоб сказать одним разом, и достаточно для вас) служит — презирать чувственные удовольствия, не насыщать глаз нелепыми представлениями чудодеев, или зрением тел, возбуждающих к сластолюбию, и чрез слух не вливать в душу поврежденного сладкопения. Ибо от такого рода музыки, обыкновенно, возникают страсти — порождения рабства и низости. А нам должно учиться иной музыке, которая лучше, и ведет к лучшему, которою пользуясь Давид, творец священных песнопений, как говорит Писание, избавлял царя от неистовства. Сказывают же, что Пифагор, встретив упившихся на пиру, свирельщику, который управлял пиром, велел, переменяв напев, заиграть на дорический лад, и пирующие так оразумлены были этою игрою, что, сбросив с себя венки, разошлись со стыдом. А иные при звуках свирели предаются неистовствам, как корибанты и вакханты. Столько разности — наполнять ли слух сладкопением здравым, или негодным! Посему в этом господствующем ныне сладкопении должно вам участвовать менее, чем в каком-либо из срамных дел. А растворять воздух различными испарениями, доставляющими удовольствие обонянию, намазывать себя благовонными мазями, стыжусь и запрещать вам. Что же сказал бы иной о том, что не надобно гоняться за удовольствиями осязания и вкуса, разве то одно, что преданные уловлению сих удовольствий принуждены ими бывают жить подобно скотам, по прихотям чрева и того, что ниже чрева. Одним словом, все телесное должно презирать тому, кто не хочет, как в тине, погрязнуть в телесных удовольствиях. Столько надобно иметь к телу привязанности, сколько, говорит Платон, участвует оно в служении любомудрию, выражаясь несколько подобно Павлу, который дает совет, что ни мало не должно телу угождать творить в повод похотям (*Рим. 13, 14*). Те, которые заботятся, чтоб, тело было, как можно, наряднее, а душу, которая действует чрез тело, презирают, как ничего не стоящую, чем отличаются от людей, прилагающих попечение об орудиях, но нерадящих об искусств, действующем чрез орудие? Поэтому, совершенно напротив, должно обуздывать и сдерживать тело, как порывы зверя, и мятежи,

производимые им в душе, усмирять, поражая рассудком, как бичом, а не ослаблять вовсе узды сластолюбию, и не пренебрегать тем, что ум увлекается им, подобно вознице, которого неукротимо несут необузданные кони. И надобно припоминать, как Пифагор, узнав, что один из его знакомых очень тучнеет от телесных упражнений и многоядения, сказал ему: «перестанешь ли отстраивать себе несноснейшую тюрьму»? Поэтому, говорят, и Платон, предусматривая, что тело вредит душе, с намерением избрал для Академии не совсем здоровое в Аттике место, чтоб не давать телу очень нежиться, как и винограду не дают разрастаться в излишние ветви. А я слышал от врачей, что крайняя степень здоровья даже опасна.

Итак, если излишнее попечение о теле бесполезно для самого тела и служит препятствием душе; то покорствовать и услуживать телу — явное безумие. Но если бы научились мы презирать его, то едва ли бы стали удивляться чему-нибудь другому из всего человеческого. Ибо на что понадобилось бы еще богатство нам, которые ни во что ставим телесные удовольствия? Я не вижу никакой надобности, разве только, как в баснях говорится о драконах, и то доставляет некоторое удовольствие, чтоб неусыпно стеречь зарытые сокровища. Но кто обучился в рассуждении подобных вещей вести себя благородно, тот вовсе не способен избрать что-нибудь низкое и постыдное в деле, или в слове. Что сверх нужды, будь это лидийский песок, или работа златоносных муравьев, тем более станет он гнушаться этим, чем менее находит в том потребности. Самую нужду будет определять он естественными потребностями, а не удовольствиями. Ибо преступившие пределы потребностей, подобно несущимся вниз по скату, не имея перед собою ничего такого, на чем бы удержаться, нигде не останавливаются в своем стремлении вперед, но чем более простираются вперед, тем паче, для удовлетворения пожелания, имеют нужду в равном прежнему, или еще в большем, по изречению Ексикестидова сына, Солона, который говорит: «в богатстве у людей нет явного предела». В этом же надобно взять себе в учителя Феогида, который говорит: «не люблю и не желаю богатеть, а только бы прожить мне малым, не встретив ничего худого». А я дивлюсь презрению всего вообще человеческого и в Диогене, который доказал, что он богаче и великого царя: потому что меньше его имеет нужд в жизни. А нам, если нет у нас такого же числа талантов, как у Пифия мисийского, нет столько и столько десятин земли, нет стад скота, которых бы нельзя были и перечесть, нам все еще мало.

Но думаю, что, когда нет богатства, не должно его желать, а когда оно есть, надобно думать не о том, что обладаешь им, но о том, умеешь ли располагать им? Прекрасно изречение Сократа, который об одном богатом человеке, высоко думавшем о деньгах, сказал, что не прежде станет удивляться ему, как изведав, умеет ли пользоваться ими. Фидий и Поликет, если б много стали превозноситься золотом и слоновою костью, из которых первый сделал Илиянам Дия, а другой Аргивянам Иру, подверглись бы посмеянию за то, что, хвастаясь чужим богатством, оставили в стороне искусство, от которого и золото стало приятнее и драгоценнее. А мы, предполагая, что человеческая добродетель сама по себе не достаточна для украшения, думаем о таком своем поступке, что он

менее постыден! Ужели, презрев богатство и чувственные удовольствия поставив ни во что, погонимся за лестиею и ласкательством, и станем подражать проницательности и оборотливости Архилоховой лисицы? Человеку здраво-мыслящему более всего должно избегать того, чтоб жить для славы, сообразоваться с мнением большинства, а не правый разум ставить вождем жизни; но, хотя бы пришлось противоречить всем людям, или за прекрасное навлечь на себя бесславие и опасности, и в таком случае не должно решаться на извращение правильно дознанного. А кто не таков, о том скажем ли, что отстает он в чем-нибудь от египетского софиста, который, когда хотел, делался деревом, зверем, огнем, водой и всякою вещью, если только он то будет хвалить справедливое пред читателями справедливости, то станет говорить противное, когда заметит, что одобряют несправедливость, как это в обычае у льстецов: и как говорят о полипе, что меняет цвет по цвету земли, которая под ним, так и он будет менять свои мысли, по расположению людей, которые при нем?

Но хотя этому совершеннее обучимся из наших писаний, однако же и из внешних уроков очертаем на сей раз как бы некоторый оттенок добродетели. У тщательно собирающих пользу с каждой вещи, как и в больших реках, по Гесиоду, стхотворца: «прибавляй малое к малому», надобно почитать правильным не только о приращении серебра, но и обо всяком знании. Поэтому Виас, когда сын, отправляясь к Египтянам, спрашивал, что делая, особенно угодит он отцу, отвечал: «приобрети напутствие к старости», а напутствием назвал добродетель, заключив ее в тесные пределы: потому что ограничил пользу ее продолжением человеческой жизни. А я, хотя бы кто наименовал мне старость Тифона, или Арганфония, или старость самого долговечного у нас Мафусала, о котором сказано, что жил тысячу лет без тридцати, хотя бы отчислил все время сначала, как стали существовать люди, посмеюсь этому, как детской мысли, простирая взор в тот долгий и нестареющийся век, в котором так же нельзя примышлением своим постигнуть предела, как назначить и предположить кончину бессмертной душе. Для сего-то века советовал бы я вам приобрести напутствие, не оставив по пословице, не двинутым, ни одного камня, если только будет вам от того какая польза. Не будем бездействовать по той причине, что это тяжело и требует труда; но вспомя совет сказавшего, что всякому должно избирать жизнь совершеннейшую и ожидать, что привычка сделает ее приятною, испытаем то, что всего лучше. Ибо стыдно, потеряв настоящее время, в последствии стараться возратить прошедшее, чего не сделаешь уже никакой скорбию.

Итак я, что признаю важнейшим, частью сказал вам теперь, а частью буду советовать и во всю жизнь. А вы, так как болезни бывают троякие, не окажитесь подобными неизлечимо больным, и не обнаружьте в себе недуга воли, похожего на болезнь страждущих телом. Ибо страждущие не важною болезнью сами приходят ко врачам; одержимые важнейшими недугами к себе призывают врачующих; а впадшие совершенно в неисцельную болезнь черножелчия и приходящих к ним врачей не допускают до себя, чего да не будет ныне с вами: вы не убегайте от людей, которые рассуждают право!

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Прот. Михаил Горчаков

ОБ ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ К ПРАВУ И ГОСУДАРСТВУ

*(слово в неделю о расслабленном
и в день рождения Императора Александра II,
произнесенное в Исаакиевском соборе)*

Протоиерей Михаил Иванович Горчаков (1838–1911), заслуженный ординарный профессор Императорского С.-Петербургского университета по кафедре церковного права, законоучитель и настоятель церкви Мариинского девичьего института в С.-Петербурге, один из основоположников науки русского церковного права, родился в семье священника Костромской епархии 8 ноября 1838 г. По окончании курса Костромской Духовной семинарии (1851–1857), а затем С.-Петербургской Духовной академии (1857–1861), в том же 1861 г. занял место псаломщика при русской церкви в Штутгарте. Здесь он жадно принялся за изучение богословских общественных наук, и особенно церковного права, слушал лекции в Тюбингенском, Гейдельбергском и Страсбургском университетах (1862–1864). Возвратившись в Россию, он поступает вольнослушателем на юридический факультет С.-Петербургского университета, славившийся в то время блестящим составом своих преподавателей.

Усердно занимаясь, уже на акте 1865 г. он был награжден серебряной медалью за сочинение «О происхождении и системе преторского эдикта», в мае того же года выдержал экзамен на степень кандидата права. В том же году он принимает сан священника и назначается законоучителем и настоятелем церкви Мариинского девичьего института в С.-Петербурге. Вскоре за сочинение «О церковных историках первых восьми веков христианства» получает от С.-Петербургской Духовной академии степень магистра богословия. В 1868 г., по защите диссертации «Монастырский приказ», утвержден в степени магистра государственного права и назначен штатным доцентом университета по кафедре церковного права. В 1871 г. появляется его докторская диссертация на степень доктора государственного права: «О земельных владениях Всероссийских митрополитов,

патриархов и Св. Синода», по защите которой был избран экстраординарным профессором, а 15 октября 1873 г. — ординарным профессором по занимаемой им кафедре.

В мае 1881 г. прот. Михаил Горчаков блестяще защищает в Киевской Духовной академии диссертацию под названием «О тайне супружества, происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й главы Кормчей» и был затем утвержден Св. Синодом в степени доктора богословия. Таким образом, имея шесть ученых степеней — три по богословским и три по юридическим наукам, прот. Михаил Горчаков становится в этом отношении практически единственным в России носителем стольких ученых степеней в двух различных научных областях.

Немало трудов его было напечатано в 1-м и 2-м томах «Сборника государственных знаний» под редакцией В.П. Безобразова, различных энциклопедических и толковых словарях.

Кроме научных трудов проф. прот. Горчаков уделял немало энергии деятельности публицистического и общественного характера, печатаясь по церковным и церковно-общественным вопросам в «Вестнике Юго-Западной России», газете «Голос». Ученый пользовался величайшим уважением среди профессоров и молодежи, а также и в глазах учебной администрации. Скончался протоиерей Михаил Иванович Горчаков в 1911 г.

Предлагаемая читателям статья прот. М.И. Горчакова написана в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг. за освобождение братских славянских и иных православных народов на Балканах от османского ига и посвящена отношению Церкви к государственной власти и праву — теме, изучению и разработке которой, как всей науке церковного права, практически до него не существовавшей в России, отец Михаил посвятил всю свою жизнь.

Россия 60-й год празднует ныне день рождения благополучно царствующего 23-й год великого Государя своего. Дай Господи праздновать этот день еще и еще, во многая и многая лета!

Соучаствует сегодня с Россиею в торжестве и Православная Церковь русская. Соучастием в ежегодном праздновании высоко-торжественного дня рождения царствующего Государя Императора св. Церковь выражает свои отношения к правам Монарха и Его царства. Отношения православной Церкви к правам Царя и Отечества утверждаются на ее учении о вере и нравственности. Вера и нравственное учение Православной Церкви составляют одну из главных и непоколебимых основ правильных отношений членов Церкви и государства к Царю и Отечеству. Поэтому нынешнее торжество самым значением своим указывает нам, как предмет для размышления, христианское учение об отношении веры к праву и государству.

Правильное, с точки зрения христианской, разъяснение отношения веры к праву и государству не только благовременно для нашего общества в настоящее время, но и необходимо. В различных классах современного русского общества, в разговорах и в печати, весьма часто слышатся толки, и суждения о свободе совести, об отношениях религии к праву, Церкви — к государству, веры — к свободе, обществу и государству и т. п. Толки и рассуждения об этих предметах крайне разнообразны и иногда противоречивы. Нередко они не отличаются признаками истины и справедливости, ясности и определенности; сопровождаются упреками вере, церкви, государству, обществу; иногда соединяются с отрицанием необходимости веры для права и государства; весьма часто подрывают в обществе уверение к вере и правде. Служители православной веры и Церкви не могут и не должны опускать из внимания указанных явлений в обществе, которые вызываются отчасти современными событиями в иноземных странах, а отчасти и обстоятельствами русской жизни.

Предмет, разъяснение которого предлагается вашему вниманию, по своему содержанию весьма сложный, по отношениям — разносторонний, по важности — имеющий значение для веры, Церкви, общества, государства и для всех членов Церкви и Отечества. В виду такого содержания и значения его, православный проповедник не может принять на себя обязанно-

сти — всесторонне рассмотреть и обсудить его. Отношения между верою и правом, Церковью и государством, служителями веры и обществом, определяются и устанавливаются не исключительно верою и Церковью, но многочисленными условиями, проистекающими из жизни общества и государства. Нам предлежит обратить ваше внимание лишь на ту сторону предмета, которая может и должна быть разъясняема с церковной кафедры и которая объясняется значением веры для права и государства.

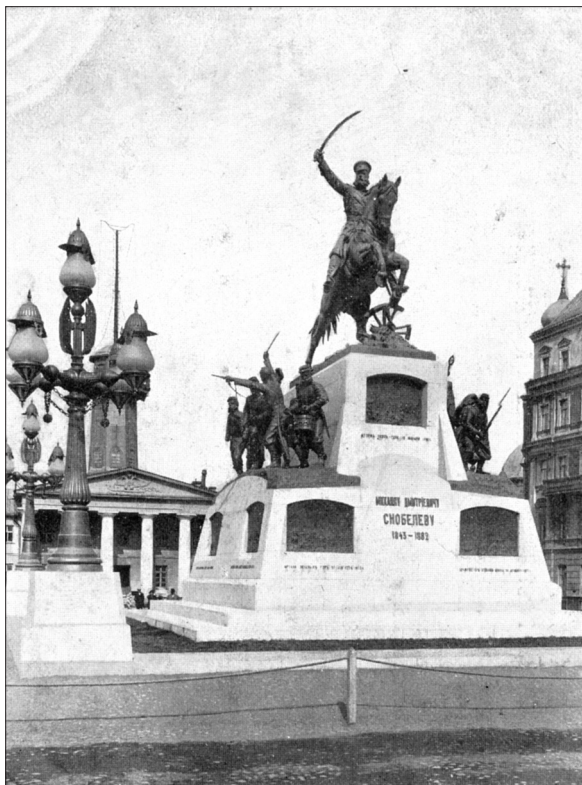
Вера присуща духовной природе человека, как способность доверия к истине, добру и правде. Такая способность столь же неотъемлема от человека, как и способности ума, воли, чувства. Но всякая способность духовной человеческой природы обладает свойством усовершеншаться и развиваться до бесконечности. Беспредельные стремления человека к добру и истине могут найти себе законченность только в вере в бесконечное, совершенное Существо, т.е. в Бога. И вера, как способность доверия к истине, правде и добру, находит себе полное удовлетворение в убеждении, что есть Источник и Первооснова верховной истины, добра и правды. Благодаря присущей в душе человека способности к вере в Бога, как источнику верховной истины, правды и добра, вера в Бога является потребностью духовной природы человека. Отрицать существование религиозной потребности в природе человека нет никаких оснований. Потребность эта — столь же действительный факт, как потребность видеть, слышать, знать. Человек старается удовлетворять этой потребности. Удовлетворение ее соответствует степени развития и направлению самой способности в каждом отдельном человеке. Конечно, вера человека, как и всякая другая способность его, может развиваться в различных людях не одинаково, может уклониться в своем развитии от закона, данного ей Творцом, может проявляться на разных степенях развития. Но уклонения от закона и разные степени развития способности веры не уничтожают самого существования ее в природе человека, подобно тому, как уклонения рассудка от правильного мышления, а воли от закона нравственного, не уничтожают, в человеке способности мыслить и действовать. Иначе говоря, способность и потребность человека к вере в Бога, как в источник великой истины и добра, неискоренимы и неистребимы в природе человека. Никакие внешние усилия не в состоянии

уничтожить ее, по крайней мере в тех людях, которые развили ее в себе согласно с законами, данными нашей природе от Бога, разумно сознают ее себе, пользуются ею и удовлетворяют ей. А это и служит доказательством того, что сознательная и разумная потребность религии присуща самой природе человека. Но всякая разумная потребность духовной природы человека есть одна из деятельных и производительных сил в образовании и развитии права. Право и есть, с одной стороны, внешним образом выражающаяся сила стремлений человека к удовлетворению разумных его потребностей, — с другой, общественный порядок, в котором движется, развивается и достигается стремление человека в удовлетворении тех же потребностей в пределах, признаваемых в обществе и государстве справедливыми. Государство же, по современным понятиям, имеет своим назначением устанавливать, сохранять, поддерживать и, по условиям времени, развивать право. Следовательно, религия, как способность и потребность духовной человеческой природы, есть одна из необходимых деятельных и производительных сил права в обществе и государстве. Вот почему религия справедливо считается основой и силою деятельного человека в частной, гражданской, общественной и государственной жизни, приводимой правом в определенный порядок. Сила религии в этом отношении не может быть заменима ничем другим: ни знаниями, ни богатством, ни физическою силою; влияние ее на означенный порядок неустранимо никакими средствами. Вот почему с ослаблением в обществе религиозной потребности и с пренебрежением членов его к удовлетворению ее, понятия о справедливости, праве, правде, порядке и о значении Церкви и государства становятся шаткими, неясными, нетвердыми, разноречивыми и спутанными. Вот почему враги права и порядка, стремящиеся произвести в обществе смуты и беспорядки, стараются, прежде всего, убить и в себе и в других потребность веры в Бога и ослабить значение этой веры в обществе и государстве.

Вера в Бога, как способность и потребность человеческой природы — стремиться к верховной правде, истине и добру, служить, с другой стороны, производительною

силою права и неразлучного с ним порядка в государстве. Вера в Бога есть единственный источник и первооснова совершеннейшей нравственности человеческой, частной и общественной. Много было попыток отыскать источник и твердую основу человеческой нравственности помимо религии и вне всяких отношений к вере в Бога. Попытки эти продолжаются и в наше время. Но все старания найти, независимо от веры в Бога, как в источник верховной правды и добра, источник и основу столь чистой и высокой нравственности, которая бы согласна

была с законами нравственной человеческой природы и заслуживала бы достойного в обществе уважения, благоговения и обязательности, оказывались и остаются без успеха. Нравственные учения, не опирающиеся на веру в безусловную правду и добро, шатки, неопределенны, лишены основательности, убедительности для отдельных лиц и силы в обществе. Некоторые же учения о нравственности, изобретенные людьми помимо веры в Бога, диаметрально противоположны природе истинной нравственности. Но никто не решится сказать, что нравственность не нужна людям или что в ней нет надобности обществу и государству. Никто также не может отрицать и того, что нравственные правила составляют необходимое содержание права в обществе и государстве. Право не мыслимо помимо и независимо от нравственности. Право, по

*Москва. Памятник генералу М.Д. Скобелеву
Фото начала века*

своему содержанию, и есть ничто иное, как общепризнанная в данное время и в данной стране степень сознания нравственных правил, долженствующих господствовать в обществе и обязательных для всех его членов. Если же те нравственные начала, которые входят в содержание права, лишить их твердой конечной основы, какою может быть лишь вера в верховную правду и добро, то и самое право является без внутренней силы, крепости и обязательности. При существовании такого права невозможен порядок в обществе и государстве: одно принуждение никогда не создаст порядка и мира в обществах людей. Стало быть, без веры в Бога, как источника верховной правды и добра, невозможны ни нравственность, ни право, ни порядок в обществе и государстве. Вот почему непреложная истина заключается в словах нашего Спасителя: ищите прежде царствия Божия и правды Его, и вся приложатся вам (*Мф. VI, 33*).

Всякая разумная потребность духовной человеческой природы имеет тем большее значение, тем лучше содействует успехам совершенства человеческого развития, чем правильнее она развивается и чем лучше и соответственнее законам самой природы человека она удовлетворяется. И вера в Бога тем большее значение получает в жизни частных лиц, семейств, обществ и государств, чем правильнее развивается она, как способность, и правильнее удовлетворяется, как потребность человеческого духа. Но мы разъяснили, что вера в Бога есть основа нравственности, дает особое содержание справедливости и праву и служит оплотом правового порядка. Поэтому чем правильнее развивается и удовлетворяется в обществе вера в Бога, тем выше в обществе нравственность, тем основательнее в нем понятия о справедливости и правде, тем крепче порядок и тем сильнее, стало быть, государство. Вот каковы отношения веры в Бога, как способности и потребности человеческого духа, к праву и государству!

Идем далее. Может ли, решится ли кто-либо отрицать, что самое правильное развитие нашей способности веры в Бога и самое лучшее, истинное удовлетворение религиозной потребности нашей можно найти только в Христианской Вере, которая во всей чистоте и неповрежденности сохраняется в Православной Церкви. Эта вера — не только совершеннейшая, самая высшая религия, но именно такая, которая прямо соответствует законам нашей природы, данным нам от Творца, и нас создавшего и спасение в Иисусе Христе, нам даровавшего. В ней, в христианской вере и истина, и жизнь, и свет, и правда, и благо полное, безусловное для человека. Правда Твоя, Господи, правда во век, и слово Твое — истина. Откровения Твои, Господи, которые Ты заповедал, правда и совершеннейшая истина (*Псал. 118, 138, 142; Ин. XIV, 6*). Истина, правда, и добро, которым учит нас Христианская Вера, удовлетворяют всем, самым возвышенным требованиям человеческого духа, развивающегося по законам, данным его природе от Творца, и ищущего совершенства в безусловном добре. Разуму открывается в истинах Христианской Веры решение важнейших вопросов, бессмертного духа и вечной жизни, воле указывается верховное добро, сердцу — истинное блаженство. Из источников христианской веры почерпается такое разрешение всех, основных и второстепенных, нравственных и религиозных вопросов, какого не найти нигде, ни в одной области человеческих знаний, которых это разрешение однако же никоим образом не стесняет. В Христианской Вере в полной мере могут находить удовлетворение своим религиозным и нравственным потребностям и стремления все ищущие святой истины, вечной правды, полного для сердца блаженства, — все люди, в каком бы положении они не находились, какие бы невзгоды жизни их ни обуревали, каким бы счастьем они не пользовались. Нравствен-

София. Храм-памятник св. Александра Невского и памятник освободителям

ные начала Христианской Веры столь возвышенны и чисты, что в уровень с ними никогда и ни в каком случае не могут стоять никакие нравственные учения, изобретенные каким угодно человеческим гением. В законе любви к Богу и ближним заключается основной и общий закон истинной человеческой нравственности, заключающий в своем содержании непоколебимые основания справедливости и милости и неисчерпаемый материал для человеческих отношений, — закон, не извне навязываемый, но положенный в самой природе нашей и разъясненный нам Иисусом Христом и Его святым Евангелием. Истины и нравственные начала христианской православной веры имеют значение не для определенного только времени, народа и положения людей, но они не перестанут сохранять свое значение везде и всегда для всех людей, которые хотят устроить свою жизнь по законам, данным человеческой природе от Бога. Пока человеческая природа существует со своими законами и силами, с какими она создана Богом (а разве кто может изменить человеческую природу), до тех пор православная Христианская Вера остается спасительной руководительницей рода человеческого в его жизни и развитии к совершенству. Истины веры и нравственности христианской, поэтому, не только не потеряют своего значения для истинной жизни людей, не только не могут ни устареть, ни измениться в своем существе, ни умалиться в своей благотворности, ни ослабеть в своем влиянии на жизнь и развитие рода человеческого, но, Бог даст, станут приобретать в мире

со временем большее и большее значение и силу по мере стремлений народов и людей к истинному совершенству, к жизни, основанной на законах человеческой природы. Истины и начала христианской нравственности таковы по своему существу, что люди, держась их твердо и проводя их в жизнь, всегда могут преуспевать, идти к совершенству и развиваться до бесконечности (*Мф. V, 48*). Любовь христианская, например, есть такое жизненное начало в христианской жизни, которого не изжить никогда всем нам и всему человеческому роду. Она всегда найдет для своей деятельности средства, силы, побуждения и поприще. Она — неиссякаемый, вечный источник справедливости и милости к людям. Таковы все христианские добродетели, предписываемые нам верою в Иисуса Христа!

Христианская Вера, удовлетворяя самым высшим, стремлениям человеческого духа к верховной истине, правде и добру и предлагая начала совершеннейшей нравственности, наполняет своим содержанием право в таких человеческих обществах, члены которых из нее почерпают удовлетворение высшим потребностям своего духа и стремлениям к истине, добру и правде и на ее началах устрояют свою нравственную жизнь. Поэтому Христианская Вера в христианском мире всегда имела, имеет и будет иметь неотразимое влияние на понятие о правде и справедливости, на право людей и народов, а, следовательно, и на порядок в государстве.

История христианского мира неопровержимо доказывает благодетельнейшее и всеобъемлющее влияние святой веры на жизнь людей, право народов и порядок государств. Во всякой стране, являлась и утверждалась Христианская Вера, нравственная жизнь людей возвышалась; все стороны жизни семейной, частной, общественной и государственной, под ее влиянием, улучшались; в право и законодательство вносились благотворные и справедливые начала; порядок и строй общества и государства получали крепость; закон, и власть приобретали силу. Не было и нет в мире ни одного учреждения, которое бы столь продолжительно и с таким всеобъемлющим значением для всех сторон жизни людей и народов сохраняло свой авторитет, как великая религиозно-нравственная сила Христианской Веры. Все, что есть лучшего и высокого в нравственном строе христианского мира, обязано Христианской Вере или своим происхождением, или усовершенствованием, или значением и развитием в мире. Все это служит свидетельством и доказательством того, что Христианская Вера есть первооснова исторической жизни христианского мира, в котором помимо влияния святой веры и независимо от нее не может быть истинной нравственной жизни в обществах и справедливого права, законодательства и порядка в государствах.

В православной России православная Христианская Вера есть отличительная особенность нашей народно-

сти, крепкая и несокрушимая первооснова исторического права и жизни народа и государства и неизменная союзница судеб православного Отечества.

Православная вера — отличительная особенность русской народности. С именем «России» и «русского» неразлучно имя «православный». Жизнь русского народа и государства всегда находилась в самой тесной связи с Верою. Вера создала, указала, распространила и утвердила на Руси образование. Русская народная жизнь и теперь — жизнь православная. Она вся проникнута влиянием Веры христианской: понятия, обычаи, надежды, выражения радости и горя русского человека запечатлены православными верованиями. В среде русского народа и ныне ключом бьет православная вера и жизнь, за исключением некоторых, крайне малочисленных, но шумно дающих о себе знать кружков, страдающих отсутствием идеалов будущности родной страны. Но громкое и настойчивое слово веры способно сразу унять этот шум.

Нужно ли напоминать и доказывать вам, служители русского права и государства, что Православная Вера есть первооснова в исторической жизни русско-народного права и в судьбах Отечества. Вы должны это знать, понимать и никогда не выпускать из своей памяти при верноподданническом служении Отечеству и Государю-Царю. Напоминать ли вам о неисчислимых заслугах и несокрушимо-крепком значении святой православной веры во времена св. Владимира, в годы народных страданий под татарским игом, в период объединения Руси и возвышения отечества нашего, в трудное для судеб его время смут, самозванцев, в годину отечественной войны?..

Да, вся отечественная история неопровержимо свидетельствует, что православная вера и Церковь русская никогда и ни в каком случае не отступают от русской народности и от судеб русского государства. Самые злые враги нашей Веры, Церкви и Отечества не могут указать ни времени, ни события, ни даже отдельного случая, когда бы Церковь наша дозволила себе ослаблять в своих членах чувство любви к народности, отечеству. Зато нет и не было ни одного сколько-нибудь значительного в истории нашей народной жизни события, в котором бы церковь не приняла своего участия. Отрадные события она всегда приветствует своим благословением и участием. Торжество Отечества — всегда и торжество нашей Церкви. Но еще более входит Церковь в соучастие с народной жизнью в годы искушения Отечества и народа. В такие времена русская Православная вера и Церковь выдвигают все свои силы, всю свою религиозно-нравственную мощь. Этою несокрушимою жизнью она не раз спасла Отечество от опасностей в такие годы искушения, когда, по-видимому, не было уже и спасения Отечеству от гибели со стороны иноверных иноземцев — врагов.

*С.-Петербург. Храм-памятник Воскресения Христова
(Спас-на-Крови) на месте смертельного ранения
Императора Александра II*

Соотечественники! Двадцать два года царствования благочестивейшего Монарха нашего протекли в благоденственном и мирном житии. Почти четверть столетия царствовал для России мир: все силы ее, посвящены были развитию внутреннего благополучия, свободы, правды и просвещения. Под сенью мира, под самодержавным водительством мощной воли Монарха Россия возрождалась и обновлялась. 17-е апреля в течении 22-х лет было радостным днем торжественного выражения молитвенного благодарения Русской Церкви Господу Богу о благоденственном, и мирном житии Отечества и Царя и о благопоспешении Верховному Самодержавному Представителю всех верховных прав и сил русского царства в устроении мира во всем мире. В этот день наш Царь всегда был среди нас, в своем царствующем граде.

Но сегодня, в 17-е апреля нынешнего года, на всем необъятном пространстве России, во всем многомиллионном ее народе, с молитвою о Царе нашем соединена еще одна крепкая дума... Теперь у всех нас одна мысль — на уме, одно чувство — в сердце, одно слово — на языке... Это слово — война!

Война — страшное, неизобразимо и неописанно страшное событие. Она требует неисчислимых и превышающих силу воображения разнообразных жертв и необычайного напряжения сил народных. Одно представление, что она грозит сотням тысяч людей смертью и миллионам людей переменою судеб жизни, приводит

в содрогание. Самое слово война звучит стонами, воем, стенаниями и рыданиями.

Война — грозное и тяжелое испытание крепости, богатства, правильного положения и жизненности всех народных сил и средств религиозных, нравственных, умственных, государственных, физических и материальных.

Нынешняя война есть испытание способности и готовности свободной и обновленной России исполнять призвание свое в своих судьбах, в истории народов, государств и всего мира.

Значение наступившей войны для судеб нашего отечества необъятно. Она ложится крепко на судьбы многих и многих поколений, не только живущих, но и грядущих из глубины далеких времен будущей истории России.

Война — время грозного посещения нелицеприятного правосудия Божия к народам, веруют ли они в промыслительную силу распорядителя судьбами царств и народов... Война — суд Божий над народом за его прошлую и настоящую жизнь.

Соотечественники! Ныне година испытания и божественного посещения отечества. На каждом из нас лежит священная и общая обязанность охранять, защищать и возвышать достоинство, честь, правду и святое, правое дело могущественной России и всего христианского мира.

Ныне — время испытания каждого русского, каждого из нас, праведным судом Божиим, судом всего народа и всего христианского мира, время испытания нашей веры в Бога, Промыслителя и Распорядителя судеб нашего отечества, мира и народов. Ныне — время испытания нашей преданности вере, Царю и отечеству, нашей готовности и способности к патриотизму и самопожертвованию во имя высших начал правды Отечества, время испытания нашей любви к соотечественным подвижникам, готовым жизнь свою положить за Отечество и за нас.

С верою в Бога — Промыслителя и Распорядителя судьбами народов и с полным сознанием святости и правоты русского дела, да будем и да покажем себя достойными сынами православной, обновленной, свободной и могущественной России, самим Божественным Промыслителем призываемой освободить восточных христиан, единоверных братьев наших, от неописанно злостного ига мусульманского. Да внесет каждый из нас свою должную долю жертв в исполнение долга пред Богом, Отечеством и всемирною христианскою правдою!

Всемогущий Боже! Услыши ны в день, в который мы призываем Тебя. Восстани в помощь нашу, не посрами нас праведным Твоим гневом в уповании нашем на Тебя и соделай нас достойными сынами Отечества и Церкви. Господи, силою Твоею да возвеселится Царь и о спасении верующих в Тебя да возрадуется весь мир христианский.

ПРОПОВЕДЬ

Свящ. Виктор Пантин

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Сегодня интеллигенции трудно идти в церковь. Многие признают себя верующими, христианами, православными, носят крест, заходят иногда в храм, чтобы поставить свечу, помянуть своих близких, посещают Пасхальный крестный ход, то есть прибегают к Церкви в исключительных случаях.

В чем причина трудности прихода в храм? Причина — в бездне, которая разделила народ и интеллигенцию в их отношении к Церкви. Бездна эта образовалась весьма давно, начиная с XVIII в., а на рубеже XIX и XX столетий она углубилась. С Церковью привыкли не считаться как с действенной общественной силой. Церковь видится чем-то устаревшим, отжившим, храм — прибежищем убогих, обездоленных, несчастных, малообразованных, старых людей. К Церкви так и относятся, как относятся дети к своим престарелым родителям в семье, где сочетается внешний почет и внутреннее небрежение.

А духовный вакуум заполнялся и продолжает заполняться продуктами западного секуляризированного сознания. Это поощрялось и продолжает поощряться государственной политикой.

На протяжении XIX–XX столетий Церковь оказалась существенно дискредитированной в глазах общества, особенно общества образованного. Многие десятилетия после реформ Петра Великого из Церкви пытались сделать внешний институт по охране нравственности и контролю за благонадежностью. Подчиняя Церковь всестороннему контролю со стороны государственных, бюрократических структур, они лишали ее самостоятельности в решении многих собственно церковных проблем и вопросов. Духовенство становилось сословием презираемым, униженным в социальном плане, в плане общеобразовательном.

Демократическая печать второй половины XIX века приложила все усилия к тому, чтобы обвинить Церковь и ее лучших представителей в косности, фанатизме, отсталости, мракобесии, защите религиозных предрассудков народа. Быть может, с ее страниц более всего грязи полилось в адрес величайших новопрославленных святых Русской Церкви XIX века — тех, которые имели общественное значение, которые были известны. Мы говорим о митрополите Филарете (Дроздове), святителе Московском, протоиерее Иоанне Сергиеве — Кронштадтском праведнике и всея России чудотворце. И, наоборот, тех антирелигиозных деятелей, которые все силы приложили к разрушению Церкви, угашению веры в сердцах соотечественников, — демо-

кратическая печать превозносила и защищала. Особенно ярко это проявилось в истории с отступлением от Церкви Льва Толстого, который под именем христианства создал совершенно новую религию, не имеющую к христианству никакого отношения.

Во всяком случае, в интеллигентной среде Церковь перестает восприниматься как нечто единственное и незаменимое, как необходимая дверь, открывающая узкий путь спасения человека. Уже с начала XX века в среде интеллигенции возникает то крайнее течение экуменизма, где все религии признаются содержащими какую-то частицу истинной религии, о создании коорой и следует образованному человеку задумываться и печься. И на страницах церковных изданий в начале XX века появляются статьи свободных христианских философов, которые, говоря от имени Церкви, на самом деле исповедуют идеи весьма далекие от святоотеческого Предания и учения. Так возникает новая духовная элита, которую можно было бы назвать аристократическим орденом интеллигенции, — людей, которые считают, что они обладают знаниями высшей истины благодаря своей осведомленности о поисках человеческой мысли всех веков и народов. Между тем, при правильном отношении к философии, нужно понимать, что более верным было бы определение ее как истории человеческих заблуждений. Неудивительно, что сегодня, на рубеже веков, в университетской и академической среде, в свободной и непринужденной обстановке можно услышать разговоры о том, что Христос, Будда, Конфуций, Магомет, — все это “наши люди” и не следует спорить о различии вероисповеданий, ибо “мы победим”. За этим “мы” как раз скрывается плохо осознаваемая, но совершенно определенно существующая принадлежность к названному ордену.

В начале XX столетия лучшие силы интеллигенции повернулись в сторону Церкви. Они неизбежно столкнулись с трудностями в своем воцерковлении в силу той пропасти, которая лежала между традиционно мыслящими верующими, — а ведь малообразованные в общекультурном плане составляли костяк церковных общин, — и вновь идущими туда. Это противоречие выразилось в том, что интеллигенты, приходящие в Церковь, пытались не столько научиться у Церкви, т. е. воспринять тысячелетнюю святоотеческую традицию, сколько подчас сами “научить” ее, выступая с проектами богослужебных реформ, а также со свободны-

ми толкованиями христианских догматов. Неизбежно они приносили в церковное мышление понятия, вынесенные ими из других сфер, вносили в Церковь смесь мистических, политических, позитивистских воззрений своей среды. Им было трудно найти общий язык с массой народа, — слишком велик был отрыв.

Основная часть интеллигенции накануне октябрьского переворота оставалась атеистической, расцерковленной, настроенной подчас радикально в политическом отношении, и понадобились все ужасы красного террора, изгнание лучшей части интеллигенции за пределы Родины, чтобы она там повернулась к Церкви. Оставшаяся же в России, в подавляющем большинстве своем и лучшей ее части, была истреблена физически или лишена возможности активно участвовать в общественной жизни.

Те немногие интеллигенты, которые веровали церковно, были вынуждены скрывать свою веру. Мощная фигура академика Ивана Петровича Павлова, который открыто посещал Знаменскую церковь, стоявшую на месте нынешней станции метро «Площадь Восстания», состоял в должности старосты этого храма, читал там священные тексты, — является одним из немногих исключений.

Среди подобных исключений можно назвать и имя архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), который, проведя известное время в лагере и ссылках, впоследствии возвращается к трудовой деятельности, правда, не в качестве архиерея, а в качестве блестящего хирурга-практика и теоретика, приобретшего себе мировое имя. И его не трогают, уже не смотря на то, что он читает лекции перед аудиторией молодых людей в рясе, с архиепископской панагией на груди. Это единственный из наших архиереев предвоенного и послевоенного периода, который удостоивается одной из высших государственных наград — Сталинской премии за свою книгу «Очерки гнойной хирургии». Впоследствии получив возможность вернуться к священнослужению, он вскоре впадает в немилость к государственным структурам и спецслужбам и заканчивает свою жизнь как исповедник веры на Симферопольской (Крымской) кафедре. Недавно он был прославлен как исповедник и местночтимый святой Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата).

В целом же вера в годы гонений сохраняется силами простого народа, силами женщин, причем преимущественно пожилых, которые могут без риска потерять работу посещать церковь, приносить туда на причастие своих внуков. И так, до сих пор, к сожалению, для интеллигенции, значительной ее части, Церковь и остается, образно говоря, чем-то вроде богадельни, где старухи с их предрасудками и суевериями толпятся за святой водой, в давке, с руганью выгоняя молодых...

В самом деле, стоило молодой девушке еще лет десять назад зайти в Церковь, как тут же к ней наперерез бросалась перед Распятием какая-нибудь бабушка с тряпкой в руке, злобно выкрикивая, что ей нужно сейчас вытереть здесь пыль, что девушка мешает это сделать, что она все делает не так, что она пришла в храм в брюках, без платка и т. д. Скольких таких интеллигентных девушек-студенток подобные бабушки выгнали из Церкви в период застоя и продолжают выгонять и сейчас!

Кроме вышеназванных причин, сыграли свою роль огромные усилия по тотальной дискредитации Церкви в глазах общества. Всеми силами телевидения, радио, печатной пропаганды Церковь и ее деятели очернялись как

силы темные, антинациональные, антинародные. Церковь уничтожалась извне, подрывалась изнутри, в ней учинялись расколы, она ставилась на колени пред безбожным тоталитарным государством, ее иерархия вынуждена была идти на многие компромиссы со своей совестью.

Советская интеллигенция, как наиболее осведомленная часть общества, обладала многими сведениями о таких искусовых сторонах жизни Церкви, о сотрудничестве ее иерархов с советской властью по многим вопросам. Это создавало образ Церкви как организации нетвердой в своих убеждениях, быть может даже продажной. Нужно напомнить о том, что немалая часть Русской Церкви ушла в подполье. И те из интеллигентов, которые искали в своем служении Родине, народу и Церкви чистоты христианских идеалов, часто оказывались за пределами Московского Патриархата, — в составе общин непоминающих, иосифлян, катакомбников, а те кто покинули пределы России — Зарубежной Церкви. После воссоединения многих православных христиан в России в 40–50-е годы тем не менее в эпоху хрущевской реакции против Церкви, возникло явление т. н. Религиозного диссидентства.

Религиозные диссиденты понимали, что Церковь не может нормально существовать в условиях тоталитарного государства, атеистической пропаганды. Поэтому они ставили перед собой не чисто религиозные, а зачастую, религиозно-политические цели. Так, в 1964 г., в Петербургском Государственном университете был создан нелегальный «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения народа» (см. издание «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения народа». Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Париж. 1975 г.) Союз намеревался скрытно и постепенно увеличивать число своих членов с целью свержения коммунистической власти и построения в России социально-христианского строя. В программе Союза читаем: «Цель Социал-христи-

анского движения внутренне преобразовать безличный коммунистический коллектив в коллектив персоналистический, одухотворенный, свободный, самостоятельный, братски взаимосвязанный. Величайшее зло в истории — тоталитарная система — возникает в том случае, когда государство поглощает Церковь, становящуюся, таким образом, “лже-церковью”. Возрожденная Церковь должна пользоваться независимостью от государства, полным суверенитетом в своей области”. В кругах, близких “Союзу”, хорошо понимали, что материалистический социализм — не что иное как, религия, основанная на атеизме, идее человекобожия и самообожествления человека и человеческого труда, — как писал в свое время еще о. Сергей Булгаков. А Николай Бердяев с твердой опорой на Ф.М. Достоевского указывал, что социализм для русских — всегда религия, а не политика. В самом деле, что иное пытался создать господствующий строй, как не новое религиозное отношение к действительности, которое должно было заменить церковное мировоззрение русского человека?!

Согласно программе “Союза”, Церковь должна была коренным образом изменить уровень своей общественной активности. В основу грядущих преобразований клался триединый принцип построения христианского государства, предусматривая христианизацию политики, экономики и культуры. Верховным органом власти в программе провозглашался Всероссийский Верховный Собор, в котором не менее трети мест планировалось закрепить за духовенством. Организация отличалась военной структурой и четкой иерархичностью. Достаточно сказать, что членские взносы составляли примерно десятую часть от заработной платы членов Союза. Во главе Союза стояли выпускники ЛГУ: востоковеды — И.В. Огурцов, руководитель и М.Ю. Садо — начальник личного состава, Е.А. Вагин, литературовед — начальник идеологического отдела, Б.А. Аверичкин — юрист, хранитель материалов. В феврале 1967 г. Союз был разгромлен, около 60-ти человек арестованы, организованы два судебных процесса, в результате которых осужденные получили сроки наказания от 10 месяцев до 15 лет. Это был самый крупный из нелегальных Союзов эпохи Хрущева и Брежнева.

Жизнь и деятельность видных патриотически настроенных организаций сопротивления режиму в 1970–80-х гг. протекала вне каких-либо законченных организационных рамок. Известны имена литераторов, общественных деятелей, таких как В.Г. Распутин, В.И. Белов, В.П. Астафьев, позже — И.Р. Шафаревич, М.Н. Любомудров, В. Крупин и др., которые группировались вокруг журналов “Наш современник”, “Москва”, отчасти “Молодая гвардия”. Они часто терпели гонения не только со стороны ЦК КПСС, но и со стороны западной нашей интеллигенции во главе с Сахаровым. За публикацию повести В. Крупина “40-й день” Юрий Селезнев, заместитель главного редактора журнала “Наш современник” поплатился своим местом в редакции.

Также была развита самиздатская деятельность. В названных журналах стали печататься с конца 1980-х — нач. 1990-х гг. творения свв. отцов, книги православных, в том числе зарубежных, церковных публицистов, в частности книги о. Серафима (Роуза). Основная идея повторяла идеи почвенников (славянофилов) XIX в.: Земля — народ — почва, и отчасти опиралась на авторитет Православной Церкви. Церковь была одной из главных опор этого дви-

У святой иконы

жения, пытавшегося сохранить в памяти современников и возродить идею Святой Руси. Эти патриотические идеи предавались клевете, шельмованию и поношению как в официальных средствах массовой информации, так и со стороны западнически настроенных диссидентов. Например, особой ненависти подверглась деятельность организации “Память”, выступившей с крайне правых позиций, но патриотически направленная, во исполнение идеи Православия — Отечества — России. Многие члены ее первоначально группировались вокруг “Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры”, общества “Спасение” и других, имена которые были сделаны жупелом для разрушительных сил.

Хотелось бы еще упомянуть о созданном в 1988 г. т. н. “Студенческом координационном комитете”, который просуществовал не очень долго, имея ограниченные задачи борьбы студентов за свои права, но идеи христианства, можно сказать, витали в воздухе возле его деятелей. Борьба была развернута за права студентов, против наследия коммунистического режима, прежде всего против сохранения имени А.А. Жданова в именовании университета, против военной кафедры как обязательной для всех, в т. ч. отслуживших срочную военную службу.

На сегодня мы стоим перед фактом, что не существует сколько-нибудь весомых религиозно-политических сил, которые имели бы основу в православном вероучении.

Сегодня малая общественная значимость Церкви как социального внешнего института является препятствием для вступления в ее ряды многих представителей интеллигенции.

Ведь в большинстве своем это люди деятельные, умеющие добиваться своего, преобразовывая общественное сознание в подведомственных им сферах. Они думают: “что я буду делать в Церкви, этом охранительном институте, который защищает и проповедует всем давно известные догматы и истины, а кроме того, придерживается различных уставных постановлений, ограничивающих (как им кажется) свободу человеческой личности?”. Их смущают требования нравственного порядка в Церкви, требования соблюдения поста, регулярного посещения богослужений. Они задают вопрос: «Почему я, свободный человек, должен подчиняться чему-то внешнему?» Поэтому, как правило, интеллигенты часто остаются в храмах лишь прохожими, т. е. лишь заходящими время от времени, а не сознательными деятельными членами приходов.

Также многие интеллигенты почему-то пребывают в убеждении, что церковь отрицает всю светскую гумани-

тарную культуру, а также позитивную науку, служителями, а зачастую рыцарями которой они себя считают.

Для того, чтобы эти иллюзии были рассеяны, интеллигентный человек сегодня должен быть поставлен в такие условия, когда он придет в Церковь со своей болью и нуждой, когда он там встретит священника — человека соответствующего образовательного уровня, который может понять и обсудить с ним его проблемы. Иначе ему придется очень сильно ломать себя, смирять свою гордыню, закрывать свободный ход рациональной мысли для того, чтобы чистым сердцем, как дитя, принять церковные истины и стать твердой ногой под кровом Церкви, припав к источнику благодати.

Среди интеллигентов, работающих в университете, в научно-исследовательских институтах, Академии Наук лишь ничтожная часть причащается Святых Христовых Таин, соблюдает пост и посещает регулярно праздничное богослужение.

И тем не менее, Церковь, по сути, не может пойти на те уступки, которые от нее требует нецерковный интеллигентный человек, ибо, как известно, не ходят в чужой монастырь со своим уставом. Надо только подчеркнуть, что преодолевший эти трудности интеллигент достоин поистине высокой награды у Бога-Вседержителя. Что же касается светской культуры, эпохи постренессанса, то Церковь считает, что лучшие ее плоды могут служить добрым пособием на пути человека к Богу, ибо от этих лучших плодов гуманитарной культуры легче стать православным христианином, чем от плодов современной лжекультуры — кумира молодежи. В лучших творениях человеческого гения всех времен и народов, несомненно, присутствует искра рассеянного Божественного Света, хотя и среди произведений человеческого духа, признаваемых гениальными, есть такие, которые никак невозможно положить по правую сторону от Св. Библии.

Сегодня не только интеллигенция страдает, живя в отрыве от Церкви, лишенная благодати Христовых Таинств. И Церковь страдает в отрыве от лучших умов и сил нашей эпохи, ибо остро нуждается в притоке высококвалифицированных специалистов всех областей знания. Ибо дилетантизм в разных общественно-церковных вопросах часто оказывается губителен для добрых начинаний. Церковь не сможет приобрести должного общественного значения для возрождения нашей горячо любимой Родины — России, которая представляет собой ныне потоптанный виноградник, если не будет искусных виноградарей во всех областях человеческой деятельности. Для распространения истины Христовой и слова Божия русский интеллигент: учитель, врач, ученый, литератор, политический деятель, — может сделать больше, чем человек простого физического труда.

Сегодня, как и сто лет назад, порой можно столкнуться с неприятием Церкви и обливанием ее грязью на страницах общественных печатных изданий. Пусть те, кто это делает, задумаются о том, на Кого они поднимают руку. Они поднимают руку на свою искалеченную Мать. Ведь если накануне октябрьского переворота Церковь представляла из себя полноценный функционирующий организм, в котором были, разумеется, свои внутренние болезни,

Причастие

который был одет в смиренную рубашку, будучи в жестком подчинении у Империи, то после десятилетий красного террора Церковь можно сравнить с организмом, у которого отрублены и руки, и ноги, и уши, и нос, выколоты глаза и он был посажен в клетку на обозрение прохожих и зевак. У него оставались только ясная голова, т. е. законная Священная иерархия, и кровоточащее пульсирующее сердце — т. е. совершающаяся в немногих оставшихся незакрытых храмах Божественная литургия. И вот 10 лет назад этого инвалида выпускают из клетки с выкриками и улюлюканьем — “ну что ж ты не идешь, не танцуешь, не творишь чудеса?”

Братия, нам надо быть подлинными членами Церкви, прививаться к этому хоть искалеченному, но истинному Стволу молодыми свежими побегами, чтобы церковный организм снова заиграл всеми красками жизни, а внутренние силы у него есть, корень остается, — благодатное апостольское преемство, благодать Божия в Церкви Христовой та же, что и две тысячи лет назад. Мы только, по слову прп. Серафима Саровского, не имеем решимости ее востребовать, не имеем веры, а порочить Церковь перед глазами всего общества и всего мира есть повторение хамова греха. Тем более те язвы, которые ты, сегодняшней интеллигент, видишь на теле Церкви, не должно ли тебе прикрыть сыновней любовью, встать твердой стопой на защиту Церкви своего многострадального Отечества, ибо без Церкви России нам не возродить.

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

А.В. Родосский

ПРОФЕССОР ПРОТОИЕРЕЙ ГЕРАСИМ ПАВСКИЙ: КЛИРИК, БОГОСЛОВ, ФИЛОЛОГ

Имя протоиерея Герасима Петровича Павского (1787 — 1863) теснейшим образом связано с историей Императорского Санкт-Петербургского университета и домового Петропавловской церкви при нем. Как ученый он внес весомый вклад не только в богословие, но и в науку о языке. Его яркая личность в обозримом будущем, вероятно, вызовет интерес как у церковных, так и у светских историков. И здесь возникает опасность идеализации этого незаурядного и одаренного, но противоречивого человека, попытки выдать его недостатки за достоинства, а может быть, и наоборот. Наша задача — постараться дать возможно более объективный и беспристрастный его портрет на основе имеющихся биографических и исторических материалов. Правда, многие из них отличаются явно апологетическим характером. Вот лишь некоторые отзывы о протоиерее Герасиме Павском:

«Из четырех ветеранов лучшим был Г.П. Павский — честный, благородный, безупречный в своем поведении, без надменности и высокомерия, но и неспособный к лести, низкопоклонству, враг ханжества и лицемерия, — человек, так сказать, античный, с возвышенною душою»¹ (Д.И. Ростиславов, профессор С.-Петербургской духовной академии).

«Как теперь помню замечательно умную голову этого тогда уже старца, с его всегда приветливою улыбкою и наивно-детским обращением со всеми»² (прот. Иоанн Базаров).

Профессор Духовной академии И.А.Чистович вспоминал, что о. Герасим Павский «своим характером и своей жизнью внушал доверие к людям и осуществлял

лучшие, можно сказать, идеальные стороны человеческой жизни... Все лучше в ней он возвел в нравственное сознание, упрочил для себя силою воли и образовал из своего темперамента характер, достойный лучшего из людей». Библиотекарь той же академии и видный церковный библиограф А.С. Родосский характеризовал о. Герасима Павского «как великую силу в науке и литературе XIX века, как отличного богослова, как выдающегося патриота с великими качествами правды и чести»³. Даже известный своими антиклерикальными взглядами В.Г. Белинский утверждал, что о. Герасим Павский «один стоит целой академией»⁴, а известный историк М.П. Погодин считал его «умнейшим человеком своего времени»⁵.

Родился Герасим Петрович Павский 4 марта 1787 г. под Лугой в семье священника Павского погоста, от названия которого образована его редкая, хотя и типичная для духовенства того времени, фамилия. Уже в годы обучения в Александро-Невской семинарии, а затем в Духовной академии он обнаружил необычайную любовь и способность к языкам — в совершенстве овладел немецким, польским, чешским, арабским, халдейским, греческим, латынью, санскритом, а также древнееврейским, необходимым для чтения Ветхого Завета в подлиннике. «Видя мою любовь к уединению и наукам, — писал Павский в своей автобиографии, — ректор вполне уверен был, что вступлю в монашество и к тому вел меня заветным путем. Он убедительно уговаривал меня: ты будешь уже через 6 лет архиереем. Это-то и тяготило меня. Отвратительно показалось ложное понятие о монашестве, будто идут в монахи для

чести и выгод... Когда я отказался от монашества, тогда видимым образом отвратился от меня ректор. Вместо того чтобы назначить мне богословскую кафедру, к чему я был способнее других, дали мне еврейский язык. Но Бог устроил так, что этот предмет сделался для меня наиприятнейшим занятием. В богословии я должен был лицемерить, притворствоваться, а здесь — говорить правду, и только изредка, чтобы не оскорблять лукавых, промалчивать.”⁷⁶

Неприятие монашества — это лишь один из аспектов влияния протестантской теологии, адепты которой группировались вокруг образованного в 1812 г. Библейского общества, где активно сотрудничал Павский. Однако, получив кафедру еврейского языка в Духовной академии, он блестяще проявил свои лингвистические и педагогические способности. Стоя у истоков русской гебраистики, Павский написал первую в России еврейскую грамматику и составил еврейскую хрестоматию, по которой занимались многие поколения академических студентов. По воспоминаниям одного из учеников Павского, “несмотря на все алефы и беты, кюббуцы и патахи, шфилы и гафалы, он так умел сделать свои уроки занимательными, что студенты слушали их с большим удовольствием, нежели самые увлекательные науки, из которых многие были преподаваемы дельными наставниками”⁷⁷.

Свою успешно защищенную магистерскую диссертацию Павский озаглавил “О книге псалмов”. В ней автор доказывал, что не все псалмы составлены царем Давидом, а написаны разными лицами в разное время. Ныне это общепризнано и очевидно (хорошо обосновал эту точку зрения в своей “Истории классического Востока” академик Б.А. Тураев, сочетавший блестящий исследовательский дар с пламенным благочестием и бывший одно время старостой университетского прихода). Однако в начале XIX в. суждения Павского казались весьма смелыми и нетрадиционными и вызывали неприятие и возражения в определенных кругах. Павский перевел и сам текст Псалтири на русский язык, проявив при этом незаурядный литературный талант.

В 1815 г. Павский, вступив в законный брак, принял сан священника и получил назначение в Казанский, а затем в Андреевский собор. Богослужебную деятельность он сочетал с работой в Библейском обществе, по поручению которого перевел на русский язык Евангелие от Матфея и множество ветхозаветных книг. Перевод Священного Писания на живой, понятный каждому русскому человеку язык, был предпринят по повелению императора Александра I. Метод, с которым подошел к своей задаче прот. Герасим Павский и возглавляемая им комиссия, был строго научным, критическим. Русский перевод тщательнейшим образом сверялся и с еврейским подлинником, и с текстом “Септуагинты”. Перевод Псалтири, над которым о. Герасим работал еще в

студенческие годы, оказался настолько точным и совершенным, что комиссия приняла его к печати без единого исправления. Прот. Герасим Павский показал себя не только талантливым переводчиком, но и скрупулезным редактором (под его редакцией были изданы исторические книги Ветхого Завета до I-й Книги Царств). За свои труды он удостоился звания профессора, был возведен в сан протоиерея и награжден орденом Св. Владимира 4-й, а позднее и 3-й степени, а также бриллиантовым крестом и двумя бриллиантовыми перстнями.

Сразу после открытия Императорского Санкт-Петербургского университета о. Герасим Павский возглавил кафедру богословия, существовавшую, к слову сказать, до самой революции. На этой кафедре он читал лекции по догматическому и нравственному богословию, очень охотно посещавшиеся студентами, и разработал курс “Истории постепенного раскрытия религиозных понятий в человеческом роде”. По мнению его биографа Арсения Вольского, “отвлеченный предмет, при простом историческом методе его исследования, более других наук интересовал студентов и приковывал их внимание, несмотря на то, что богословские науки считаются в университете менее всего занимательными, — все это, вместе взятое, показывало в Павском человека, выходящего из ряда лучших деятелей тогдашнего времени на поприще преподавателя богословских наук”⁷⁸. А по отзыву известного литератора А.В. Никитенко, выпускника университета, в лекциях о. Герасима Павского “было что-то совершенно своеобразное, ему одному свойственное, важность и почти младенческое добросердечие, сила и простота, соединенная с глубиной воззрений и удивительным богатством знания”⁷⁹.

Отметим некоторые характерные черты богословских воззрений прот. Герасима Павского. Сразу сделаем оговорку, что в начале XIX столетия еще не была нормирована программа преподавания богословских наук. Православные преподаватели богословия находились в сильной зависимости от иностранных, а, следовательно, инославных влияний, — прежде всего католических, от которых была привнесена схоластическая рутинность, которую многие богословы пытались выдать за православную догматику. Против этого-то и выступил о. Герасим Павский. Застывшей схоластической системе обучения он противопоставил изучение догматики в ее историческом становлении и развитии. Особенно ярко это проявилось в курсе лекций, прочитанном в университете. Курс этот представлял собою своеобразный синтез основного богословия и религиозной философии, — а ведь ни та, ни другая дисциплины в ту пору не читались не только в университетах, но даже в духовных академиях. Лектор стремился согласовать истины веры с требованиями разума, что было весьма актуальным в его эпоху, ибо всего несколько

*С.-Петербург. Казанский собор.
С литографии К. Бегрова, середина XIX века*

десятилетий отделяло о. Герасима Павского от французского революционного лихолетья, подготовленного энциклопедистами, чей плоский рационализм привел к религиозному вольнодумству, антиклерикализму, деизму и даже откровенному безбожию. По мнению нашего богослова, естественное чувство благоговения перед явлениями высшего порядка издревле породило в людях благодарения, т.е. в жертве, которая в разные эпохи и в различных климатических условиях приобретала разные формы. Отличие ветхозаветных жертвоприношений от языческих в том, что жертва приносится истинному Богу, а не бездушным идолам. Однако, единственной жертвой, вполне угодной Богу, явилась таковая, принесенная Господом нашим Иисусом Христом за грехи всего рода человеческого.

С тех же позиций прот. Герасим Павский рассуждает об откровении, малая частица которого была доступна и язычникам, однако, полностью Бог открылся человеку лишь в Новом Завете. О. Герасим настаивал на непосредственном изучении Св. Писания, никоим образом не впадая при этом в протестантско-сектантскую крайность, согласно которой Библия должна быть единственным источником христианского вероучения. К творениям Свв. Отцев прот. Герасим Павский, в отличие от католических схоластов, относился с долей критицизма, но лишь в том смысле, что не считал непогрешимым каждое суждение в святоотеческом предании, а выделил в нем сферу т.н. частных мнений, лишенных общеобязательности, и тем самым счастливо миновал множество противоречий, неизбежных при противоположном подходе.

В этот же период прот. Герасим Павский стал одним из главных сотрудников издававшегося Духовной академией и недавно возобновленного журнала «Христианское чтение». Там опубликовано множество его переводов творений Свв. Отцов, а также оригинальные статьи и заметки. Среди них — «О религии», «О таинственной

вечери Иисуса Христа у христиан при апостолах и после апостолов», «О цели говения и порядке благоговейных занятий христианина, приготовляющегося ко св. приобщению», а также толкования на евангельские притчи — о талантах; о пшенице и плевелах; о гостях, званных на вечерю; о брачном пире и о гостях, званных на пир; о виноградарях; о смоковнице. Несколько позже о. Герасим Павский опубликовал церковно-историческое исследование «О состоянии Российской Церкви под Управлением патриархов».

Отметим еще один немаловажный момент в биографии прот. Герасима Павского. Как известно, при императоре Александре I в России пышным цветом расцвело масонство. Стараясь заполучить в свои ряды талантливых и образованных людей, масоны стремились завербовать и о. Герасима Павского, в котором их привлекало некоторое религиозное вольномыслие, либерализм мышления в сочетании с фундаментальными познаниями и недюжинными дарованиями. Первую попытку вербовки предпринял проникший в Духовную академию протестантский теолог, масон и выкрест Фесслер, бравший у о. Герасима уроки еврейского языка. «И меня, — вспоминал о. Герасим, — звали в масоны, да я не пошел. Не люблю кривых дорог. Я бранивал за это и товарищей своих, которые любили закоулки».¹⁰

Всесторонне образованный и обладающий выдающимися педагогическими качествами священник привлек внимание Императорского двора, и в 1826 г. только что взошедший на престол император Николай I предложил ему стать законоучителем наследника

*С.-Петербург. Андреевский собор.
С литографии Ф. Перро, 1841 г.*

Цесаревича Александра Николаевича (будущего царя-освободителя Александра II) и его сестер, великих княжен Марии, Ольги и Александры. Специально для своих Августейших воспитанников о. Герасим составил изданные мизерным тиражом учебники — “Начертание церковной истории” и “Христианское учение в краткой системе”, также “Беседу с Государем Наследником накануне принесения Его Императорским Высочеством присяги по случаю совершеннолетия”.

О. Герасим Павский предложил план религиозного воспитания наследника и его сестер, где говорил, между прочим, следующее: “Процесс религиозного развития каждой отдельной личности состоит в том, что детские лета суть лета чувства, и потому дитя более имеет в себе религиозной жизни. Но эта райская жизнь дитяти, с годами, по мере развития рассудка, может потеряться, если и в эти лета не питать религиозного чувства и не ввести идей религиозных в сами понятия рассудка. Когда религиозные идеи воспринимаются рассудком или когда чувства внутренние изображаются во внешних формах, тогда начинается положительная религия, к которой относятся догматы, т.е. понятия рассудка о религиозных идеях; законы, т.е. частные правила, в коих выражается религиозное действова-ние; обряды или чувственное представление идей и правил религии во внешних формах”¹¹ (везде разрядка прот. Герасима Павского. — *А.Р.*). Думается, что эти рассуждения вполне истинны, справедливы и не утратили актуальности для воспитания подрастающего поколения в современных условиях.

С этого времени завязалась крепкая дружба прот. Герасима Павского с В.А. Жуковским, который, как известно, был наставником Цесаревича Александра Николаевича. «Я имел возможность узнать вас коротко, — писал ему впоследствии Жуковский — и на всю жизнь сохраняю к вам почтение, которое вы вселили в меня своим благородным характером, своею чистою нравственностью, основанною на вере, своим умом просвещенным и своим бескорыстным усердием в исполнении возложенного на вас долга»

Судьба, казалось бы, улыбалась протоиерею Герасиму Павскому. Однако, его жизнь омрачилась крупными неприятностями, в которых, к сожалению, был в значительной степени виноват он сам.

В 1824 г. его постигло семейное горе, — он потерял горячо любимую супругу Евфимию Андреевну,

урожденную Грацианскую. Отец Герасим оплакал ее в стихах — поэтическое творчество было ему не чуждо. Двум своим осиротевшим дочерям он посвятил стихотворение, напоминающее трогательный народный плач или причитание:

Маменька милая!	Рано кидаешь нас!
Рано кидаешь нас.	Кто нас поучит,
Доченькам маленьким	Когда подрастем?
Худо без маменьки.	Тягенька — с книжками
Кто даст нам куколку	Любит сидеть,
В день именин?	Тягенька мальчиков
Кто даст обновочку	Ходит учить.
К светлomu дню?	Девочек маменьки
Кто нас нарядит,	Учат везде...
Что любо глядеть?	Маменька милая,
Маменька милая,	Рано кидаешь нас!

Узнав о вдовстве о. Герасима Павского, ректор Духовной академии снова предложил ему принять монашество, что могло открыть путь к занятию архиерейской кафедры. Но тот решительно отказался.

В своей автобиографии он писал: “Монашество я понимаю делом нечистым и противным закону натуры и, следовательно, закону Божию, в чем уверила меня и церковная история. Церковная история учит, что в духе христианской церкви и в практике ее не было монашества; было скитничество, отшельничество, но в таком смысле, в каком утвердилось ныне, считалось богопротивным”¹³.

Отец Герасим Павский считал, что извлекает уроки не только из церковной истории, но и из собственного житейского опыта, из наблюдений за придворной

жизнью и общения с высшими иерархами. “С того времени, — рассуждал он, — как Государи стали избирать в законоучители для своих детей и в духовники лиц белого духовенства, монахам-иерархам показалось, что власть в церкви переходит к белому духовенству, а это — убийство для них. И точно, в моем определении в законоучители Наследника престола было видно удаление Государя от монашеских происков”.

Комментируя эти высказывания прот. Герасима Павского, его биограф Н.И. Барсов отмечает: “Приводя эти слова из автобиографии Павского, мы считаем излишним прибавлять, что они, очевидно, сказались автобиографом под влиянием его личных обстоятельств и отношений, и требуют значительных ограничений

*Наследник Цесаревич
Вел. Кн. Александр Николаевич.
С акверели П. Соколова. 1829 г.*

Портреты Великих Княжен: Александры Николаевны, Ольги Николаевны и Марии Николаевны.
С акварели П. Соколова. 1828–1829 гг.

и исправлений”¹⁴. Нам представляется, что дело не только в этом. Ведь, работая в Библейском обществе и изучая труды немецких философов и протестантских либеральных теологов, он сильно проникся их идеями, в том числе теми, что явно идут вразрез с православным вероучением. Это вызвало понятное неудовольствие высших иерархов. Неудивительно, что митрополит Московский Филарет (Дроздов), прочитав одну из его книг, заметил: “Мне кажется, что издатели немецкое кушанье, не разжевав, глотают”¹⁵.

Гром грянул в 1835 г., когда прот. Герасим Павский был отстранен от преподавания Закона Божия Наследнику престола, удален от двора и вынужден покинуть Духовную академию (преподавание в университете он оставил девятью годами раньше). Оказавшись не у дел, он поселился в Таврическом дворце, в церкви которого служил, и посвятил все свободное время научным изысканиям. Кроме богословских трудов, он серьезно и тщательно занимался лингвистикой и в 1840-е годы выпустил четырехтомные “Филологические наблюдения над составом русского языка”, за которые, благодаря рекомендации академика А.Х. Востокова, был удостоен Демидовской премии, а позднее сам был избран академиком. В.Г. Белинский охарактеризовал его “Филологические наблюдения...” как “сочинение совершенно самостоятельное и оригинальное, которое первое полагает основание русской филологии”¹⁶. Восторженную оценку своего капитального труда о.Герасим получил от ректора университета П.А. Плетнева.

Невозможно обойти молчанием еще один замечательный труд прот. Герасима Павского. Ему принадлежит одно из первых переложений гениального памятника русской словесности “Слово о полку Игореве” на современный русский язык. Достоинства этого переложения трудно переоценить.

Прежде всего, сказалась необыкновенно высокая филологическая культура, очень глубоко вникшего в

древнерусский текст. Кроме того, о.Герасим Павский следовал не столько букве, сколько духу подлинника, памятуя слова Св. Апостола Павла о том, что “буква убивает, а дух животворит” (2 Кор. III, 6). Вместе с тем, у о.Герасима нет и намек на переводческую вольность, чем столь часто грешат нынешние переводчики художественной литературы. К бережному, трепетному, почти благоговейному отношению к оригиналу его приучила многолетняя работа над переводом священных книг, не терпящим ни малейших смысловых или стилистических отклонений. Мало кому из переводчиков удалось сохранить древнерусский колорит в тексте, доступном и понятном современному читателю. Не будем забывать и того, что “Слово...” изобилует темными местами, что отчасти обусловлено ошибками переписчиков. В большинстве случаев переводчик достаточно верно истолковал неясные слова и выражения, подыскав им удачные эквиваленты из современного русского языка. “Слово...” он рассматривал именно как поэтическое произведение и, призвав на помощь свою богатейшую интуицию, воссоздал ритмический рисунок повество-

С.-Петербург. Таврический дворец, в церкви которого с 1835 г. служил прот. Герасим Павский

вания (об этом говорит то, что текст переложения разделен на стихотворные строки, напоминающие верлибр, которые объединены в строфы). Рукопись переложения была обнаружена в бумагах прот. Герасима Павского его внуком Г.А. Орловым. Сохранилась она, к сожалению, не полностью — утрачено начало — первые 17 строф.

Взойдя на российский престол, Император Александр II вспомнил о своем бывшем законоучителе, причислил его к штату придворного духовенства и назначил хорошую пенсию. Но к той поре о. Герасим Павский был уже тяжело болен — он страдал острым ревматизмом, из-за которого ему трудно было даже передвигаться по комнате. 7 апреля 1863 г. его не стало. Похоронен он был на кладбище Императорского фарфорового завода, которое вместе со всеми захоронениями было ликвидировано в годы советской власти.

В частной жизни прот. Герасим Павский был на редкость скромен и непритязателен, отличался кротостью и смирением. Выросший в бедности и нужде, он, достигнув высокого положения, не стал окружать себя роскошью, а довольствовался простой пищей и скромной квартирой. Доходы свои он тратил, в основном, для приобретения необходимых для работы книг, остальные раздавал неимущим. Став признанным ученым, он не впал в гордыню и самодовольство, а охотно выслушивал возражения и замечания. Утрату своего положения он воспринял со стоическим спокойствием. Никто не вправе был упрекнуть о. Герасима в том, что он жил не по вере.

После кончины прот. Герасима Павского в его архиве нашли объемистую рукопись, озаглавленную “Материалы для объяснения русских коренных слов посредством иноплеменных”. Это был первый опыт русского этимологического словаря.

Лингвистические труды прот. Герасима Павского вызвали интерес не только в России, но и за рубежом. В 1890-е годы шведские ученые из Стокгольмского и Упсальского университетов предприняли критический разбор его сочинений. Но к тому времени исследователи его творчества, признавая безусловные достоинства его работ, стали подчеркивать их слабые стороны. Например, уже упоминавшийся Н.И. Барсов, признавая его громадную эрудицию, вместе с тем утверждал: “Но Павский был самоучкой, его знаниям недоставало систематичности, школы и метода. Отсюда в его наблюдениях, рядом с верными замечаниями, свидетельствовавшими о прирожденном здравом смысле и ясном уме Павского, найдем немало вполне курьезных и дилетантских (даже по тому времени) теорий и объяснений. Таковы: мнение о тождестве древнерусского и старославянского языков, несчастная теория “придыханий”, на которой построены все наблюдения, и т.д.”¹⁷ (имеется в виду, что Павский использовал принципы еврейской и арабской грамматики для анализа русского языка. — А.Р.).

Кладбище при Спасо-Преображенской церкви Императорского фарфорового завода, где похоронен протоиерей Герасим Павский. На месте кладбища ныне располагается кинотеатр «Спутник» и станция метро «Ломоносовская»

Все это так. Однако отметим одну сильную сторону исследовательского метода о. Герасима Павского — его историзм. Подобно тому, как религиозные догматы и обряды он рассматривал в их историческом становлении, языковые явления он тоже анализировал в их историческом развитии. И хотя о. Герасим Павский получил богословское, а не филологическое образование, он был полиглотом, что само по себе подразумевает способности к сопоставлению разных языков (иначе ими трудно, практически невозможно овладеть). Эти два фактора, вкупе с богатой интуицией и широкой эрудицией, и привели о. Герасима Павского к сравнительно-историческому методу в языкознании. Одним из основоположников этого метода в России был академик А.Х. Востоков, который недаром столь восторженно приветствовал выход в свет его “Филологических наблюдений...”

Критический, но благожелательный анализ лингвистических работ прот. Герасима Павского произвел А.А. Потебня, а позднее — академик В.В. Виноградов, подчеркнувший новаторский характер некоторых его рассуждений. Например, по словам В.В. Виноградова, “новая фаза в истории учения о видах (глагола. — А.Р.) начинается с “Филологических наблюдений...” Г. Павского. Здесь глубже осознаны национально-русские своеобразия категорий вида... Подчеркивая количественные различия между видами, Павский очень тонко описал технику видового словообразования (суффиксального и префиксального)... Считая различия степе-

ней основной функцией русской глагольной системы, Павский упростил сложную ломоносовско-востокскую теорию времен... Мысли Павского послужили отправной точкой для новой теории видов, изложенной К.С. Аксаковым (который больше известен как литератор и идеолог славянофильства. — А.Р.) в брошюре “О русских глаголах”¹⁸.

Таким образом, о. Герасим Павский был не свободен от серьезных ошибок и заблуждений, — особенно в своих богословских воззрениях. Несмотря на это,

Примечания

¹ Ростиславов Д.И. Петербургская духовная академия до графа Протасова // Вестник Европы. 1872. №9. С.163.

² Русская старина. 1901. Февраль. С.278.

³ Родосский А.С. Библиографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии. СПб. 1907. С.343–344

⁴ Белинский В.Г. Грамматические изыскания В.А.Васильева // Собр. соч. М. 1981. Т.7. С.613

⁵ Родосский А.С. Указ. соч. С.344

⁶ Барсов Н.И. Протоиерей Герасим Петрович Павский. Очерк его жизни по новым материалам // Русская старина. 1880. Т.XXVII, С.121

и его богословские, и филологические исследования не только знаменуют целый этап в развитии обеих областей знания, но и ярко отражают незаурядную и разностороннюю личность самого исследователя. Он внес немалый вклад и в богословие, и в лингвистику, внедрив в эти науки сравнительно-исторический метод изучения. Некоторые идеи о. Герасима Павского, не понятые и не принятые современниками, ныне прочитываются по-новому и, возможно, получают развитие в трудах ученых будущих поколений.

⁷ Русский библиографический словарь. 1902. Т.13. С.104–105.

⁸ Там же. С.105.

⁹ Барсов Н.И. Указ. соч. С.501–502,505.

¹⁰ Там же. С.503.

¹¹ Там же. С.271–272.

¹² Там же. С.718.

¹³ Там же. С.509–510.

¹⁴ Там же. С.510.

¹⁵ Прибавление к Творениям Св. Отцев. 1872–1873. Ч.25. С.52.

¹⁶ Белинский В.Г. Указ. соч. С.613.

¹⁷ Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб. 1897. Т.XXII^а. С.577.

¹⁸ Виноградов В.В. Русский язык. М. 1986. С.397 и сл.

Протоиерей Владимир Шамонин

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Акростихи

*Хвалим Воскресение Господне –
Радостью наполнились сердца!
И не удивительно: сегодня
Славит тварь Воскресшего Творца.
Трепет пред величием Святыни
Открывает путь для лучших чувств...
Слово огласительное ныне
Возвестил Святитель Златоуст.
Образная проповедь живая
Собирает всех на званный пир;
Колокол трезвонит, разливая
Радость дивную на целый мир.
Если “Слово”, бывшее “вначале”,
Снизойшло спасительно с Небес –
Есть ли место скорби и печали?
Днесь Христос Воскрес!*

*Воистину Христос Воскрес!
Открыты двери ада.
И вырубаются, как лес,
Спасению преграда.
Толпа, предавшая Христа,
Исторгла крик проклятья...
Но кто-то плачет у Креста,
Унав перед Распятьем?!
Христос, как Богочеловек,
Растленный мир спасает.
И время, ускоряя бег,
Событья повторяет.
Теперь (и так из года в год)
От городов и весей
Святою Ночью Крестный ход
Воззвал: “Христос Воскресе!”
О, радость велия! Весь мир
Со Словом Златоуста,
Как приглашаемый на пир,
Разделит это чувство...
Есть в каждом радость о Весне...
Сейчас, все это взвесив,
Естественно воскликнем все:
“Воистину Воскресе!”*

О.Л. Церницкая

Архимандрит Антонин (Капустин) и русские святыни на Святой Земле

Со времени крещения Руси, верующие русские люди проявляли особый интерес к Святой Земле и принимали живое участие в ее судьбе. Первое упоминание летописца о паломничестве в Святую Землю — это рассказ о Варлааме, игумене Дмитровском, в 1062 году ходившем на поклонение святым местам Палестины. Однако, около 1022 года прп. Феодосий Печерский (тогда еще отрок) встретил в Курске странника из Иерусалима. А народные предания относят начало паломничества ко времени св. равноапостольного князя Владимира (былина о хождении в Иерусалим сорока калик со каликою). Не умалчивают столь древние источники и об опасностях, с которыми сопряжен был путь благочестивого паломника — игумен Даниил (XII век), например, замечает:

“Есть тот путь тяжек и страшен вельми, и безводен, суть бо горы каменны и высоки вельми...” [14] К тому же, помимо непривычного ландшафта, русские люди сталкивались с оскорблениями от фанатичного мусульманского населения, налогами, взимаемыми турецкими властями с иноземцев. Им приходилось ночевать в сырых и грязных сараях, исповедоваться у духовников, не знающих русского языка... Это лишь немного из того, на что был обречен русский православный паломник в Палестине. И все же подобные условия не останавливали наших предков на пути в Святую Землю. Положение русских паломников несколько улучшилось после учреждения в Бейруте российского консульства, но оно не смогло оказывать действительно существенной помощи находящимся в Иерусалиме. И в 1847 году была утвер-

ждена Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, имевшая своей целью заботу о паломниках, проповедь Православия “народным элементам”, “которые постоянно колеблются в вере под влиянием агентов разных вероисповеданий и слишком легко отступают от Православия” [4], а так же поддержание хороших отношений с греческим духовенством и наличие в Иерусалиме “образца нашего благолепного служения” [4]. Главой Миссии являлся архимандрит (впоследствии епископ) Порфирий (Успенский), человек чрезвычайно умный и образованный. Ему удалось улучшить условия пребывания паломников на Святой Земле, но уже в 1853 году, из-за военного конфликта

между Россией и Турцией, Миссия фактически прекратила свое существование. После заключения мира между странами, в 1857 году она была восстановлена, и во главе ее был поставлен епископ Кирилл (Наумов), личность, одаренная не менее своего предшественника. В 1864 году его сменил архимандрит Леонид (Кавелин), который вскоре был отозван по просьбе Иерусалимского Патриарха Кирилла, обвинившего Начальника Миссии в “беспорядочном, бесчинном и незаконном поведении” [11]. И в 1865 году Начальником Миссии был назначен архимандрит Антонин (Капустин), о котором и пойдет речь далее.

Архимандрит Антонин, в миру Андрей Иванович Капустин, родился в семье причетника (позднее — священника) Ивана Леонтьевича Капустина, в селе Батурине Шадринского уезда Пермской губернии. Дед, прадед и прапрадед будущего архимандрита были священниками; мать его, Мария Григорьевна Варлакова,

*Киев. Соборная Успенская церковь
в Киево-Печерской лавре*

также происходила из семьи местного священника. [5]. Не удивительно, что в жизни семьи Капустиных самым важным был храм, и сына своего Иван Леонтьевич воспитывал в вере Православной, зажигая с ее помощью в душе Андрея свет Истины, развивая отзывчивость, чуткость, красоту душевную и понимание красоты. [5] Особенно этому способствовали природная впечатлительность и любознательность мальчика, его интерес к любым наукам. Грамоте его учил отец по Псалтири, а в 1826 году Андрей ушел учиться в Далматовское Духовное училище. Вот что сам отец Антонин говорит об этом времени, будучи уже на Востоке: “Давно все это было, и далеко от Византии, которую и тогда ленивый ум, впрочем, уже ловил всяким подходящим образом, а “наука”, вооруженная “лозой” и “безобедом”, постоянно искала закрыть от воображения, подставляя ему, вместо светлого видения, мрачный урок, урок, и больше ничего!” [8] Однако, несмотря на побои и зубрежку ненавистной латыни, архимандрит Антонин вспоминал Далматовскую обитель (где находилось училище) почти с нежностью в своих “Записках Синайского богомольца” (*Труды Киевской Духовной Академии: 1871 г. - кн. 2, 4, 8; 1873 г. - кн. 5; 1873 г. - кн. 3, 5*), и на смертном одре отписал ей, по духовному завещанию, кабинетный крест с алмазами [4] на память о воспитаннике и в благодарность за преподанные азы наук.

Проучившись пять лет в Далматовском Духовном училище, Андрей поступил в Пермскую Духовную семинарию для продолжения образования. Помимо латыни, преподавали Андрею французский, к которому он обнаружил склонность, по его замечанию, никем не поддержанную и не развитую. [5] В Перми проявилась страсть Андрея к “стихотворству” [5], не покинувшая его до самой смерти. Помимо прочего, Андрей никогда не оставался праздным: он читал, рисовал, играл на гуслях... Беспрестанные занятия порождали немало клеветы, которая причиняла боль чувствительному Андрею, но готовила к дальнейшим испытаниям, ожидавшим его на жизненном пути. А к 1836 году Капустину пришла

мысль оставить Пермь и перейти в Екатеринославскую Духовную семинарию, где ректором был его дядя Иона (магистр Московской Духовной академии, впоследствии епископ Екатеринбургский), который брал на себя заботы о дальнейшем воспитании Андрея. [5] Именно в Екатеринославле, куда Андрей переехал в летом 1836 года, раскрылись его таланты, среди которых особенно выделялось знание греческого языка и любовь ко всему греческому. Недаром впоследствии патриарх Иерусалимский Кирилл говорил, что архимандрит Антонин знает греческий язык, как ни один природный грек, а сам отец Антонин признавался, что часто ловил себя на том, что думал по-гречески. [17] Кроме того, здесь была им написана стихотворная “Седмица Страстей Христовых”, изданная в Киеве в 1850 году. Однако, дядя настоял, чтобы в последнем классе семинарии Андрей проучился два года для лучшего изучения предметов. В Киевскую Духовную Академию он получает назначение лишь в 1839 году. [5]

В Киеве Андрей зарекомендовал себя отличным учеником. Одновременно с занятиями и расширением круга знакомств (профессора Академии, братья лавры) крепнет его христианское мировоззрение. Все четыре года в Киеве он непрерывно занимался самообразованием, и в 1843 году окончил полный учебный курс Академии вторым по разрядному списку студентов, [4] и был рекомендован отцу Ректору как кандидат на бакалаврство,” [5] которое и получил 19 декабря 1843 года [5].

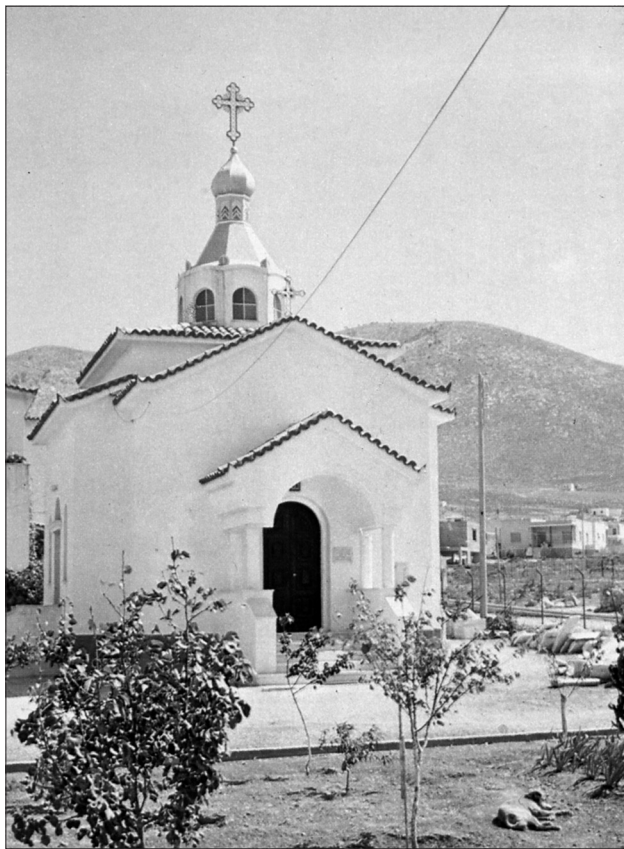
Два года прошли в усердном преподавании студентам Академии сначала немецкого, а затем греческого языка. Переломный момент наступил в 1845 году, когда Андрей испросил родительского благословения на принятие монашеского пострига, которое родители дали в письме от 20 января 1845 года [10]. 7 ноября Андрей Иванович Капустин был пострижен в монашество с наречением имени Антонин. “И странно, и страшно, и горько, и радостно... прошел этот памятный для меня день”, — писал будущий архимандрит о своем постриге [5]. До сих пор не ясно, что же послужило толчком к принятию Андреем Капустиным решения, изменившего спокойный ход его жизни. Архимандрит Киприан таковым называет отказ Надежды Яковлевны Подгурской, которая предпочла Андрею его друга Серафимова [10]. Профессор же Дмитриевский указывает на пострижение в иночество Петра Семеновича Авсенева, друга и наставника Андрея Капустина, с которым тот поддерживал связь всегда, даже живя уже на Востоке [12]. Сегодня сложно судить, что из вышеизложенного было перво-степенной причиной пострига, но, вероятнее всего, каждому событию Господь отвел определенную роль, которая должна была привести чувствительное сердце впечатлительного Андрея Капустина к монашеству.

За постригом последовало рукоположение Антонина во иеродиакона (18 ноября 1845 года) и, 21 ноя-

брю, во священника [5]. Иеромонах Антонин остался преподавать в Академии обличительное богословие и библейскую герменевтику, что давалось ему с большим трудом, так как ответственность при подготовке к лекциям часто не давала отцу Антонину возможности отдохнуть хотя бы ночью, что при его болезненности было губительно [8]. Помимо преподавания, последние пять лет пребывания в Академии, отец Антонин занимался порученным ему исправлением русского перевода бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна [4]. В то время все более крепкая дружба связывала его с архимандритом Феофаном (Авсеневым), который стал нравственной опорой для молодого отца Антонина. Когда же в 1850 году архимандрит Феофан по болезни получил назначение в Рим (где скончался в 1852 году), у отца Антонина возникли неприятности по инспекции в Академии, и он решил искать себе место на Востоке. Сам он объяснял свое влечение детскими мечтами о Византии, приведшими к тому, что Русь стала казаться ему неполною, “тысячелетняя древность — слишком свежо, князь Владимир — лишь отблеском Царя Багрянородного. Душа пленилась уже другими образами.” [6] “Человеку, любящему припоминать дни древние и помышлять о летах вечных, нет пригоднее места для этого,...как Византия, от которой и без того на русскую душу веет чем-то своим, близким, но таким давним, что теряются все различительные черты дорогого образа

и остается в душе одно общее представление чего-то неодолимо влекущего...” [8] К этому стремлению отца Антонина Святейший Синод отнесся благосклонно и решил назначить его настоятелем при Афинской Миссии. 17 июня 1850 года отец Антонин получил пакет, адресованный “Настоятелю церкви Российско-Императорской Миссии в Греции, иеромонаху Антонину” [5], уведомлявший его о новом месте служения. Оставив преподавание, отец Антонин с радостью отправился в Афины, охваченный “чувством несказанного блага, какого-то духовного роста, жаления, умиления, забытья...Обратившийся уже весь в идеал, классический мир неотразимо влечет меня к себе...” [7] Именно это назначение впоследствии привело архимандрита Антонина к восприятию и переживанию идеи вселенскости Православия, и это же назначение заставило его навсегда покинуть Родину (еще раз он вернется в Россию, но ненадолго). Семилетняя педагогическая практика была для отца Антонина непрерывным процессом подготовки к будущей деятельности. Как бы предвидя дальнейшую свою судьбу, особенно много времени провел будущий Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, изучая греческий язык и живопись, что позволило ему в дальнейшем заниматься археологией на Востоке.

С переездом в Афины начался самый интересный период в жизни отца Антонина: он находит свой научный путь и следует ему неуклонно, серьезно работает, благодаря чему его имя становится известным и авторитетным в научных кругах России и Греции. Время, когда отец Антонин приезжает в Грецию, необычно и интересно само по себе: в столице молодого эллинского государства начинается возрождаться культурная жизнь и национальное самосознание греков. В Афинах открывается университет, многие греческие ученые живут в столице. Отец Антонин сразу понял ту интеллектуальную среду, в которую попал; именно в Греции он почувствовал, насколько близки русские и эллины по вере, духу и истории. Но маленький греческий народ, не имея (в отличие от русского) достаточно сил проводить свою политику и подчинять все своему влиянию, искал поддержки извне и не смог сохранить культурное единство. Этому способствовал раскол общества на две партии: русскую, настаивавшую на контактах с Россией, и немецкую, искавшую помощи у Франции или Германии. Но основная масса народа все же уповала на Православную Россию, хотя Европа, сознавая опасность греко-русского сближения, смогла усилить настороженность балканских народов по отношению к русским и подтолкнуть Грецию к протестанским странам, стремившимся уничтожить святыню греческого народа — Православие. Отец Антонин занялся этим вопросом, и его оценка до сих пор не потеряла остроты и актуальности: подобное положение вещей он объяснил длительным поработанием греков и их

Афины. Русская церковь прп. Серафима Саровского

подсознательной боязнью покушения на свободу Греции [9]. Стоит отметить, что и в Греции, и в России мнение отца Антонина признавалось авторитетным, и этот случай — не исключение.

Помимо научных изысканий, отец Антонин занимался и чисто хозяйственными вопросами, носившими, однако, более глубокий характер при ближайшем рассмотрении: неудобное положение посольской церкви на окраине города не устроило настоятеля, и он решил превратить в православный древний христианский храм святого Никодима, подаренный Греческой Палатой России в 1847 году. Так как Российская империя не приняла мер к его восстановлению,” [4] отец Антонин занялся этим вопросом как своим частным делом, но, к его радости, Министерство Иностранных Дел признало полезность его деятельности и превратило церковь святого Никодима в посольскую. Отец Антонин же построил храму колокольню (хотя это было довольно трудно из-за многочисленных препятствий) и покрыл стены храма фресками с изображениями афинских святых, чтобы эти изображения носили характер “безграмотного училища для Афин во имя и славу самих Афин” [5]. А в январе 1853 года Святейший Синод признал отца Антонина достойным звания архимандрита за труды на греческой земле. Тогда же ему был пожалован уже упоминавшийся кабинетный наперсный крест с бриллиантами.

Три следующих года архимандрит Антонин занимался древними христианскими надписями, изучал Парфенон и предпринимал дальние поездки в целях знакомства с другими культурами. Неизгладимое впечатление на него произвело путешествие в Иерусалим. Бедственное положение русских паломников побудило отца Антонина написать письмо обер-прокурору Святейшего Синода графу Толстому, заставившее высшее русское управление задуматься о своих гражданах в Палестине. После путешествия на Афон отец Антонин пришел к неутешительным выводам о борьбе двух видов Православия: греческого и славянского, под влиянием которых он вынужден был находиться всю жизнь и о разногласии которых он всегда сокрушался. Но развитие этих мыслей было прервано новым назначением архимандрита Антонина.

В 1859 году, в связи с возникшим болгарским движением, митрополит Московский Филарет, ценивший ум и знания отца Антонина, рекомендовал Синоду перевести его в Константинополь на настоятельское место, что и было сделано в кратчайшие сроки [5]. В апреле 1860 года архимандрит Антонин получил сообщение о переводе, и уже в сентябре новый настоятель прибыл в Царьград, о котором мечтал с самого детства. Здесь его ждала бурная церковно-политическая жизнь. Архимандрит Антонин вошел в близкие и живые сношения с Вселенским Патриархатом, высшим греческим духовенством и русским дипломатическим корпусом,

Константинополь. Церковь Святой Софии

без поддержки которого в Константинополе никакая деятельность не была бы эффективной [13]. Новому настоятелю было поручено заниматься болгаро-униатским вопросом [4], выполнять некоторые поручения Синода в связи со вступлением на Вселенский престол патриарха Софрония и продолжить изучение Синайского кодекса Библии (начатое на Афоне в марте 1863 года). Разнообразие и щекотливость многих поручений требовали от отца Антонина дипломатичности и проницательности, отнимая время у занятий византологией, но эта дипломатическая школа пригодилась ему уже в Иерусалиме. Тем не менее архимандрит Антонин изучает рукописи, памятники археологии и искусства, предпринимает научные экспедиции, и вскоре его имя становится одним из самых известных среди византологов [10].

Немало его мысли занимала и проблема постройки храма для православных Константинополя, открытого и доступного, так как церковь при посольстве была неудобна расположением (третий этаж здания посольства) и ограниченностью доступа на территорию [4]. Но служебные и личные дела, вынудившие отца Антонина выехать в Россию, остановили ход дела. 1863 год архимандрит провел на Родине, встречаясь с родными, друзьями и начальствующими. Встречался он также и с митрополитом Филаретом, по благословению которого и вернулся в Константинополь продолжать свое служение. В 1865 году архимандрита Антонина настигла весть о смерти отца [5], и, пытаясь совладать со своим горем, он отправляется в последнюю поездку по Румелии (Македонии, Фессалии и Эпире). Опубликованные путевые дневники “Из Румелии” (1886) и “Поездка в Румелию” (1879) являются ценнейшим источником сведений по археологии и истории для всех интересующихся ими и в наши дни. На обратном пути отец Антонин заехал в свои любимые Афины, но по пути он получил телеграмму, вызывавшую его немедленно в Константинополь. Прибыв в Царьград, архимандрит Антонин получил синодальный приказ, командировавший его в Иеруса-

лим “в качестве следователя и временно заведующего Иерусалимской Духовной Миссией” [5] после вынужденного ухода архимандрита Леонида (Кавелина) [5].

Это был еще один поворот жизненного пути отца Антонина: 1 сентября он простился с Царьградом и отправился к месту нового назначения. Через одиннадцать дней он вступил в Иерусалим, даже не предполагая, что после многолетней работы именно здесь ему “придется сложить старческие кости на вспаханном поле” [5]. Но прежде чем приступить к рассмотрению деятельности архимандрита Антонина в Палестине, необходимо кратко охарактеризовать само положение русского церковного дела на Востоке до приезда в Иерусалим нового Начальника и мировоззрение отца Антонина, сложившееся к этому времени.

Итак, в 1847 году была основана Русская Духовная Миссия в Иерусалиме для упрочнения влияния Русской Православной Церкви на Востоке. Однако, первый ее Начальник, архимандрит Порфирий (Успенский), сперва был послан в Палестину в качестве паломника, чтобы снискать расположение греческого духовенства и лучше понять, какие меры стоит принять для улучшения быта паломников [4]. Поездка оказалась совершенно бесполезной, так как Министерство Иностранных Дел не доверяло лицам, не принадлежащим его ведомству. И все же через год Миссия была официально утверждена с архимандритом Порфирием во главе [1]. О целях работы Миссии уже говорилось в начале данной статьи, но была среди них одна, вызывавшая недоумение у всех Начальников: “Преобразовать мало-по-малу греческое духовенство, возвысить оное в собственных его глазах столько же, сколько в глазах православной паствы” [4]. Таким образом, Святейший Синод сразу же ограничил деятельность Миссии, поскольку выполнить это поручение было практически невозможно. По утверждению профессора протоиерея Титова, осуществлению поставленных перед Миссией задач мешало то, что она не имела “самого важного и существенно необходимого условия — влияния на греческое духовенство, ни канонического, ни исторического, ни политического. Да и сама задача — преобразовать греческое духовенство — была чем-то совершенно новым в истории наших сношений с православным Востоком... Русская Церковь всегда занимала второе (после Греческой) место и не могла занять иного по церковным постановлениям, так как первая была ду-

ховной дочерью второй... История никогда не видела нас в качестве учителей и преобразователей Греческой Церкви и греческого духовенства. Мы к этому были совершенно не подготовлены... А между тем одному архимандриту (Порфирию) с одним иеромонахом и двумя молодыми людьми поручалось преобразовать греческое духовенство, причем в то же самое время архимандриту и его сотрудникам строго внушалось не придавать себе официального положения, не вмешиваться в дела патриархии и, в крайнем случае, ограничиваться одним предложением советов [16]. А Иерусалимский Патриарх видел в Начальнике Миссии лишь своего ученого секретаря, оплачиваемого русской казной, и был не против таких деятельных помощников, “пускай бы они при

этом назывались Начальниками Русской Духовной Миссии” [15]. Архимандрит Порфирий успел открыть арабскую типографию, эллино-арабское училище и семинарию Святого Креста до начала Крымской войны, после окончания которой влияние России на Востоке пошатнулось и изменилась направленность деятельности Миссии. Ее повторное открытие (из-за военных действий Миссия архимандрита Порфирия была распущена) происходило по инициативе Министерства Иностранных Дел, решившего, что это будет наилучший способ упрочения положения России в Палестине. Начальником был избран архимандрит Кирилл (Наумов), срочно рукоположенный во епископа Мелитопольского. Что особенно удивляет в истории данной Миссии, так это полная неос-

ведомленность Иерусалимского Патриарха Кирилла II о планах России: его весьма обидело такое отношение и он акцентировал внимание российского дипломатического корпуса на том, что принимает новую Миссию по указанию Порты и считает ее гражданско-политическим учреждением. Возможно, так оно и было в самом начале, но епископ Кирилл сумел установить дружеские отношения с Патриархом (вернувшимся в Иерусалим из Константинополя, где Патриархи жили с XVI века), что помогло Миссии выйти из подчинения светской власти. В то же время Русское Консульство было перенесено в Иерусалим (для большего престижа России), и активно занялось борьбой против Миссии, что представляется весьма странным, так как ранее оно вообще не интересовалось русским делом в Иерусалиме. Но с созданием в Петербурге “Палестинского Комитета” под председательством великого князя Константи-

*Патриарх Иерусалимский Кирилл II.
С картины второй половины XIX века*

на Николаевича и укреплении агентства “Русского Общества Пароходства и Торговли” (которое должно было проявлять заботу о паломниках) у Консульства появились союзники в борьбе против Духовной Миссии. А если учесть еще и переплетение функций трех этих учреждений, то картина становится крайне запутанной, и, возможно, пройдет еще немало лет, прежде чем исследователи смогут с уверенностью сказать, что же побудило светские организации вести войну против Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Но, так или иначе, а епископ Кирилл был отозван в 1864 году, а на его место пришел ближайший его помощник, иеромонах (потом архимандрит) Леонид (Кавелин), вначале хорошо принятый Патриархом Кириллом и отозванный через год по просьбе того же Патриарха. На этот раз виной всему было то же столкновение интересов Консульства и Миссии: консул и высшее иерусалимское духовенство решило, что от архимандрита избавиться будет проще, чем от епископа, оклеветав его и погубив его репутацию. Но митрополит Московский Филарет, будучи человеком умным и многоопытным в подобных интригах, принял архимандрита под свое покровительство и тот был переведен в Константинополь. А временным назначением архимандрита Антонина на должность Начальника Миссии митрополит подчеркивал свое неприятие произошедшего и советовал новому Начальнику принять Миссию в управление, “извлекая из несчастного опыта предшественника правила осторожности” [11]. После пребывания в Константинополе архимандрит Антонин уже понимал, как надлежит вести себя в крайне “нездоровой” среде греческого духовенства той поры. Кроме того, у него сложилось четкое

представление о проблемах Церквей Православных и о мерах, которые стоило бы принять.

Изучая Восток, отец Антонин стремился постичь стиль восточной церковной жизни: обращал внимание на сребролюбие греческого духовенства, объясняя его малообеспеченностью, скорбел об утерянной нами простоте богослужения, памятуя, что на Востоке она нередко превращалась в небрежное отношение к святыне, удивлялся тому, что то многое, о чем в России только мечталось православным, в Греции свободно осуществлялось под игом султана, а все, ставшее на Родине мертвым словом учебника по церковной истории, было на Востоке живо и действенно. К сожалению, в ту пору в России о Греческой Церкви судили люди, в этом вопросе малокомпетентные и далекие от Церкви по своему воспитанию. Именно они писали проекты преобразования греческого духовенства, обращая внимание на его отрицательные стороны и забывая о его роли в истории Православия. Подобные деятели и создавали трения между русским и греческим народами, желая покорить себе все и вся... Отец Антонин, видя опасность, исходящую от них, ратовал за необходимость налаживания постоянных сношений между Русской и Константинопольской Церквями, которую почувствовало и греческое духовенство [11]. Архимандрит Антонин нередко выполнял поручения Синода, касающиеся этого вопроса, и свое назначение в Иерусалим воспринял как одно из таких поручений, выполнение которых длилось обычно не больше года [5].

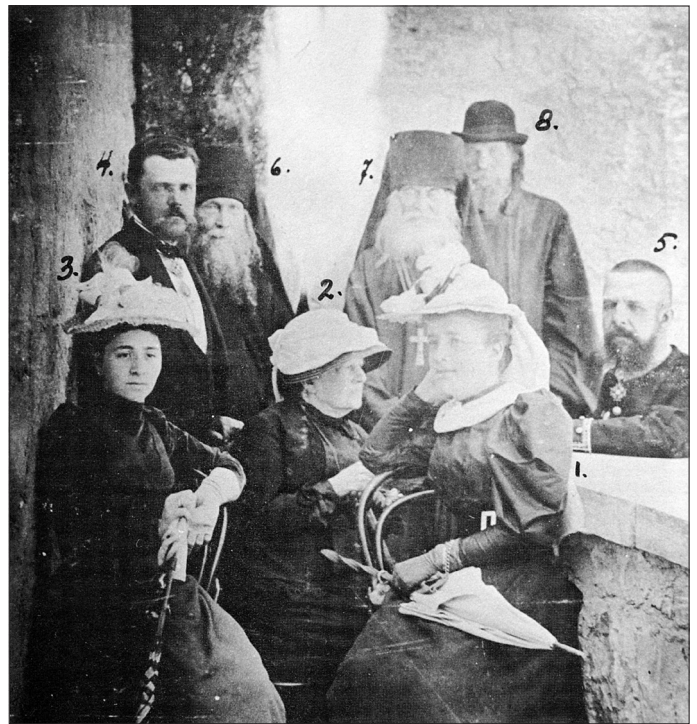
11 сентября 1865 года отец Антонин прибыл в Иерусалим, где был торжественно встречен русскими

*Освящение воды
на Иордане в
Крещенский сочельник.
Фото 1890-х гг.*

членами Миссии и довольно прохладно — Патриархом Кириллом, так как последний ожидал письма Синода, которое не было ему передано по неизвестным причинам. Таким образом, новый Начальник сразу же столкнулся с неприятием его высшим греческим духовенством, а именно архимандрит Антонин должен был расследовать дело, связанное со скандалом вокруг имени архимандрита Леонида, чем он и занялся незамедлительно. Это дело положило начало его служению в качестве Начальника Миссии, ибо здесь он проявил свой дипломатический талант: завоевав расположение Патриарха, отец Антонин сумел выявить истинную причину скандала (а ею послужила личная неприязнь некоторых членов Миссии к архимандриту Леониду и использование этого консулом, который представлял события Иерусалимскому Патриарху, заведомо их искажая [4]), сохраняя при этом хорошие отношения и с бывшим Начальником, которому приходилось указывать на некоторые ошибки [4]. Личное обаяние и ум архимандрита Антонина сослужили ему хорошую службу, и он не стал очередной жертвой консульских интриг, не запутался (как того ожидали) в расследовании и, таким образом, довольно успешно начал свою деятельность в Иерусалиме.

После выяснения неприятных ему обстоятельств порученного дела, архимандрит Антонин принялся за изучение Миссии и положения Греческой Церкви в Палестине. Он попытался сразу же завязать знакомство со Святогробским братством и быстро пленил их своим обаянием. Настоящего помощника и друга отец Антонин обрел в лице “великого простеца во Христе Иисусе”, “нелестного раба Божия” патриарха Кирилла. При его участии архимандрит Антонин смог хорошо изучить греческое богослужение и издать ряд статей о нем. В 1868 году “за горячее благочестие и ревность о Гробе Господнем” патриарх Кирилл наградил своего друга крестом с частицей “Животворящего Древа” при особой грамоте [4]. В тот же год Россия получила Синайский кодекс Библии в свою собственность [4], в чем немалая роль принадлежала отцу Антонину, ведшему переговоры, а в 1869 году, по ходатайству патриарха Кирилла, архимандрит Антонин был утвержден в должности Начальника Миссии [4]. Это назначение не укрепило его позиции, так как Консульство продолжало свою борьбу, обострившуюся в 1872 году, когда патриарх Кирилл, не подписавший болгарскую схизму, был вынужден оставить патриарший престол. А так как новый патриарх Прокопий не был признан частью арабского духовенства, недоброжелатели поспешили обвинить в этом Миссию. И заслуга архимандрита Антонина заключается в том, что, не имея определенных инструкций из России, он занял выжидательную позицию (несмотря на свое мнение о незаконности низложения патриарха Кирилла) и не

Святая Земля. Иерусалим. Начальник Руской Духовной миссии архимандрит Антонин (6), с двумя членами братии Миссии, оо. Виссарионом (7) и Вениамином (8), Генеральный Русский консул Ареньев (5), консул Михайлов (4) с супругой (3), г-жа София Домниковна Хитрово (1) и ее мать (2), — члены-учредители Императорского Православного Палестинского общества. 1892 г.

вверг Миссию в круговорот событий, развивавшихся в ту пору довольно бурно. Напряжение в отношениях Миссии и Патриархии сохранялись довольно долго (благодаря все тому же Консульству, обвинявшему отца Антонина в неподчинении несуществующим синодальным указам относительно Патриарха [5]). Начальник предпринимал шаги для улучшения отношений, и даже предложил поставить Миссию в прямую зависимость от Синода или превратить ее в одну из посольских церквей [4], но Синод решил подождать с решением, а вскоре патриарх Прокопий был низложен, и на его место пришел представитель Святого Гроба в Смирне Иерофей. Восемь лет его пребывания на патриаршем престоле принесли Миссии временное “потепление” отношений с Патриархией, которое вскоре было опять сведено к скрытой вражде Консульством и преобразованной из Палестинского Комитета Палестинской Комиссией [4], более могущественной, чем раньше, и начавшей вмешиваться даже в дела Патриархии. Еще более положение ухудшилось в 1882 году, когда, по смерти патриарха Иерофея, законно избранный на патриарший престол 29-летний архимандрит Фотий (Пероглу) [4] был объявлен неподходящим “по молодости лет” и, под давлением Порты, был утвержден архиепископ Фаворский Никодим (ставленник российских дипломатов). Для Миссии это назначение было

Архимандрит Антонин.
Портрет работы акад. Кошелева. Ок. 1890 г.

катастрофическим, так как архимандрит Фотий был человеком благородным и рассудительным (именно он, уже патриарх Александрийский, помогал русским во время Первой Мировой войны), к тому же он был другом отца Антонина до самой смерти последнего. Патриарх же Никодим, живший все время в Москве и не знавший лично Начальника Миссии, верил его врагам и требовал упразднения Миссии, а условием своего переезда в Иерусалим ставил удаление отца Антонина [4]. Этот период в жизни отца Антонина был одним из самых тяжелых: Патриарх постоянно вмешивался в дела Миссии, грозил наказаниями за малейшую провинность (с его точки зрения, таковой являлось, например, ношение шляп членами Миссии во дворе русской церкви [4]), настаивал, чтобы все требы совершались исключительно греческим духовенством. Против этого отец Антонин счел необходимым выступить открыто, так как, по его словам, Патриарх забыл или не хотел знать, что непонимание исповедующим языка исповедуемого равно отрицанию самого таинства и является “антиканоническим” и “антихристианским” [4]. Таким же неприемлемым считал отец Антонин и “тайный постриг” русских паломниц греческим духовенством ради получения их имущества после смерти постриженных и использования их для сбора денег в России [1]. Начальник Миссии не раз обращал внима-

ние Синода на этих лиц и рекомендовал переселять их на русскую территорию в Горней [4], но в России закрывали глаза на происходящее в Иерусалиме, хотя архимандрит Антонин характеризовал это как эксплуатацию русских паломников. А так как именно Миссия первоначально должна была заботиться о паломниках, для чего необходимо было улучшить быт последних, устраивая дома для размещения приезжающих, отец Антонин решил действовать самостоятельно, не дожидаясь синодальных постановлений, и начал приобретать в Палестине земли. Это поставило Миссию в довольно щекотливое положение относительно Консульства, так как последнее должно было следить за недвижимостью России на определенной территории. Ввиду этого Палестинская Комиссия решила использовать подобные разногласия и преобразовать Миссию в Настоятельство при Консульстве [4] и уже был готов указ Синода [4] (что было выгодно Палестинской Комиссии, так как она получила бы все имущество Миссии), но граф Е. В. Путятин, хорошо относившийся к отцу Антонину, ходатайствовал перед императрицей Марией Александровной о недопущении закрытия Миссии, и государыня приостановила ход дела [3]. Казалось, архимандрит Антонин одержал победу, но на самом деле травля его продолжилась.

В числе зданий, составлявших русский поклоннический приют в Иерусалиме был и дом Миссии, постепенно перешедший в ведение Консульства, хотя для последнего и был отведен участок в центре Иерусалима. Посторонние лица, начавшие появляться в Миссии с переездом в здание Консульства стесняли поклоннический приют, превнося в него светский мир, чуждый понятиям и взглядам паломников [1]. Отец Антонин возбудил ходатайство об избавлении Миссии от излишних элементов и о территориальном отделении Миссии от Консульства, что было позволено лишь в 1890 году указом Синода №1985 [4]. Архимандрит Антонин с радостью принял здание, переходившее под его начало, и — там многочисленные перестройки, превратившие дом в удобный приют для паломников и обитель для членов Миссии.

Но недоброжелатели Начальника Миссии, обвинявшие его во многих грехах, стали действовать более изощренно: орудиями их стали А. Ушинский и Ю. Добрынин (псевдоним), писавшие памфлеты и гнусные романы про отца Антонина (например, “Пейс-Паши и его консорты”. СПб. 1881), успешно распространявшиеся на Святой Земле и в России. И хотя архимандрит Антонин внешне и относился к такого рода творчеству презрительно, он не могло не задевать его: “Мне до смерти хочется ответить безумному по безумию его...” [12], — писал отец Антонин. На защиту Начальника Миссии встал и Н. В. Хитрово, писавший Победоносцеву, что все напи-

Святая Земля. Хеврон.
Богослужение на Русском
участке у Дуба Мамврийского.
Фото конца XIX века.

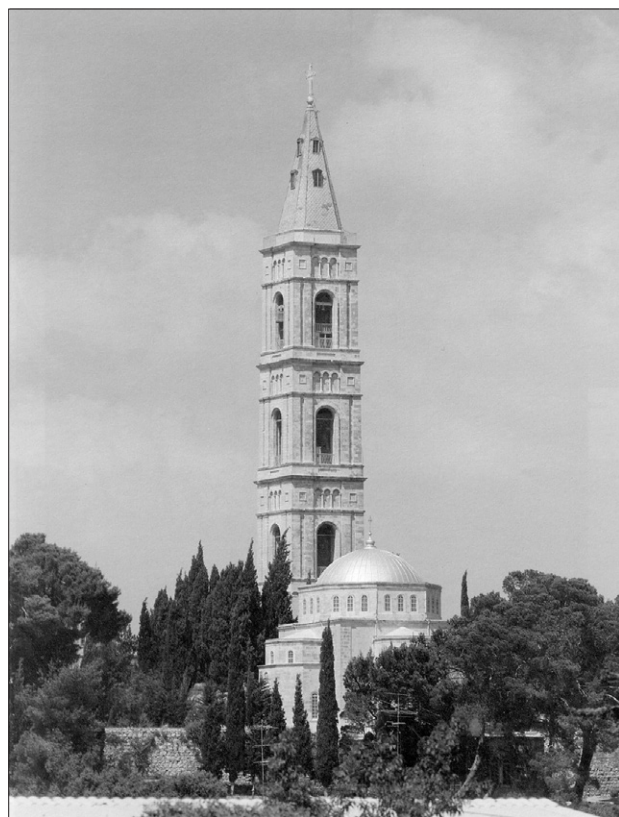
Странников (*Быт. XII, 18, XVIII, 1–5*), находился в самом центре мусульманского фанатизма — в Хевроне. Владел им некий Ибрагим Шаллуди, дороживший своей собственностью отнюдь не из религиозных соображений: если христиане и добирались до Дуба, то Шаллуди продавал им листья, веточки и сучки, получая тем самым некоторый доход. Но, тщательно все разведав, отец Антонин пришел к выводу, что Ибрагим может согласиться продать святыню. И, зимой 1868 года, драгоман Миссии Халеби, снабженный отцом Антонином деньгами, отправился в Хеврон под видом купца из Алепо. Дело в том, что среди местного населения бытовало поверье, что ислам погибнет, как только в Хевроне зазвучит колокольный звон [10], поэтому возможность купить Дуб от лица Миссии была полностью исключена. После долгих и томительных переговоров, немалых “бакшишей”, столь необходимых в той среде, Шаллуди продал участок Халеби: официальная цена равнялась 143 наполеондрам (хотя на деле Халеби заплатил около 200) [5]. 1 октября 1868 года отец Антонин уже имел на руках документ, составленный по всем турецким законам на имя его верного Халеби, который отныне являлся владельцем Дуба с прилегающим к нему участком [1]. “Торжеству и радости не было конца”, — пишет отец Антонин [5].

С приобретением в собственность этого участка земли и Дуба Мамврийского заботы отца Антонина только возросли: он решил “округлить” свои владения и занялся покупкой близлежащих земель [5]. Несмотря на сопротивление местного населения и турецкой администрации. Начальник Миссии добился своего, и площадь участка составила около 72 355 кв. метров. (Особенную трудность представляли переговоры по приобретению земель уважаемого в народе шейха Салеха Мжагеда.

Против этой сделки восстал весь хевронский меджлис [5], но благодаря такту отца Антонина и изрядных “бакшишей” участок был ему продан [5]). 12 июня 1869 года Начальник Миссии совершил первую Божественную литургию [5] на месте явления Святой Троицы Аврааму. Однако, для благоустройства приобретенного участка требовалось немало средств, и архимандрит Антонин обратился за помощью к архимандритам трех Лавр российских [5]. Так же немалую долю пожертвовали частные лица, и к апрелю 1873 года было собрано 11 тысяч пиастров [5]. Но благоустройство территории началось значительно раньше, в 1870 году, когда был заложен сторожевой дом [5], на участке посажены молодые дубки [5] и разведен виноградник [5].” Главной же целью отца Антонина было устройство христианского “дома молитвы” в самом центре фанатизма мусульман. Но турецкое правительство добилося в Консульстве обещания, что Миссия не будет иметь при Дубе ни монастыря, ни церкви [4] (а первоначально было запрещено даже воздвигать постройки на участке [5]). Но гибель трех паломников 22 февраля 1868 года от внезапного снегопада [1] вынудила власти разрешить постройку поклоннического приюта [5]. Отец Антонин не замедлил воспользоваться этим разрешением и выстроил обширный и хорошо обставленный дом для паломников на самой вершине горы, от дома к Дубу проложил дорогу [5], весьма необходимую для удобства приезжающих, и окружил виноградник каменной стеной. Над самим же Дубом заботами отца Антонина был сделан железный навес, а основание ствола опоясано каменным фундаментом, на котором и совершалось богослужение до постройки храма, начатого в 1907 году при архимандрите Леониде (Сенцове) и освященного в 1925. Трепетные евангельские воспоминания навевают христианскому

сердцу вершина Елеонской горы, приобретенная отцом Антонином одной из первых. В 1865 году, по приезде в Иерусалим, архимандрит Антонин обратил внимание на новую обитель на Горе Елеонской, принадлежавшую французской герцогине де ла Тур-д'Овернь и названную ею Pater Noster, так как, согласно неосновательному преданию [1], на месте обители Господь преподавал ученикам общехристианскую молитву Отче Наш. Но, исследовав подробнее дело герцогини, отец Антонин понял, что эта постройка служит лишь началом латино-французской пропаганды и цель ее — овладеть местом Вознесения Господня. Разумеется, Начальник Русской Духовной Миссии не мог спокойно отнестись к подобному явлению латинской пропаганды, особенно если учесть, что она и так хорошо утвердилась к тому времени на Святой Горе. И, узнав о продаже земли рядом с Pater Noster, отец Антонин захотел ее купить и начал переговоры с владельцем. Но, когда сделка была уже согласована, драгоман французского консульства дал вдвое большую сумму и документально закрепил покупку [1]. Потерпев здесь неудачу, отец Антонин обратил свои взоры на самую вершину Горы, частично занятую гумном, кладбищем, и частными садами. Выбор был не случайным: в трудах Димитрия Ростовского архимандрит Антонин прочел, что у Ирода на Елеоне был дворец, где, возможно, погребена голова Иоанна Крестителя. Кроме того, с IV века на Горе располагалось множество христианских монастырей [15], и это не менее дворца Ирода интересовало Начальника Миссии. Центральный участок был куплен драгоманом Миссии Халеби в марте 1870 года [1], а позже к этим землям были присоединены еще несколько участков [5], в результате чего образовалась довольно обширная русская территория, на которой было открыто много древностей христианской эпохи. Для историка Елеон представляет большой интерес своими древними базиликами и монастырями (преимущественно греческими и армянскими). В IV-VI веках церкви на Елеонской горе строились преимущественно без куполов, чтобы постоянно видеть небо, куда вознесся Спаситель. Отец Антонин произвел раскопки многих этих древних храмов и обнаружил, помимо всего прочего, необыкновенные мозаики и погребальные пещеры с весьма ценными надписями [5]. Но первой его заботой была постройка храма и корпусов для предполагавшегося им на Елеоне мужского монастыря. Планирование и чертежи всех зданий принадлежат самому архимандриту Антонину [5].

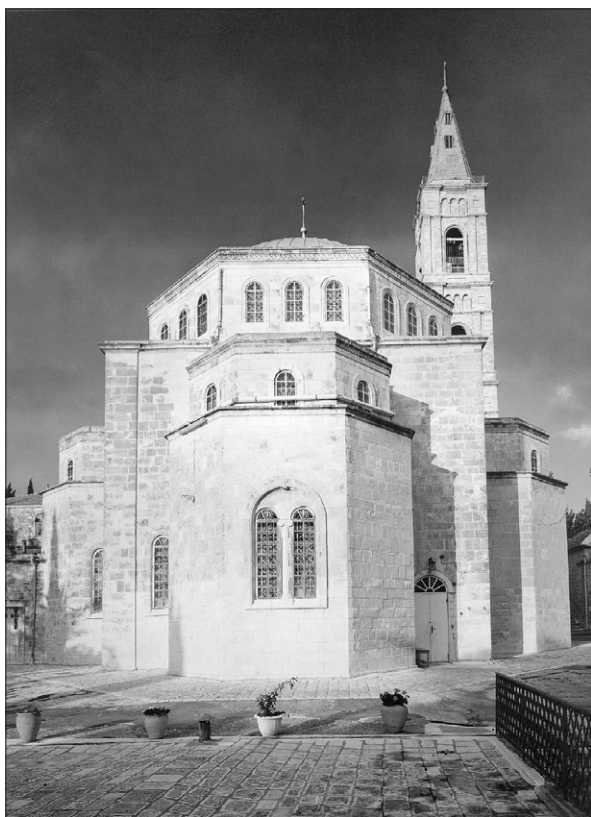
На другом участке, ближе к месту Вознесения Христа, было найдено основание древней церкви с полностью уцелевшим полукружием алтаря, иконостасной перегородкой и мраморным полом [1]. И, под предлогом ее восстановления, отец Антонин начал строить новый храм с куполом софийского образца, но строительство велось очень медленно из-за недостатка средств, так что

*Святая Земля. Елеон.
Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь.
Колокольня обители (Русская свеча)*

к началу русско-турецкой войны здание церкви было доведено до уровня окон. Ввиду военных действий между Россией и Турцией, отец Антонин и все члены Миссии были вынуждены переехать в Афины по требованию Порты [5], оставив все имущество германскому консулу [4]. Но и в Афинах архимандрит Антонин не переставал обдумывать свои дальнейшие приобретения и постройки, а так же подыскивать строительный материал (мраморные колонны) для храма на Елеоне [5]. Получив в мае 1878 года разрешение вернуться в Иерусалим, Начальник Миссии приступил к своим давно начатым делам [5].

Но препятствием для строительства была не только война: одно время Реуф-паша, губернатор Иерусалима, запретил отцу Антонину возводить храмы в Горней и на Елеоне, потребовав султанский фирман. Работы были прекращены до получения требуемого документа [5]. Начальнику Миссии опять помогло его личное обаяние: к нему весьма благосклонно относился видный чиновник Серай Салим-эфенди (по слухам, большой любитель чаепития — на этой почве и сошлись интересы арабского чиновника и русского архимандрита), помогавший ему преодолевать бюрократические препятствия Порты. Одновременно с храмом возводилась на самой высокой точке Горы колокольня, строительство которой (как и храма) отец Антонин контролировал лично, часто навещая Елеон или наблюдая за

*Святая Земля. Елеон.
Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь*

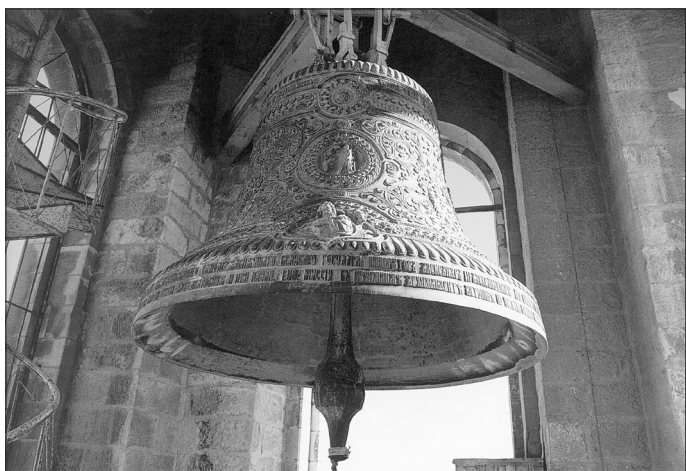
работами в подзорную трубу из окна здания Миссии. Наконец, к 1886 году на развалинах вырос новый храм, и патриарх Никодим изъявил желание лично его освятить, но ожидал приглашения Святейшего Синода из России [1]. Таковое было получено [4], и 8 июня 1886 года состоялось торжественное освящение елеонской церкви во имя Христа Спасителя. Перед началом Божественной литургии патриарх Никодим обратился к отцу Антонину с благосклонным словом, проникнутым идеей единения церковного, благословляя его на дальнейшее служение на Святой Земле [1]. Патриарх согласился признать воздвигаемые отцом Антонином храмы принадлежащими (приписными) к Свято-Троицкому собору в русских поклоннических заведениях [1] (что особенно полезно вспомнить сегодня, когда ведется спор о бывших русских владениях и легитимности их экспроприации). Вместе с храмом была освящена и колокольня с отличными колоколами, самый большой из которых весит 308 пудов (он был доставлен из Яффы собственными силами богомольцев) [4]. С верхней галереи этой колокольни в ясные дни можно увидеть панораму Палестины, и весь земной путь Спасителя окидывается единым взором.

Но наиболее излюбленным местом пребывания паломников стала все же Горняя, предполагаемая местность “града Иудова”, где родился Предтеча Христов и где Богоматерь провела три месяца, гостя у праведной

Елисаветы. Эти земли, называемые еще Айн-Карем, избрал для своей деятельности латинский миссионер из крещеных евреев Ратисбон, основатель конгрегации Сионских сестер. Обладая огромными материальными средствами, он выкупил у арабских насельников участки земли, названные “Magnificat”, где была устроена школа для детей, часовня и монастырь в честь Рождества Предтечи. Ратисбон хотел со временем присовокупить к католическим владениям и восточную часть холма, но архимандрит Антонин пресек это намерение. На холме находился дом, принадлежавший арабу-католику, драгоману французского консульства, Ханна (Иоанну) Карно Джелляду. Хозяин предложил свои владения Ратисбону, но запросил за них 200 тысяч франков. Миссионер вынужден был воздержаться от покупки, а озлобленный на него Джелляд обратился к отцу Антонину, снизив цену до 70 тысяч. Сделка состоялась 15 февраля 1871 года, и ходжет (купчая) был составлен на имя Халеби [1]. Но покупке предшествовали долгие переговоры, связанные с невозможностью Миссии выплатить всю сумму. П.П. Мельников, вызвавшийся найти в России деньги для покупки участка [5], делал все возможное, но удалось собрать лишь 20 тысяч рублей (две трети требуемой суммы). Джелляд уступил, и участок перешел в собственность отца Антонина. Как и в случае с землями на Елеоне, Начальник Миссии приложил усилия к расширению владений, и в итоге получил ценное имение, площадью около 228 777 кв. метров, деятельное участие в благоустройстве которого принимал лично: на склонах гор были посажены кипарисы, виноградники, миндальные и масляные деревья [5].

Забываясь об удовлетворении духовных нужд паломников и возвратившихся в лоно Православной Церкви, отец Антонин устроил в Горней церковь, сначала в палатке, а потом в доме, отведенном для приезжающих на поклонение святыням [4]. По его же просьбе Патриарх назначил в церковь священника из арабов, которого приняла на содержание Иерусалимская Патриархия, а квартиру предоставила Русская Духовная Миссия.

В 60-х годах Палестинская Комиссия купила совместно с францисканским монастырем (находившемся на месте, где, по преданию, стоял дом Захарии и Елисаветы) небольшой участок, намереваясь построить там приют для паломников. Но сделано этого не было, и русские поклонницы, посещавшие святыню и застигаемые ночью, часто ночевали у ворот католического монастыря, который по уставу не впускал в свои стены женский пол [1]. Приобретения отца Антонина решили эту проблему, и русские паломницы нашли ласковый приют и отеческую заботу в новом паломническом доме. Вскоре, в целях поддержания Православия среди местного населения и противодействия латинской пропаганде, отец Антонин решил строить в Горней “русско-арабский храм” [5] (по совету Иерусалимской

Главный колокол монастыря, отлитый на заводе Финляндского в Москве на пожертвования соликамского купца А.В. Рязанцева. 1883 г.

Патриархии и Консульства) [5], и, для сбора средств на это благое дело, в Россию отправилась деятельная матушка Леонида [5]. Отец Антонин, в свою очередь, выбрал место для храма и нашел мастера, который согласился строить храм за 250 наполеондров (сделка была заключена 10 июля 1880 года), но затем повысил цену до 300. Тот же мастер был приглашен для возведения колокольни по чертежам отца Антонина [5].

Но постройка храма принесла Начальнику Миссии немало неприятностей. “Первоначально он договорился с настоятелем католического монастыря Иоанна Предтечи о свободе действий на приобретенной земле, но, после назначения нового кустода Святой Земли в Иерусалиме, “сосед” отца Антонина был смещен за покровительство схизматическим тенденциям айн-каримцев. А в апреле 1881 года Реуф-паша (по настоянию католиков [4]) потребовал прекратить работы до получения султанского фирмана [2], который был выдан уже во второй половине 1881 года по ходатайству Русского правительства [4]. Не приветствовала постройку храма и Иерусалимская Патриархия, так как патриарх Иерофей (согласно его письма митрополиту Исидору, первенствующему члену Синода) счел себя оскорбленным тем, что архимандрит Антонин не уведомил его о постройке храмов и отступил подобными действиями от церковных канонов. Но в то же время Патриарх намекал, что братская грамота от Святейшего Синода может исправить дело. Грамота эта была отправлена в Иерусалим, и в ней митрополит Исидор просил Его Блаженство не только простить архимандрита Антонина, без злого умысла совершившего такой проступок, но и благословить освящение храмов на Елеоне, в Горней и в Гефсимании (святой Марии Магдалины). Патриарх Иерофей остался весьма доволен таким вниманием и более не препятствовал постройке. А так как из России постоянно присылались пожертвования на храм, в начале 1882 года работа подошла к концу, но патриарх

Иерофей скончался, и возникли новые затруднения: консул всячески пытался оттянуть освящение, но отец Антонин, пользуясь расположением местоблюстителя Патриаршего Престола, получил устное благословение на перенесение антиминса из временной церкви в новую, а 14 февраля 1883 года, не ожидая письменного разрешения, сам совершил Божественную литургию и чин освящения [4]. Это действие не произвело никакого впечатления на церковные власти, и отец Антонин получил замечание, что так стоило поступить уже давно для прекращения скандала [4].

Благоустроявая Горненский участок, Начальник Миссии мечтал устроить там приют для тех паломниц, кто хотел окончить дни свои на Святой Земле, “образцом которому должен был послужить устав древнего скитского жительства, в основу которого будут положены тайноводственные слова вдохновенной иконы Богородицы” [18]. Все земельные владения в Горней были разбиты на маленькие участки, где насельницы должны были строить келью и устраивать при ней садик, переходившие ей в пожизненное владение с правом передачи по наследству другому лицу, после смерти которого участок отходил к Миссии. Келья могла быть построена и украшена исключительно по вкусу насельницы, без каких-либо обязательных правил, что особенно привлекало паломниц. Отец Антонин сам составил подобные правила для живущих в Горней (данные общине в январе 1886 года), насельницы подчинялись непосредственно ему; единственными местами, где встречались отшельницы, были храм и трапезная. Этот уклад изменился после смерти архимандрита Антонина, так как домики начали продавать, и в обитель проникли

Интерьер Спасо-Вознесенского храма

Святая Земля. Иерусалим. Горняя. Интерьер Казанского храма обители

посторонние, были назначены “старшие сестры”, пожалованные наперстными крестами [10].

Стараниями отца Антонина Синод установил праздник “Целования”, совершаемый и в наши дни 30 марта, если Благовещение не совпадает с Лазаревой субботой, Страстной седмицей и первыми пятью днями Пасхи, когда праздник переносится на пятницу Светлой недели); с крестным ходом икона Благовещения переносится в Горнюю. Крестный ход из Горней встречает чтимый образ иконой Целования Богородицы с праведной Елисаветой, и он остается в обители до 24 июня в память пребывания Божией Матери. Архимандритом Антонином написана служба на этот праздник, утвержденная указом Синода № 2416 от 5 августа 1883 года.

Некоторое время отец Антонин пытался “поставить в Вифлееме Россию на твердую ногу” [1], но по многим причинам это оказалось безуспешным, поэтому он все свое внимание обратил в противоположный уголок Палестины, Яффу. В этом городе православные паломники уже давно выходили на молитву на большой пустырь, возле которого находилось несколько иудейских гробниц, в одной из которых, вероятно, была погребена св. Тавифа после ее второго успения. Место это принадлежало двум владельцам, и они были согласны продать свои земли относительно недорого. В данном деле отцу Антонину очень помог отец Якова Халеби, живший в Яффе, и 18 августа 1869 года яффский участок был оформлен на имя помощника Начальника Миссии, неоднократно уже оказывавшего отцу Антонину подобную помощь. Земли стоили Миссии 150 наполеондров, взятых из свечных сумм. “Стоило бы 500, но спасибо старому и новому Халеби”, — пишет отец Антонин [5]. Затем к этому участку были прибавлены и приле-

гавшие земли [5], так что все угодья составили в общей сложности 34 000 кв. метров. Имение обустроивалось отцом Антонином с тщательностью, как и предыдущие: были разбиты сады, вырыт колодец и бассейн для воды, построен уютный дом для Начальника Миссии с комнатами для паломников, требовавших к тому же постройки храма. Но только в 1888 году отец Антонин смог выполнить просьбу православных русских, желавших иметь в Яффе отдельный приход (благодаря пожертвованиям из России и от самих паломников) [3]. Получив благословение Патриарха (который поставил следующие условия: поминание своего имени в новом храме, получение антиминса от него и обещание, что церковь не будет носить характер прихода или мона-

стыря” [4]), архимандрит Антонин запросил фирман на строительство и еще до его выдачи подготовил план будущей церкви [5], которая была заложена 6 октября 1888 года при участии великих князей. Строительству храма помогали итальянские мастера [5] и местные жители [4], иконы бесплатно написал художник Ледаков в 1889 году [5]. Церковь во имя святого апостола Петра была освящена незадолго до смерти отца Антонина.

На Яффском участке отцом Антонином был раскопан некрополь, где было найдено немало исторических ценностей, обогативших созданный Начальником Миссии музей. Отец Антонин любил отдыхать в Яффе, имение в которой получило название “Золотой жемчужины Миссии” за красоту и изящество построек и садов.

Борьба против латинской пропаганды вынудила Начальника Миссии приобрести два участка в селении Бет-Джала, где лже-патриарх Иерусалимский Иосиф Валерга устроил семинарию и многих успел обратить в католичество [4]. Воспользовавшись пунктом инструкции о необходимости открыть училище для местного православного населения [1], отец Антонин в 1865 году принял решение основать женскую школу, так как патриарх Кирилл уже открыл школу для мальчиков (с целью противостоять Валерге). Архимандрит Антонин уговорил Е.Ф. Бодрову, которая содержала девичье училище в Иерусалиме, переехать на готовое содержание в Бет-Джалу, но первоначально выдавать школу за свое частное заведение [4]. Эта школа была позднее подарена отцом Антонином Палестинскому Обществу [5], преобразовавшему ее в женскую учительскую семинарию, давшую Палестине много поколений учительниц-арабов, воспитанных в истинно православном духе.

*Святая Земля. Яффа. Вид монастыря
святого апостола Петра*

Святая Земля. Яффа. Гробница праведной Тавифы

Но, приобретая земельные участки в Палестине, отец Антонин руководствовался не только соображениями практическими, но и приобретал что-то ценное по своим представлениям, как, например, Иерихонское подворье, Тивериадский дом и прочие маленькие участки.

В 1870 году, идя навстречу нуждам соотечественников, архимандрит Антонин купил в деревне Иерихон у председателя городского совета Омара-эфенди Абед эс-селям [5], участок земли площадью 15 128 кв. метра. Над найденной там древней мозаикой был выстроен дом для Начальника Миссии, паломнический приют и насажен тропический сад. Имение это стало местом отдыха паломников на пути к Иордану.

В Тивериаде, на самом берегу Галилейского моря, был приобретен участок земли [5], застроенный уже после смерти отца Антонина и служивший местом остановки на пути паломников. В Гефсимании архимандрит Антонин купил имение, где была построена под его руководством церковь во имя Марии Магдалины. Этот участок был передан им Палестинскому Обществу [5]. При селении Силоам отец Антонин приобрел участок земли вместе с пещерами (Силоамский монолит) [5], где предполагал устроить русский скит Силоамский [5]. Помимо этих земель, архимандрит Антонин купил

несколько участков, ценных в археологическом отношении: пещеру “Румание” в долине Суахири по дороге в Лавру святого Саввы [5], почитаемые у евреев “Тробы Пророческие” на склоне Елеонской Горы [5] и “место Каллистрата” неподалеку от них, участок при селении Анате (Анафак — место рождения пророка Иеремии), участок в Кане Галилейской, смежный с домом апостола Симона Канонита [1], и в Магдале, родине Марии Магдалины, где отец Антонин намеревался построить приют для паломников. Вероятно, были еще и другие участки, утерянные по подложности документов.

Архимандритом Антонином было куплено и законно оформлено 13 участков, площадью около 425 000 кв. метров, стоимостью до миллиона рублей золотом. Всего же насчитывалось около 40 приобретений. И, несмотря на очевидную пользу деятельности отца Антонина, его упрекали в недостойном монаха занятии и советовали перевести земли на имя Синода, но Начальник Миссии отказался, опасаясь жесткого контроля. Он решил поступить иначе: завакуфить свою недвижимость. Реуф-паша протестовал, но вскоре его перевели в Бейрут и дело приняло желанный для отца Антонина оборот [4]. Официальным посредником между Начальником Миссии и местными властями стал Я.Е.Халеби как человек хорошо знавший суть вопроса. Кроме того, отцу Антонину было запрещено непосредственное сношение с гражданскими властями Иерусалима, но он просил прислать к нему чиновников кадия (окружного судьи) на дом под предлогом недуга, что и было сделано 6 сентября 1889 года. После официального дознания, требуемого законом, отцу Антонину было объявлено, что вся собственность, ранее переведенная на его имя драгоманом Халеби, с момента завакуфления не подлежит продаже, обмену или другим операциям, ведущим к отчуждению их, что до смерти он владеет ими полноправно, а после они переходят во владение Синода; если же Синод перестанет существовать, то земли эти делаются достоянием всех православных русских людей, а если и они исчезнут, то земли поступают в распоряжение Иерусалимского кадия и, наконец, Аллаха [4]. Вся эта процедура, по словам отца Антонина, оплачивалась золотом и стоила ему 10 тысяч рублей [4]. В вакуфе Начальник Миссии видел лучший способ сохранения приобретенных им земель за русскими православными людьми, но, к сожалению, сегодня мы можем сказать, что надежды отца Антонина не оправдались, и большая часть земель была потеряна во времена пребывания Хрущева на посту генерального секретаря ЦК КПСС. Вопрос о легитимности отчуждения этих земель у русского народа, вероятно, будет еще поднят, но уже сейчас мы можем наблюдать, насколько дальновиден был архимандрит Антонин, пытавшийся закрепить эти земли за Россией, не вовлекая светскую власть: конфликт в Иерихоне, скандал у Дуба Мам-

Святая Земля. Елеон. Русские паломники у могилы архимандрита Антонина

врийского в 1995 году — все это только начало того неизбежного процесса возвращения собственности, который ждет нас в будущем.

Что же касается деятельности отца Антонина на приобретенных им землях, то уже говорилось о том, что он производил раскопки на каждом участке. Именно ему мы обязаны тем, что сегодня имеем возможность видеть “судные врата”, через которые проходил Спаси-

тель, когда Его вели на Голгофу, многочисленные базилики времен императора Константина. Архимандриту Антонину принадлежит также систематический научный каталог 1348 греческих и славянских рукописей монастыря св. Великомученицы Екатерины на Синае. Его сочинения, регулярно выходившие в российской печати, монографии, дневники, его библиотека и музей говорят о неординарном человеке, достойном представителе русского богословия и русской науки (отец Антонин питал слабость к астрономии и даже устроил на здании Миссии небольшую обсерваторию), его имя вспоминается как в духовных Академиях наравне с величайшими богословами, так и в светских научных центрах, особенно связанных с византологией и археологией. В жизни отец Антонин был всегда доброжелателен, учтив и приветлив, что располагало людей, часто обращавшихся к нему за помощью, советом или утешением. Его кончина 24 марта 1894 года, в канун Благовещения, была мирной и озаренной Светом Христовым, но его чада, оставленные без пастыря, скорбели о нем безутешно, и даже высшее греческое духовенство, часто боровшееся против отца Антонина, искренне соболезновало православным русским на Святой Земле, оплакивавшим своего духовника, Начальника и отца [4]...

Закончить эту статью хотелось бы словами В.Н. Хитрово, еще раз говорящими о твердости духа отца Антонина, о его верности однажды избранному пути, хотя бы его и обвиняли в обратном: “Монахом в употребительном значении этого слова архимандрит Антонин никогда не был, и он сам неоднократно на это указывал. Никогда не жил он в монастыре, никогда не проходил никаких монашеских послушаний. А между тем, кто допускался до комнаты, где он проводил свою жизнь в Иерусалиме, кто не раз заставлял его за починкой своей ветхой рясы или за топкой печи, тот должен был сознаться, что по духу он был более монах, чем монахи, живущие в келиях” [5].

Литература:

1. ЦГИА СПб. ф. 796. г. 1858–1890. оп. 205. № д. 462.
2. ЦГИА СПб. ф. 796. г. 1877–1883. оп. 205. № д. 519.
3. ЦГИА СПб. ф. 796. г. 1892. оп. 205. № д. 607.
4. ЦГИА СПб. ф. 797. г. 1841–1890. оп. 11, 32–34, 39–41, 43, 45, 47–49, 58, 59, 63, 64, 94. № д. 27, 29, 32, 34, 39, 45, 47–49, 55–59, 98, 103, 108, 128, 182, 194, 232, 452.
5. ЦГИА СПб. ф. 834. г. 1817–1894. оп. 1118–1131. № д. 4.
6. Архимандрит Антонин (Капустин). Заметки поклонника Святой Горы. Киев. 1864.
7. Архимандрит Антонин (Капустин). Из Румелии. СПб. 1886.
8. Архимандрит Антонин (Капустин). Поездка в Румелию. СПб. 1879.
9. Архимандрит Антонин (Капустин). О древних христианских надписях в Афинах. СПб. 1874.
10. Архимандрит Киприан. Отец Антонин (Капустин), архимандрит и Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград. 1934.
11. Архимандрит Савва. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной церкви на Востоке. М. 1886.
12. Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность. СПб. 1907.
13. Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин). СПб. 1904.
14. Житие и хождение Даниила, Русския земли игумена. СПб. 1896.
15. Суворин А. А. Палестина. СПб. 1898.
16. Титов Ф. И. Преосвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский. Киев. 1902.
17. Юбилей Начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Сентябрь 1890 — февраль 1891.
18. Церковный Вестник. 1880. №41.

Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви

О Борисе Александровиче Тураеве прот. Николай Кириллович Чуков упоминает сразу после своего избрания и назначения настоятелем домово́й Петропавловской церкви при Петроградском университете, где академик Тураев уже был старостой. 13 апреля (н.с.) 1919 г. прот. Николай впервые служил в этой церкви и вскоре записал в своем дневнике: “на праздники ночью у Тураева — очень милые люди”. В это время семья Тураевых уже 20 лет жила на 2 линии В.О. д. 3, кв. 117, недалеко от университета. Через три месяца настоятелю более не требовалось оставаться на ночлег у академика — он поселился в начале Невского проспекта.

Борису Александровичу Тураеву (1868–1920) в те дни было 50 лет, но он уже был ученым с мировым именем в области изучения Древнего Востока, прежде всего Древнего Египта. С 1896 года он преподавал в Петербургском университете, был в нем ординарным профессором, а в 1918 году был избран академиком. В 1911 году вышел основной труд Тураева — двухтомная “История Древнего Востока”, которая была еще раз переиздана в Советском Союзе через пятнадцать лет после смерти ее автора. Ученый широкого профиля, Тураев также много писал по церковно-историческим вопросам, особенно интересуясь письменными памятниками Эфиопии. В отличие от многих своих коллег по университету профессор Тураев был по-настоящему церковным человеком и никогда этого не скрывал.

Такой же глубоко верующей была и жена Тураева — Елена Филимоновна, урожденная княжна Церетели. Она занималась русской историей и написала магистерскую диссертацию о княгине Елене Иоанновне, дочери царя Ивана III, которая вышла замуж за великого князя Литовского Александра. В 1912 году вышла ее книга — “Начало династии Романовых”, приуроченная к 300-летию юбилею. Русскую историю Елена

Филимоновна преподавала в Женском педагогическом институте на Петроградской стороне.

Сближение шло быстро, и Чуков через короткое время сообщает: “кстати, у Тураевых была речь о желании слушательниц медицинских курсов прослушать летом ряд лекций по богословию, но: а) научно обоснованных, б) популярных и в) православно-церковного направления”.

Однако в Петропавловской церкви долго о Николаю служить не пришлось. 15 августа он с горечью отметил: “Университетскую церковь, как и другие домовые, закрыли. Ходили мы с Тураевым в Комиссариат юстиции, но там стоят на букве декрета — нель-

зя, потому что церковь не в изолированном помещении. Дали мысль о служении в частной квартире. Веду переговоры и, вероятно, устроимся на Биржевой линии д.8, кв.1: Оптический институт уступает половину квартиры, а сводный 166-й госпиталь дает утварь и иконостас упраздненной церкви; правда, много уже растащено”. Биржевая линия находилась по соседству, а военный госпиталь размещался во время войны в новопостроенной Библиотеке Академии наук.

С этого времени прот. Николай постоянно пишет о встречах с Тураевыми у них дома или в своей новой квартире. Лето 1921 года младшая дочь Чукова Вера проводила на даче Тураевых в Удельной вместе с их сыном. Когда встал вопрос об открытии в епархии Богословского института взамен закрытой Духовной академии, то среди университетских профессоров, подписавших нужное ходатайство, был и Б.А.Тураев, а Елена Филимоновна взялась собрать подписи в Андреевском и Благовещенском приходах на Васильевском острове. Позднее Тураев, вместе с философом проф. Л.П.Карсавиным из университета, участвовал в работе комиссии по организации названного института.

Хлопоты об открытии новой домово́й церкви при

*Протоиерей
Николай Чуков,
настоятель
церкви свв. апп.
Петра и Павла
при С.-Петербур-
бургском универ-
ситете*

университете Чуков и Тураев и дальше вели вместе. Ее решили посвятить памяти Всех святых в Земле Российской просиявших, службу которым составил сам Тураев. 15 ноября 1918 года она была утверждена Патриархом и Синодом. “Сначала были с Тураевым в комитете юстиции о разрешении продолжать служение в старом храме; представляли все документы. Нельзя. Стали искать помещение. Нашли у Колесникова (Биржевая линия, д.8, кв.19). Церковь взяли из госпиталя 166-го. Опять было препятствие — квартира снята Оптическим институтом; предложили к Бенешевичу. Осмотрели — там другой план, а одной комнаты мало. Решились на кв.19. Устраиваемся”. Это — запись от 24 августа 1919 г.

Наконец, все препятствия были преодолены и вечером 27 августа в упомянутой квартире “совершили малое освящение с внесением антиминса, затем все-нощное бдение...Церковь уютна, хотя мала и бедна. Говорил об этом и в слове. После обедни был устроен в одной из комнат общий чай (мы с Тураевыми)”. Эта домовая Всесвятская церковь, разместившаяся в трех комнатах, просуществовала пять лет...Через день после первой обедни настоятель рискнул на новшество: за литургией он “читал всю евхаристическую молитву вслух. Вышло это естественно: Тураев пел один и потому скоро; прочитывать я не успевал и предпочел вслух, по исполнению им положенного для пения”. Из приведенных слов видно, что при необходимости староста служил в церкви и псаломщиком.

О реакции Тураева на указанное новшество автор дневника ничего не говорит. Как известно, Тураев был знатоком и ценителем церковного устава, недаром Чуков лично вскоре рекомендовал И.П. Щербову, создававшему Богословский институт, пригласить Бориса Александровича сперва на намеченную дискуссию об уставе, а затем — на должность преподавателя литургии в институте.

В первый день Рождества настоятель университетской церкви был с крестом у Тураевых, Шахматовых, О.А. Добиаш-Рождественской, В.Е. Тищенко и других профессоров. В сам праздник в храме причащалось до 40 человек, что, по словам Тураева, “было небывалое раньше явление”, ибо перед революцией университет не был образцом благочестия. Напротив, он содействовал распространению в стране вольномыслия и равнодушия к религии.

На второй день Рождества прот. Николай пошел вместе с Тураевым в Андреевский собор, где настоятель о. Николай Платонов “совершал утрению по особому песенному (пасхальному) чину, который ему указал Тураев, заимствовав его из устава св. Софии (в Царьграде — В.А.)”. Автор дневника, описав этот чин, нашел его “интересным и торжественным”.

Общение с Тураевым и его женой вскоре вошло у Чукова в обычай и жизненную потребность. 11 января

1920 г. он записывает: “Сегодня Тураевы были у нас. Побеседовали более оживленно, чем ранее у них (там торопились). Такое общение необходимо, чтобы тина нынешней, слишком уж материальной жизни не засосала совершенно; тут все-таки осветишь свое положение с принципиальной стороны и более сознательно отнесешься к дальнейшему пути”.

В день ангела, который о. Николай отмечал 17 февраля (на прп.Николая Студийского), “Тураевы подарили свои труды:

Б.А.Тураев: 1) Абиссинские магические свитки; 2) Египтологические заметки. I-XI; 3) Магический папирус Британского музея; 4) Россия и христианский Восток; 5) Опись коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 г. (Тураев и Фармаковский).

Е.Ф.Тураева: 1) Отражение Нижегородского движения 1612 г. в литературных памятниках XVII века; 2) Французская генеалогия XVI-XVII вв. о русских государях; 3) К трехсотлетию царствования Дома Романовых; 4) Новый сборник статей по славяноведению, изданный учениками В.И.Ламанского.

Кроме того, Борис Александрович подарил “Известия Русского Археологического института в Константинополе”, т. XVI, где помещен труд Панченко “Рельефы из базилики Студия в Константинополе (Студитского монастыря, где прп.Николай был игуменом)”. Хотя подаренные сочинения о.Николай вряд ли удосужился затем прочесть, его, несомненно, тронули эти знаки внимания к нему его ученых друзей.

21 февраля во Всесвятской церкви впервые служил митрополит Вениамин. На литургию пришел цвет университетской профессуры. “Все прошло очень удачно ...диаконствовали иподиаконы, помогали в стихарях И.П.Мурзин и Б.А.Тураев. Присутствовало около 20 профессоров: Тураевы, Церетели, Бородин, Глазенап, Фармаковский, Бенешевич, Тищенко, Лавров, Grimm,

Шишкевич, Новицкий, Платонов, Успенский и другие, которых я не знаю. Народу было достаточно.

Словом, торжество прошло не официально, а тепло. Владыка говорил слово — хорошо. Припомнил факт, когда Григорий Богослов явился во время господства арианства и нашел маленькую церковь, где и собирались православные. Она получила название Воскресения. Отсюда аналогия с нашей... Удачно. После литургии я сказал Владыке благодарственную речь, а за чаем — Тураев”.

Укреплялось сотрудничество Чукова и Тураева также в рамках Богословского института. В ожидании его открытия был организован литургический кружок. 1 марта 1920 г. на заседании кружка “Тураев сделал несколько дополнений к вопросу о цвете облачений (главным образом, киевская практика), а потом я прочитал свой доклад о молитвенных поклонах”, — сообщает Чуков. Другой доклад “Монотеистическая струя в древних религиях” Тураев прочел перед более широкой публикой, собравшейся — в рамках общеобразовательных духовных чтений — тоже благодаря инициативе основателей института.

“Читал (Тураев) — пишет Чуков — интересно, хотя очень быстро. Публика двоякая — интеллигентная и “для познания”. Был митрополит и Преосвященный Артемий. После лекции были вопросы: 1) гимны вавилонские похожи на псалмы еврейские — нет ли взаимного влияния? (Ответ: идейного нет, а сходство объясняется сходством характеров падежей); 2) Не было ли влияния евреев на египтян в смысле монотеизма? (Ответ: возможно, хотя нет документальных данных); 3) Нельзя ли считать еврейский монотеизм результатом влияния монотеизма соседних народов? (Ответ: нет никаких исторических данных для доказательства подобной мысли)”. Как видим, Тураев, выступая в общем-то по своей специальности египтолога, использовал собственные знания для катехизаторских задач Русской Православной Церкви того времени. Правда, его лекция была интересна в основном для интеллигентных слушателей и потому присутствовавший на ней Митрополит “высказал мысль о желательности второго выступления — более популярного и назидательного”.

Когда на подготовительном заседании по организации Богословского института речь зашла о приглашении в качестве преподавателей представителей инославных исповеданий, Тураев “энергично возражал против приглашения униатов, как открыто ушедших от нас”. Надо сказать, что его позиция была уважена — униатов решено было в институт не приглашать.

16 апреля 1920 г. институт был открыт в помещении Троице-Сергиевского подворья на Фонтанке. Для молебна по этому случаю Чуков с Тураевым разработали особый чин: “Начало, Христос Воскресе со стихирами, великая ектения с двумя прошениями (1-м и 4-м) из мо-

лебна пред началом доброго дела, прокимен, Сей день, Апостол из молебна пред началом учения, Мф., зач. 11, сугубая ектения с прошением из молебна пред началом учения и молитва из чина Торжества Православия с некоторыми выпусками. Три многолетия: Патриарху, Митрополиту и причту: учредителям, благотворителям, представителям приходских общин и всей пастве петроградской, учащим и учащимся”. На торжественном заседании, которое затем последовало, академик Тураев приветствовал Богословский институт от имени Академии наук.

Чуков с самого начала привлек Бориса Александровича к работе не только нового института, но и другого важного начинания того времени — правления Общеприходского совещания, в которое вошли и ревностно работали многие представители православной общественности Петрограда. 14 июня Тураев сделал в правлении доклад о богослужении, другой доклад — о церковной дисциплине прочел о. А. Боярский, тогда еще не ставший обновленцем. “Оба доклада — записал Чуков — затрагивают весьма важные и нужные вопросы, привлекли внимание членов, вызвали разговоры и предполагаются к распространению по приходам”.

Отец Николай пригласил профессора также в братство св. Софии, созданное им из университетской профессуры и активных священников для теоретической разработки разных богословских вопросов. На первом, еще подготовительном заседании, которое собралось на квартире Чукова 20 мая 1920 г., Тураева среди “софиистов” еще не было, но уже на первом рабочем, состоявшемся 31 мая, в Духов день, ему (снова совместно с Чуковым) было поручено составить молебен для начала и конца заседаний. Знание Тураевым устава, несомненно, высоко ценилось везде и всеми.

С этого дня Тураев и его супруга — члены православного братства и неперенные и довольно деятельные участники его собраний, проходивших поначалу

С.-Петербург. Троице-Сергиево подворье на Фонтанке, в стенах которого в 1920 г. был открыт Богословский институт

Удельная. Холмское (б. Радочницкое) подворье

еженедельно — в основном у Чукова на Невском. Правда, участвовать Борису Александровичу пришлось недолго — всего два месяца. Он успел поэтому выступить только в роли консультанта. Когда речь зашла об обетах для братчиков, Тураев “дал справку, что на Востоке очень широко практикуется находящийся у нас в небрежении чин рясофора, где обычных монашеских обетов нет, а на Востоке очень многие епископы и даже Патриарх — не монахи, а только постриженные в рясофор”.

22 июня Тураевы и Чуков поехали в Удельную, к игумении Афанасии, чтобы переговорить “об устройстве полуиноческого общежития для студенток при одном из подворий, под руководством м. Афанасии, и об ее участии в выработке организации вообще типа нового полуиночества. В беседе с игум. Афанасией последняя высказала мысль — кажется, справедливую, что надо создавать устав, исходя из того, что предъявляет сама жизнь, приспособляясь к ее условиям и, в частности, к запросам определенных лиц, иначе будет теоретичность. Дорогой обсудили с Тураевым план календаря, который предполагает Общеприходское совещание издать на 1921 год”. Ничего, казалось бы, не предвещало трагических событий.

Прошел всего месяц, и 19 июля настоятель университетской церкви пришел к ее старосте, чтобы причастить его, ибо Борис Александрович заболел на даче дизентерией, ставшей для него смертельной. На следующей день проходило очередное заседание братства св. Софии, но супругов Тураевых на нем уже не было. Через три дня, 23 июля 1920 г., в 7 часов вечера, академик Тураев скончался. О его последних днях Чуков оставил обширные и выразительные воспоминания, написанные непосредственным очевидцем.

“Все эти дни — записывает прот. Николай — я получал от Елены Филимоновны записки, извещающие о ходе болезни. В субботу, 4/17 июля — “Борису Александровичу хуже, так как у него появилась кровь. Доктора еще не было. Борис Александрович согласен

приобщиться”. 9/22, в четверг, уже после причащения (19-го) она писала: “Борису Александровичу как будто лучше. Но слабость и кровь по-прежнему”.

В четверг, около 12 часов, я заходил, посидел у него на кровати, побеседовали, хотя я уже заметил у него большую слабость и не совсем ясную речь. Поговорили о праздновании Софии — “8 сентября не сочувствую. Лучше бы в Великий Четверг, но неудобно...” За мою мысль — в день освящения храма константинопольской Софии очень ухватился и стал искать по Мальцевскому месяцеслову этот день, да не нашел. Рассказал ему о собрании “Софии” в понедельник, о том, что студенты молились за него.

В пятницу, утром, получаю записку: “Борису Александровичу в ночь стало очень худо: бред, икота, полный упадок сил. Он не прочь пособороваться. Все бредит: “ухожу в свою церковь служить вечерню”. А вчера еще послал о. настоятелю хлеб своего пайка и было вечером есть нечего”. Я сразу, в двенадцатом часу, пошел, захватив с собою Св. Дары и все нужное для соборования. Прихожу и застаю его в еще более исхудалом, чем накануне, виде, с речью еще более неясной. Бред перемешивается с сознательной речью. Ему казалось, что в комнате кто-то еще есть: “Слышите, сверху кто-то кряхтит? Разве не видите?”

Относительно соборования стал было отнекиваться, очевидно, по своей обычной деликатности, но потом согласился. Я упомянул о причащении. Возразил решительно: “Зачем же при недостойности испытывать Господа”. Я начал чин соборования. Были только он, Елена Филимоновна, я, прислуга и у дверей, в другой комнате, бонна. Служил долго, так как весь чин сполна прочел и пел. Смотрю, Борис Александрович начинает подпевать в тропарях, в ектениях и — временами — поет полным голосом, сильным, так что у меня появилась радостная надежда, что сил еще много, и он, дай Бог, поборется со смертью, а ввиду того, что кровь прекратилась и позывы на низ очень уменьшились, может быть, и преодолее. Во время соборования раза два делал перерыв, чтобы дать отдохнуть больному (он лежал; иногда как будто дремал, но глаз не закрывал, а только их закатывал).

Кончил я чин, благословил его, сказал несколько слов для подкрепления духа. Затем остался там до пятого часа. Все время беседовал с Еленой Филимоновной и часто с ним, отрывочно. Он часто бредил и все о церкви, о календаре; повидимому, эти предметы в последнее время заняли его главное внимание и отодвинули его научные интересы. Только, кажется, раз (без меня) вспомнил о статье, присланной для корректуры.

Был момент, когда он с напряженным выражением сказал: “семь — решающее число”; повторил это несколько раз и потом связал сейчас же с “завтрашним” числом: “завтра — решительное число”. “Для кого?” — спрашиваю. “Для признающих новый стиль”. Что-то

неразборчивое говорил о “народах”, о том, что “с юга идут”. Заявлял, что “в церкви все сам читать буду”. Вместе с Еленой Филимоновной дали ему поесть взбитое яйцо с шоколадом. Я приподнял его выше на подушки. В пятом часу ушел. Прощаясь, пожелал ему крепости духа. Попрощался он со своей обычной деликатной улыбкой.

Вечером, в 5.30, я ушел к А.С. Николаеву, откуда, в 8.30, — в институт на заседание президиума. К вечеру, в 9.15, является А.В. Бородин и сообщает, что Борис Александрович скончался. Занятия, разумеется, прервали; я сообщил студентам и пригласил в воскресенье, в 4 часа, панихиду от института отслужить у тела (литоию они сразу отслужили тут же). По мысли Николаева решили сразу пойти на квартиру и отслужить панихиду. Пошли: Чепурин, Новицкий, Николаев, я; встретили дорогой Л.К.Богоявленского. Присоединилась жена. Я захватил из дому ризы, зашел к церковнику, распорядился о всем.

Уже около 10.30 был в квартире Тураева. Он лежал уже в зале, одетый в черный сюртук. Все собрались (я запоздал, заходя в университет). Выразил соболезнование Елене Филимоновне; помолился об усопшем, поцеловал его. Лежит, как живой, спокойный, светлый... Оказывается, агония длилась минуты три. Он указал на бок, сказал “сердце” и все. Так что Елена Филимоновна не успела отыскать даже отходную и читала уже молитвы на исход души.

Панихиду совершили Богоявленский, Чепурин и я. Потом Петр принес ризы и покрывало, одели усопшего в стихарь и накрыли.

Хоронить решили в понедельник — панихида в час и в 8 вечера, в субботу и воскресенье.

... В субботу, 11/24 июля, в час дня, была отслужена у гроба Тураева общая панихида. Присутствовало много академиков и профессоров. Вечером, после всенощной, в 8 часов, тоже общая панихида, пред которой тело положили во гроб. Решили хоронить в лавре, где и отпевать. Все инстанции уже пройдены, я по телефону переговорил с заместителем и все устроилось.

В воскресенье, после литургии у себя в храме, я сказал речь о Борисе Александровиче и отслужил панихиду, а затем в час была опять общая панихида. На все общие панихиды являлся причт Андреевского собора и панихиду “комкали”: служили с сокращениями и торопливо.

После панихиды Елена Филимоновна обратилась к присутствующим друзьям покойного и по университету и церкви с сообщением, что удивляться смерти Бориса Александровича не надо, потому что он уже два года умирал, не находя в себе сил жить после того, как “душу” от него отняли и оставили только “желудок”, ради которого стоит ли жить?! Мысль о смерти была ему постоянно присуща и не раз в последнюю ночь и день он говорил: “пусти меня,пусти... я иду служить

в церковь”, “много еще неразрешенных вопросов, но я уже устал”.

В 4 часа была панихида от института. На нее пришли студенты и приехал Митрополит, с которым вдвоем мы и служили панихиду (без диакона). Я сказал слово... В 8 часов я служил парастас у гроба. Участвовал и о. П.А. Аникиев.

В понедельник, в 9 часов, был вынос из квартиры гроба. В шествии участвовали: я, о. Аникиев и о. Викторин Добронравин; за гробом всю дорогу до лавры шли все академики и профессора. По дороге служили литии: у университета, у Академии наук и у Богословского института, также пред вратами лавры.

После литургии, в которой я участвовал, было совершено отпевание Митрополитом, Преосвященным Артемием и 13 священниками. Народу было много; наших студентов — тоже. Чин отпевания был совершен полностью и продолжался с погребением ровно два с половиной часа. Всех умилил этот чин и всех утомил, так что многие должны были к концу уйти, отвлеченные разными заседаниями.

Владыка устроил у себя, в большом зале, чай, на котором присутствовало около 40 человек. В конце, на память о Борисе Александровиче, Владыка раздал всем Евангелие. Так, с честью, похоронили дорогого и незабвенного Бориса Александровича.

На литургии, за причастием, я сказал слово. На отпевании, пред “Со святыми упокой”, говорил от Общеприходского совещания о. Чепурин и в конце, от студентов Богословского института — В.К. Лозина-Лозинский. И Чепурин, и Лозинский сказали очень хорошо.

После, вчера, Елена Филимоновна, будучи у нас, говорила, что и я, и Чепурин упустили указать в своих речах, что Борис Александрович страстно любил богослужение, находил в нем огромное наслаждение и готов был участвовать в нем сколько угодно, так что, например, утреню Великой субботы посещал чуть ли не в трех церквях, до полного почти изнеможения.

На гроб Бориса Александровича Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская возложила венок от братства Софии с греческой надписью и букет “Незабвенному ктитору университетского храма — осиротевший приход”.

На отпевании почему-то очень подчеркивалось в ектениях “чтеца Бориса”. Может быть, это и не надо было так резко: ведь не одно это звание носил почивший, и Церковь могла бы чтить в нем и деятеля науки”. На этом воспоминания о. Николая о Тураеве не заканчиваются, как долго еще не заканчивается общение с его вдовой.

Идут дни поминаения умершего...

“Вчера (27 июля) вечером, в мое отсутствие была Елена Филимоновна, долго сидела, рассказывала много о Борисе Александровиче, сообщила о служении в 3-й день в Андреевском соборе”.

“Вчера (31 июля) был 9-й день по кончине Б.А. Тураева; служил в Андреевском соборе, а затем был с женой и Верочкой у Елены Филимоновны на обеде”.

“В пятницу, 24 июля (6 августа), в день именин Б.А. Тураева, служил в своей церкви; участвовал и только что приехавший о. Николай Платонов. После службы были все на завтраке у Е.Ф. Тураевой. Она рассказала о заседании, посвященном Борису Александровичу в Академии истории материальной культуры. Очень хвалила речь Крачковского о христианском Востоке и указывала на желательность использования ее для Богословского института. Обращала на себя речь и Н.Я. Марра, но была странно построена в отделенности от религии... Прочитала интересное историческое письмо, какое она написала Рошкову, автору статьи в “Известиях” о Борисе Александровиче. Письмо написано в очень сильных тонах по отношению к современной власти, которая гнетет ученых и доконала покойного.

И, действительно, Марр рассказывал Елене Филимоновне, что М.Н. Покровский (в Москве, во главе власти относительно ученых, сам — профессор) говорил Марру, что гуманитарных ученых им не для чего поддерживать: “зачем нам давать паек какому-то египтологу...”

Когда Марр приехал в Петроград в день похорон Бориса Александровича и, ничего не зная, позвонил в Академию материальной культуры и узнал, что все от туда ушли на похороны Тураева, у него первою мыслью было послать телеграмму Покровскому: “Поздравляю, ученый паек египтолога освободился — Тураев умер”. И напрасно не послал...

В 3.30 за мною заехал Митрополит и после стакана чаю поехали в университет на заседание в память Б.А. Тураева. Кроме трех учеников покойного произнесли речи Н.Н. Глубоковский и С.А. Жебелев. Речь Глубоковского (о восточном христианстве) была весьма содержательна и, местами, с очень сильными выпадами против “тюремщиков духовной свободы”. Жебелев читал свои “Воспоминания товарища”, очень красиво в литературном отношении и очень тепло составленные.

...В 8 часов вечера, в тот же день, было еще собрание памяти Тураева — на Василеостровских курсах. Я участвовал в панихиде, за которой говорил о. Михаил Пospelов. На заседании хорошо охарактеризовал покойного А.В. Королев и закончил о. Николай Платонов. Оттуда прошли с Глубоковским ко мне и пили чай”.

“Воскресенье, 26 июля. После литургии и панихиды было приходское собрание, на котором я сказал несколько слов о Тураеве и поставил вопрос о церковном старосте. Избрали единогласно Елену Филимоновну... Днем заходила Тураева, говорили о библиотеке для Богословского института и для меня.” Место в церкви Тураева заменила его вдова, в институте — проф. И.А. Карабинов.

Дома по 2-й линии Васильевского острова, в котором располагалась квартира Тураевых

“...Вчера вечером, в 40-й день кончины Тураева, было заседание совета Богословского института, посвященное памяти Бориса Александровича. Были вдова и родственники, Преосвященный Евфимий, о. Дернов, корпорация, о. Богоявленский, академики и профессора, между прочими: С.М. Лукьянов, Э. Радлов, Латышев, Красножен, Бородин и другие. Читали: Глубоковский, Крачковский, Карабинов, Королев и Лозина-Лозинский; я предварил и заключил.

Перед началом — панихида. Все прошло очень хорошо, но Глубоковский затянул речь на час 15 минут, сказавши обо всем, что его мучит. Потом был чай, устроенный студентами. В общем было равнодушно и хорошо. Разошлись в 11 часов”.

Отношения между настоятелем и вдовой умершего академика еще долго будут теплыми и доверительными, но уже в эти дни наблюдается некоторое разномыслие, обнаруживающее принципиальную разницу в подходе к определенным вопросам. Позднее это расхождение приведет к охлаждению между двумя, казалось, духовно близкими людьми и ровесниками.

Речь зашла о переносе Митрополитом Вениамином традиционного крестного хода по Невскому от Исаакиевского собора к лавре, который проводился 30 августа по старому стилю в день св. блг. кн. Александра Невского. По просьбе большевистских властей, которые в этот день решили хоронить финских коммунистов, Митрополит отложил ход на следующее воскресенье. Чуков оправдывает перед критикой эти действия Митрополита, ссылаясь на возможные преследования в противном случае, и удивляется, “как непримиримые в отношении нынешней власти стараются в каждой мелочи видеть какое-то подслуживание власти и несоблюдение своего достоинства там, где об этом как будто не может быть и речи”. История однако показала, что власть по-своему воспринимала склонность части духовенства к компромиссам с нею.

Но до охлаждения с Тураевой еще очень далеко. В

именины Веры, дочери Чукова, Елена Филимоновна приготавливает просфору и приходит с сыном Юрой на праздничный обед. Они дарят имениннице книги, которая затем, вместе с Юрой, идет в Александрийский театр. Тураева председательствует 11 октября на собрании братства Софии.

“Сегодня (17 октября) с женой — записывает Чуков — были у Тураевой; я служил молебен и панихиду. Молитва за Покров — праздник в деревне. Елена Филимоновна подарила мне образ Влахернской Божией Матери, писанный на шелку, привезенный Тураевым из Константинополя и, кажется, полученный им от Вселенского Патриарха. Осмотрел у нее несколько икон, которые она дает в церковь... Вместе с другими у нас набирается порядочно икон русских святых — мечта Бориса Александровича. Думал все их симметрично расположить в трех комнатах храма нашего”.

Вскоре Елена Филимоновна делает еще один подарок. “Вечером (27-го октября/ 9 ноября) была у нас и обедала Тураева (без меня, так как я был на заседании совета института). Вчера прислала нам в подарок блюдо с изображением русской Потсдамской церкви трудов о. А.П. Мальцева и в письме добавляла: “Это — воспоминание для нас с Борисом Александровичем приснопамятного о. А.П. Мальцева. Изображенная Потсдамская русская церковь — место начала трудов о. Алексия П-ча, а для Бориса Александровича — место его лучших воспоминаний о первой заграничной поездке — времени его юных грез, его надежд, как личных, так и религиозно-национальных.

Душевно желаю, чтобы Ваша деятельность, Николай Кириллович, увенчалась бы таким же успехом, как деятельность о. Алексия; желаю также, чтобы Ваш дом с Валентиной Дмитриевной (женой Чукова — В.А.) служил, подобно мальцевскому приюту, местом отдохновения для всех путников тяжелого жизненного пути. Для Вас это тем легче, что у Вас есть теплый семейный уют, чего лишен был “белый архиерей” Берлина”.

Очевидно, Тураев познакомился с прот. Алексием Мальцевым, настоятелем русской посольской церкви, в Берлине во время своей научной командировки в 1891–1893 годах. Мальцев был также председателем Князь-Владимирского братства, которое выстроило в Германии несколько православных храмов, в том числе церковь свв. Константина и Елены на русском кладбище в берлинском районе Тегель. В Доме трудолюбия братства, стоявшем на этом кладбище, жил Мальцев и его Тураева называет “местом отдохновения”.

18 декабря 1920 года прот. Николай Чуков впервые служил в Казанском соборе как его новый настоятель. Закончилось служение в университетской церкви, которое продолжалось двадцать месяцев и во время которого Чуков сблизился с покойным Тураевым и его женой. Правда, короткое время он еще формально заведовал

университетским храмом, пока в нем не укрепился о. Владимир Лозина-Лозинский. Новые обязанности в соборе, активная работа в институте и Общеприходском совещании постепенно ослабляли связь о. Николая с университетом, хотя и профессора и Елена Филимоновна по-прежнему участвовали в заседаниях братства Софии.

10 января 1921 года она снова делает Чукову рождественский подарок на память “от Бориса Александровича” и об университетском храме — “изображение ап. Павла на камне из Рима, приобретенное им в Риме. И сопровождала это письмом: “Примите это изображение Первоверховного ап. Павла, приобретенное Борисом Александровичем в Риме, в соборе, при мощах апостола. Подобно изображению Божией Матери Влахернской, приобретенном во II-м Риме — Царьграде, да будет оно Вам твердым подкреплением в трудах Ваших.

Я уверена, что Борис Александрович, любя Вас, и сейчас переживает Ваши радости и Ваши волнения; дерзновенно уповаю, что молится в ином мире так же, как молился, бывало, о Ваших начинаниях в Богословском институте.

Думаю поэтому, что и для Вас святыни, дорогие по самому их существу, будут дороги и как воспоминание о полюбившем Вас человеке. И в праздник Рождества Христова, столь любимый Борисом Александровичем, решила поднести этот подарок, как бы от лица его”.

*Потсдамская русская церковь
св. блгв. кн. Александра Невского*

23 января вместе с о. Лозинским и о. Платоновым прот. Николай снова служил в университетской церкви литургию и панихиду в полугодовой день кончины Бориса Александровича и 9-й день кончины отца Елены Филимоновны. “Пел братский андрееский хор. Прошло все торжественно и тепло. Слово сказал о. Лозинский. Я — несколько слов пред отпуском панихиды. Потом обедал у Тураевой”.

Елена Филимоновна, однако, не ужилась с новым настоятелем, летом вышла из старост и даже перестала бывать в университетской церкви, для которой так много сделала.

Следующая запись, связанная с Тураевым, датирована 2 июля. “Вечером у Тураевой — кружок учеников Бориса Александровича. Меня выбрали председательствовать. Наметили к 14 сентября 1922 года издать историю египтологии (биография Шампальона, краткий очерк западной и подробно историю русской египтологии); дата избрана потому, что в этот день, сто лет назад, Шампальон прочел доклад о своем открытии — дешифровке надписей Египта. Потом решили принять меры к изданию Академией наук сборника в память Б.А. Тураева; сами решили к каждому собранию

приносить материалы для биографии Бориса Александровича”.

Панихиду в годовщину смерти Тураева прот. Николай служил вечером 22 июля в церкви Богословского института. Было 7 священников; перед панихидой Чуков произнес слово о покойном. В день кончины он побывал на могиле Тураева на Никольском кладбище лавры, где встретился с его вдовой. На следующий день отслужил литию на могиле, в присутствии студентов института.

6 августа 1921 года, в день Ангела усопшего, его ученики вновь собрались у вдовы. “Решили: к будущему году (к годовщине) приурочить выставку в новой зале Эрмитажа с выделением как-то имени Тураева, подготовить аналитическую библиографию его трудов наподобие имеющейся на французском языке Броссе (на русском еще ничего подобного нет). Тогда все доклады о нем можно было бы отпечатать и к ним присоединить библиографию — это и был бы сборник в память Бориса Александровича. Решили переговорить с Марром и двинуть дело”. Делая эту запись, прот. Николай еще не знал, что через год в это время он будет сидеть в камере смертников, ожидая расстрела.

Через три недели Елена Филимоновна передала “Воспоминания о муже” для близкого ему по душе о. Чукова”, где записала все, что касается наших отношений с Борисом Александровичем, начиная с нашего знакомства первого; все, что он обо мне говорил, судил, предполагал; тут же и об институте. Интересно и для меня назидательно”. Куда исчезли эти воспоминания?

Не прошло и года со дня кончины Бориса Александровича и 23 марта его вдова приняла тайный постриг с именем Иулиании, очевидно, в честь прав. Иулиании Лазаревской, жившей в XVII веке.

С этого времени матушка Иулиания посвящает свою жизнь преимущественно служению Богу и Церкви.

За отъездом части профессуры и из-за занятости самого Чукова летом прекратились заседания братства Софии, но Елена Филимоновна с сыном продолжала бывать у Чуковых — уже как друг дома — на разных семейных праздниках. Со своей стороны прот. Николай не забывал университетскую церковь. “Во вторник, 8 /21 февраля (1922) служил с Митрополитом в университетской церкви; потом чай в квартире проф. Л.П. Карсавина. Собралось много профессоров. Гревс сказал сердечную речь о единении цвета науки с церковью и о несомненном возрождении “с Востока”. Многие говорили; говорил и я, указав на факты: два года назад в этот день в храме “было не более десяти человек профессоров”, теперь собралось несколько десятков; если так пойдет, то торжество возрождения и единения — не за горами”.

Торжество, увы, не состоялось — вскоре безбожная власть начала гонение на Православную Церковь, которое коснулось и верующих интеллигентов.

*Могила академика Б.А. Тураева
на Никольском кладбище Александро-Невской лавры*

Тогда же настал час испытаний и для настоятеля Казанского собора — 30 мая 1922 года он был арестован, вместе с Митрополитом Вениамином приговорен к расстрелу по делу об изъятии церковных ценностей, помилован, провел в заключении полтора года и был в конце ноября 1923 года досрочно освобожден. Все время заключения матушка Иулиания постоянно навещала заключенного и писала ему.

Репрессии 1930-х годов миновали вдову известного академика — она получала персональную пенсию и вела незаметную монашескую жизнь в своей квартире на Васильевском острове.

Войну Тураева провела в блокадном Ленинграде (ее сын Юрий, вероятно, погиб), о чем можно узнать из воспоминаний проф. Н.А. Мещерского, который встречался с ней в 1946 году и которому она поведала о последних днях небезызвестного Н.Ф. Платонова.

Он, оставаясь настоятелем Андреевского собора, стал обновленческим митрополитом и много зла принес православным, но в конце жизни, в тяжелые дни блокады, пытался примириться с Церковью.

Скончалась монахиня Иулиания (Тураева) 13 февраля 1948 года. Ей было за восемьдесят. Где она была погребена установить пока не удалось. На могиле ее знаменитого мужа на Никольском кладбище лавры сейчас нет ни креста, ни надгробия. Никто не заботится о ней. Имя самого Тураева, правда, не забыто, но в его биографиях никогда не упоминается, что он всегда был глубоко верующим православным христианином. Друзья и коллеги Тураева об этом, конечно, знали, но писать по понятным причинам в советских изданиях не могли. Когда они умерли, остались лишь устные рассказы. Теперь с помощью документального источника можно вновь открыть забытую правду.

Елена Бадьянова

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Пахнет Вербное воскресенье
Свежей зеленью вербы и ладаном,
А душа поет светлым веселием,-
О! Для радости,-
много ли надо нам?
Чтобы слышать
к заутрени дивной
Колокольный звон переливный
И спешить под весенним ливнем
В Божий Храм –
там, где ангельским гимном
Наполняется сердце –
мы слышим, –
Позабыв свою скорбь и тревогу,
Чудо-песнь:
«Слава в вышних Богу...»
И душою
становимся
выше.*

ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

*Пятница Великая -
Строгий день поста.
Долу очи опусти
и сомкни уста.
И Евангельским словам
вонмем сердцем чистым,
Огонек свечи страстной
задрожит лучистый
От слезы, что капает на горячий воск,
В душу мне голубкою прилетел вопрос:
«О, претерпишь ли ты все и останешься
Истине Святой верна,
мраком не обманишься?»
Господи, дай силы мне,
разум и терпение,
С Божьей помощью
не страшно никакое терние,
И ничто не разлучит
от любви Творца,
В православии святом -
буду до конца!*

НАШИ ХРАМЫ

Н.Э. Ивкова

Церковь свв. Апостолов Петра и Павла при Петербургском университете

Здание Двенадцати Коллегий, в котором ныне размещается церковь Санкт-Петербургского университета, было построено в 1730-х годах по проекту архитектора Доменико Трезини. Здание совмещало две функции — административную и торговую: в первом этаже со стороны площади, под аркадой “гостиного двора”, торговали, с противоположной стороны здания находилась “коммуникация” — двухэтажный коридор, в котором располагались Коллегии, как назывались XVII веке министерства.

С 1804 г. часть здания Двенадцати коллегий занимал Педагогический институт, который в 1819 г., согласно проекту министра просвещения С.С.Уварова, “принял вид и действие университета”. Отныне в здании коллегий (до 1859 г., когда Педагогический институт был упразднен) одновременно находились два учебных заведения, будучи по сути единой структурой. 8 февраля 1819 г. состоялось торжественное открытие занятий в новом помещении, и в этот же день была освящена для студентов института и университета Преображенская церковь.² По всей вероятности, она располагалась тогда на втором этаже.

Сначала особого причта в церкви не было — в ней служили иеромонахи, присылаемые из Александро-Невской лавры. Первым законоучителем университета (1819–1827) был священник Герасим Петрович Павский, личность довольно яркая — он в течение 10 лет преподавал Закон Божий царским детям и всю жизнь посвятил переводу Ветхого Завета с еврейского на русский язык. В 1827 г. должности священника и законоучителя были объединены и ее занял свящ. Василий Борисович Бажанов. Когда в 1835 г. он был призван ко двору, должности священника и законоучителя снова разделились. Отец Василий остался законоучителем при Университете (в 1835 г. богословие было введено как обязательный предмет на всех факультетах), а священником в университетскую церковь был определен о. Павел Федорович Солярский.

Пока не удалось найти документы, раскрывающие причины и точную дату распоряжения полностью передающего здание коллегий Университету. Известно однако, что в письме министру народного просвещения кн. К.А. Ливену от 7 декабря 1828 г. сообщается о распоряжении Николая I “поручить сделать план для будущего помещения в доме коллегий университета, его пансиона и Педагогического института, расположив помещения следующим образом: внизу профессоры и чиновники; в бельэтаже классы, би-

С.-Петербургский университет, главный корпус (здание Двенадцати коллегий). Фото начала века

блиотеки и рекреационные залы, а вверх спальни” (РГИА, Ф.733, Оп.87, Д.285, Л.1).

В 1828 г. архитектору Синода Аполлону Феодосьевичу Щедрину было поручено составление проекта приспособления старинного трезиньевского здания для учебного заведения. Университет на это время перевели в здание Благородного пансиона (на углу Звенигородской и Кабинетной улиц), где уже имелась своя церковь. Работы по перестройке коллегий начались после 1824 г. Открытая аркада была застеклена, вдоль фасада был разбит сад, огражденный чугунной решеткой. Почти все помещения были отделаны заново, скромно и функционально. Из прежних интерьеров сохранился лишь Петровский зал.

Когда, вероятно, шли споры о переустройстве Сенатского (Актового) зала, то Уваров предложил перенести церковь в помещение 3-го этажа пятого ризалита и в смежные с ним три комнаты, расположенные вдоль главного фасада до шестого ризалита (ЦГИА СПб Ф.513, Оп.102, Д.2422, Л.3), устроив аудитории в помещениях второго этажа (ЦГИА СПб Ф.2422, Оп.1, Д.91, Л.3). О нахождении церкви в центральной части здания сегодня напоминает сохранившийся на фронте шестого ризалита золоченый куполок, над которым когда-то возвышался крест.

В апреле 1836 г. были утверждены проекты оформления нового церковного зала, составленные А.Ф. Щедриным. Следующим летом церковь уже была готова. Это был трех-

Интерьер храма свв. апп. Петра и Павла при С.-Петербургском университете. Фото начала века

купольный зал в шесть окон по восточному фасаду здания. «В храм ведут трои двери: одни с главного входа, от биржи, другие — боковые из комнат университетских. Притвор составляет площадка в три окна, огражденная, со стороны лестницы, железной решеткой. Самый храм состоит из трех отделений: собственно церкви в 6 окон, алтаря — в 2 окна и ризницы, в 1 окно, отделенной от алтаря деревянною, оштукатуренную стеною». Достопримечательностью храма был запрестольный крест — серебряный, вызолоченный, весом около 15 фунтов.

Строгий классический ансамбль украшал лепной белый карниз, выполненным П.Балиным, 12 живописных вставок, изображавших пророков: Моисея, Захарию, Давида, евангелистов: Иоанна, Матфея, Марка, Луку и апостолов: Иакова, Андрея, Петра и Павла. Росписи принадлежали кисти известного художника академика живописи Петра Михайловича Шамшина, чьи работы украшали многие петербургские храмы (в том числе Исаакиевский собор) и храм Христа Спасителя в Москве. Им же были выполнены и иконы — «12 праздников» большого каменного «под мрамор» (белого) иконостаса. Иконы были написаны частью на медных, частью на кипарисных досках.

Накануне освящения храма, 28 июня 1837 г., князь М.А. Дондуков-Корсаков, попечитель учебного округа, пожертвовал церкви две иконы при следующем письме: «Желая содействовать устройству в доме 12 коллегий новой церкви С.-Петербургского университета и Главного педагогического института, я покорнейше прошу комитет принять от меня в дар для сей церкви две картины: святая фамилия, итальянской школы, для запрестольного образа, и Страсти Христовы, голландской школы — для образа перед жертвенником. 28 июня, 1837 г.» Купец Василий Андреевич Пивоваров, 20 лет бывший церковным старостой, подарил богатую утварь из золоченого серебра, в том числе дарохранительницу в виде готического храма, кресты, Евангелие, плащаницу и 3 бронзовые люстры. «Как дар благочестия и усердия к Вере», он «пожертвовал на благолепие новаго Храма Божия до 8 тыс. руб. сер., так, что Университет из собственной суммы издержал при этом случае не более 400 руб. сер.» 6 сентября 1837 г. Пивоваров был определен первым ктиторм церкви и за свое усердие награжден несколькими медалями и крестами.

Как мы уже упоминали, еще в 1835 г. священником университетской церкви был определен о. Павел Солярский.

До 1835 г. священник университетского причта получал жалование из экономической суммы 500 руб. асс., причетник — 250 руб. По штату 1835 г. священник стал получать 500 руб. штатного жалования и 500 — из экономической суммы, ассигнованной на содержание церкви и причетника. Сверх того, до 1837 г. причт получал деньги на наем квартиры и ее отопление, а с перемещением университета в здание 12 коллегий причту была предоставлена квартира с отоплением.

Когда работы по реконструкции здания коллегий были завершены, строительный комитет, возглавляемый ректором, проф. Иваном Петровичем Шульгиным, предложил освятить университетскую церковь во имя св. ап. Петра — небесного покровителя Петра I, но Государь Николай Павлович велел именовать ее в честь святых апостолов Петра и Павла. В день их памяти, 29 июня 1837 г., храм был освящен епископом Псковским Нафанаилом.

1837/38 учебный год начался с торжественного молебна — эта традиция потом всегда соблюдалась. Молебен служился и 8 февраля, в день основания университета. В журнале «Современник» за 1838 г. можно прочесть: «В числе посетивших этот ученый праздник он (т.е. университет) с благодарностию видел первых сановников государства, почти всех ученых столицы и множество любителей просвещения. (...) В Университетской церкви... после обедни совершено по сему случаю молебствие».

«Приход университетской церкви составляли прежде всего студенты», прежде всего «казеннокоштные», которые учились за счет казны и жили в помещениях университета. Прихожанами университетской церкви являлись также «начальство, преподаватели и все должностные лица, состоявшие при Университете и Педагогическом институте», которые тоже проживали в Университете: «Помещение первого этажа отводилось под... квартиры некоторых преподавателей и низших служащих (...). В третьем этаже — квартиры инспекторов и др. служащих». В церковь приходили и «многие обыватели, жившие вблизи Университета», обращаясь к причту за требами.

«В 1850 г. институт казеннокоштных студентов, из которых готовили учителей для средних учебных заведений, был упразднен. Вследствие этого стали учреждаться разного рода государственные и частные стипендии для студентов. ...Студенты стали жить на частных квартирах» С этих пор число студентов среди прихожан университетского храма значительно сократилось. В «Историко-статистических сведениях о С.-Петербургской епархии» сообщается: «Ныне к постоянному приходу университетской церкви принадлежат только чиновники и служители, помещающиеся в самом здании университета, а равно и семейства их. Общее число их простирается до 250 человек обоего пола. По исповедным росписям с 1828 по 1863 годы средняя цифра исповедывавшихся в университетской церкви обращается около 300 и 400 душ обоего пола». Однако надо отметить, что студенты все же составляли определенную часть прихожан, ибо многие студенты самого университета оставались на казенном содержании и продолжали посещать храм при университете.

Не прошло и четырех лет со дня освящения храма, как случилось несчастье: 6 апреля 1841 г., в 9-м часу утра, во время службы произошел пожар. Правда, он тотчас же был потушен, и служба продолжалась, но огонь произвел много повреждений церковной утвари. По приблизительному подсчету, убыток от пожара достигал 3000 руб. асс. Испор-

*Петропавловская церковь
С.-Петербургского университета. Современный вид*

чено же церковной утвари не менее, как на 1000 руб. асс.

Убыток от пожара в университетской церкви был полностью возмещен старостой Пивоваровым. “Почетный Гражданин, Церковный Староста Университетской церкви В.А.Пивоваров, — читаем мы в “Годичном торжественном акте в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывшем 8 февраля 1854 года”, — по особенному усердию к нашему Университету, ежегодно жертвует чем-нибудь для ... украшения церкви”.

Для университетской церкви настало нелегкое время в т.н. “освободительную эпоху”. Формально исповедь и причастие были строго обязательными для всех учащихся, и необходимо было начальству приносить справку об исполнении этих таинств. Но на рубеже XIX-XX вв., согласно студенческой переписи, “из каждых 100 православных студентов только 33 признавали существование Бога”, т.е. больше половины русского студенчества были атеистами. Особенно же атеизм и нигилизм распространились в Петербурге, где “вольномыслящая” молодежь больше всего испытывала европейские идеологические и философские влияния. Отрицать Бога было зачастую признаком хорошего тона, своеобразной студенческой модой. “Идеал христианского святого, подвижника, — писал в 1909 году С.Н. Булгаков (*“Вехи”*, С. 44) — сменился образом революционного студента”.

Но конечно, общая картина не была очень мрачной. Во-первых, были и глубоко верующие студенты. Один из них в анкете студенческого опроса написал: “Я думаю, что если бы почему-либо стал атеистом, я застрелился бы” (см. *Радин Е.П. “Душевное настроение современной учащейся молодежи...”* С. 55). Во-вторых, церковная жизнь была очень тесно связана с университетской. Например, 2 марта 1881 года, “в университет стеклась масса студентов для присутствия на панихиде” по убиенному накануне 1 марта, Царю Александру II. “К 12 часам университетская церковь наполнилась профессорами, студентами, панихиду служил профессор Рождественский. Отовсюду следовали пожертвования на цветы и венки ко гробу почившего Императора.

Не был храм оторван и от учебного процесса: в нем “торжественным молебным знаменовали начало учебного года, все святые праздники, исторические памятные юбилеи, “царские дни”, отмечали юбилеи профессуры”. Не следует забывать и о профессорах, которые составляли важную часть прихожан университетской церкви. Среди них были многие известные ученые: ректор университета

А.Н. Бекетов, филолог-славист И.И. Срезневский, географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский, академик А.А. Шахматов, математик В.И. Билибин, глубоко верующий профессор химии Д.И. Менделеев. Будучи уважаемыми людьми в университетских кругах, в том числе среди студентов, они так или иначе оказывали влияние на эти “круги”. “И как же было не пойти на лекцию, — вспоминал профессор Е.В. Аничков, — если в своей обширной 7-ой аудитории читает Менделеев, не читает, а священнодействует, высокий, с гривой падавших на плечи седых волос, казавшийся студентам таинственным алхимиком

В 1905 г. святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: “Россия, если отпадешь от своей веры, как отпали от нея уже многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой. И если не будет покаяния у русского народа — конец мира близок. Бог отнимет благочестивого царя и пошлет бич, в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют землю кровью и слезами”.

Через 4 года философ С.Н. Булгаков подхватит эту мысль: “...Историческое будущее России ... стягивается в решении вопроса, как самоопределится интеллигенция в отношении религии, останется ли она в прежнем, мертвенном, состоянии, или же в этой области нас ждет еще переворот, подлинная революция в умах и сердцах”.

После 1905 года, когда революция показала свое реальное лицо, представители интеллигенции, студенческой молодежи, потеряв свою прежнюю духовную опору, связанную с надеждами на революцию, обращались к вере. В это время значительно увеличился приход Университетской церкви. Вероятно, посещали университетский храм: профессор С.С. Безобразов (позже — епископ Кассиан, один из основателей парижского Богословского института), Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов. Бывал здесь и академик-физиолог И.П. Павлов, открыто исповедовавший Православие даже в период жестоких большевицких гонений.

Уже через три месяца после своего прихода к власти большевики начали самую активную борьбу с Церковью. Началось закрытие домовых церквей в учебных заведениях, как государственных, так и частных. Для законного оформления этого процесса в Петрограде Совет комиссаров Союза коммун Северной области 7 августа 1918 г. принял постановление, где говорилось: “1. Домовые

С.-Петербург. Дом по Биржевой линии, 8, где в квартире Срезневских помещалась домовая университетская церковь Всех Святых в земле Российской присявших

За богослужением в церкви Университета

церкви и часовни всех исповеданий, существующие при учено-учебных и воспитательных учреждениях, подлежат ликвидации в срочном порядке к 10-му августа с.г., а в исключительных случаях, устанавливаемых отделами народного образования, не позже 20-го августа с.г. ...”

К закрытию домовых церквей при учебных заведениях принуждало и постановление Народного комиссариата по просвещению от 16 августа 1918 г. “Об упразднении всех церквей при государственных и общественных учреждениях”. В ответ на эти меры митрополит Вениамин (Петроградский) издал указ об открытии, по возможности, при домовых храмах обычных приходов. “Существенным признаком, определявшим, приходским или домовым является храм, ... указывалось то, что он занимает особое здание (помещение), специально предназначенное для богослужебных целей и изолированное от какого-либо жилья или учреждения”.

Ректорат Университета и староста церкви академик Борис Александрович Тураев решили выйти из затруднительного положения, зарегистрировав Петропавловскую церковь как обычную приходскую. Указывалось, что храм достаточно изолирован от учебных помещений, и что ее “автономность” не нанесет ущерба интересам университета. Решено было также добиваться признания университетской церкви памятником архитектуры и искусства, подлежащим охране, что гарантировало бы ее неприкосновенность до лучших времен. Митрополит Вениамин в сентябре 1918 г. на представленное прошение дал резолюцию: “Бытие прихода Университетской церкви благословляется. Избранный приходской совет утверждается”.

5 апреля 1919 г., на очередном заседании Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, историк К.К. Романов доложил, что им “осмотрена Университетская домовая церковь, представляющая, по его мнению, интерес и вполне заслуживающая быть охранной”. На этом заседании было постановлено взять университетскую церковь со всем ее имуществом на учет и под охрану, признав пока (к сожалению, совсем ненадолго), что “к открытию церкви для нужд прихода препятствий не встречается”. Через два месяца (3 июня 1919 г.) церкви было дано охранное свидетельство, которое гласило: “Церковь Петра и Павла при Университете с находящимися в ней утварью и иконами ... не может быть видоизменяема и перестраиваема и подлежит сохранению в полной неприкосновенности”.

Этого охранного свидетельства добился от Комисса-

риата просвещения академик Тураев. В то время он был старостой церкви и пользовался в университете большим авторитетом как египтолог с мировым именем. Поэтому из уважения к своим верующим коллегам ректор Университета профессор истории Эрвин Давидович Гримм (который, кстати, был не православным, а лютеранином) явно стремился сохранить Университетскую церковь. Также поступал сменивший его на ректорском посту профессор-зоолог Владимир Николаевич Шимкевич.

Спустя всего лишь три недели после выдачи охранного свидетельства, ректору пришло следующее распоряжение: “Согласно постановлению Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению от 6-го июня с/г Отдел высших учебных заведений предлагает всем высшим учебным заведениям в самом срочном порядке (подчеркнуто в оригинале) сообщить, имеются ли при них церкви и что сделано администрацией высших учебных заведений во исполнение Постановления Народного Комиссариата по Просвещению от 16-го августа 1918 года об освобождении помещений, занятых церквями, часовнями и молитвенными домами”. Отвечая на запрос, ректор написал, что “для учебных целей Первого Петроградского Университета нет надобности в помещении, занимаемом домовою церковью” и свидетельствует также, что церковь, находясь на 3-м этаже и имея отдельный вход, “расположена вдали от университетских аудиторий, лабораторий и кабинетов, не соприкасаясь непосредственно с ними”.

Вскоре (29 августа) церковь вызвала “особый интерес” инспектора Драницына (его портрет, кстати, и поныне находится в помещении церкви — в Музее истории Университета). Он пытался доказать, что церковь мешает учебному процессу: “Для доказательства несуществующей обособленности храма, университетская администрация стремится убедить, что церковь не соприкасается с аудиториями. Между тем из алтаря ведут двери в аудиторию (правда, эти двери закрыты). Однако, из притвора ведут двери на площадку актового зала”. Драницын использует уже искусствоведческие категории: “Я должен сказать, что никакой художественной ценности храм не представляет. Наоборот, общий характер комнат здания Двенадцати Коллегий, построенного знаменитым Трезини, нарушен тем, что, желая придать вид церковной архитектуры, при Николае I устроили в потолке куполообразные углубления, а ктитория из купцов сделали аляповатые под золото врата, совершенно не гармонирующие с воротами под белый мрамор”. “Исходя из соображений советского правитель-

Церковь свв. апп. Петра и Павла. Молитва в храме

ства”, инспектор пришел к выводу, что “церковь должна быть немедленно ликвидирована, а самое ее помещение обращено в аудиторию”.

Борьба было неравной, и в августе 1919 г. Петропавловская церковь в главном здании Университета была закрыта, богослужения запрещены и приходу пришлось переехать в новое помещение. “Эта церковь, — вспоминает Н.А. Мещерский, — помещалась в бывшей квартире Срезневских (на Биржевой линии, второй дом от Столовой). Туда она была перенесена по почину академика Б.А. Тураева, церковного старосты”. Уточним, что церковь эта находилась в доме № 8 по Биржевой линии, в квартире № 1. Как указывалось в одном из документов, квартира эта была “в 3 комнаты во втором этаже; в нижнем этаже находятся кладовые, а верхние этажи и соседние помещения заняты под жилые квартиры”. Дом принадлежал Университету.

Название новой университетской церкви (Всесвятская), которую иногда именовали “малой”, не случайно. Ведь одним из составителей службы Всем Святым в Земле Российской просиявшим был академик Б.А. Тураев. В “малой” церкви совершались богослужения, а “большая” университетская Петропавловская Церковь была передана приходу “с правом охраны”, как записано в протоколе приходского собрания. Этот документ сохранил имена преподавателей и служащих Университета, которые имели мужество в разгар начавшихся гонений назвать себя “коллективом верующих”. Вот эти имена: сотрудник Библиотеки Академии наук Василий Иванович Бойко (церковный староста после умершего в 1920 г. Тураева), профессор богословия Владимир Николаевич Бенешевич (проходивший позже по “делу митрополита Вениамина”), библиотекарь Илья Петрович Мурзин, служитель кабинета древностей Михаил Николаевич Никитин, профессор химии Вячеслав Евгеньевич Тищенко, будущий академик А.Е. Фаворский.

Прихожанином этой церкви был и будущий профессор филологического факультета ЛГУ Никита Александрович Мещерский, оставивший письменные воспоминания о тех временах: “Я ... постоянно ходил в эту церковь и там начал читать и петь. Регентом в ней был Борис Иванович Коплан, сотрудник Пушкинского Дома, специалист по языку Крылова (мы его называли Боб), женатый на Шахматовой, второй дочери академика А.А. Шахматова”. В воспоминаниях Мещерского, в частности, говорится, что в церкви служил епископ Мануил, исповедник и видный иерарх Русской Православной Церкви XX века. Университетская церковь (так называли теперь и новую церковь на Биржевой), по свидетельству Мещерского, никогда не была обновленческой. В 1921 году настоятелем храма стал новомученик о. Лозина-Лозинский, о котором подробно рассказывается в другой статье журнала.

Вторым священником домово́й университетской церкви стал о. Александр Советов, приехавший в 1923 году в Ленинград. “О. Александр, — пишет Мещерский, — окончил Ярославский юридический лицей, потом, во время Первой мировой войны, поступил в кавалерийское училище и служил офицером в драгунском полку. После войны он попал в Вологодскую область, в Тотьму. Будучи всегда церковным человеком, даже на военной службе, он принял в Тотьме священство”. После ареста о.Владимира Лозина-Лозинского в феврале 1924 г. настоятелем университетской церкви, по всей вероятности был о.Александр Советов. Но длилось это недолго, ибо уже 19 апреля 1924 г. и Всесвятская домовая церковь была закрыта.

Святыни Университетской церкви

Не только о. Владимир принял мученическую кончину. Петербургский университет имеет и “своего”, уже прославленного Церковью небесного покровителя. Это — св. мученик Юрий, расстрелянный в 1922 году большевиками по так называемому “делу об изъятии церковных ценностей” вместе со сщмч. Вениамином, митрополитом Петроградским, архимандритом Сергием (Шеиным) и мучеником профессором Иоанном Ковшаровым.

Юрий Петрович Новицкий, по его собственному признанию, с детства был воспитан в благочестии, со 2-го класса гимназии участвовал в богослужении. Будучи профессором уголовного права Петроградского университета, он занимался благотворительностью и патронажем арестованных. По злой иронии судьбы, криминалист-общественник до революции боролся против смертной казни. На большевизком судилище он не признал себя виновным и заявил: “Если в этом деле нужна жертва, я готов встретить смерть без ропота. Прошу пощадить остальных”. Скорбел он лишь об остающейся сиротой 14-летней дочери. 4 апреля 1922 года Русской Православной Церковью Юрий Петрович Новицкий причислен к лику святых.

Несмотря на охранное свидетельство, полученное приходом, уже в конце 1922 г. началось ограбление церкви свв. апп. Петра и Павла. 17 подсвечников, столько же лампад, подставка, купель, канделябр, поминальный столик и сосуд для освящения хлебов — всего 39 предметов — были приняты 31 января 1923 г. на завод им. Карла Маркса как медный лом. Есть сведения, что “в 1925 г. иконостас из университета перевезли в расположенный неподалеку Музей отжившего культа”, но все попытки узнать дальнейшую

судьбу икон не увенчались пока успехом.

Власти не ограничились изъятием богослужебных предметов. «При изъятии церковных ценностей из ликвидированной церкви при Петроградском Университете, — писал в 1922 г. ректор университета Державин в Петроградский Губисполком, — ... тов. Дмитриевым и тов. Герасимовым ... был составлен акт от 7 декабря о безусловном оставлении за Университетом всей хозяйственной обстановки (в т.ч. шкафов, столов, стульев, штор и проч.). ... Несмотря на это, 16-го декабря 1922 г. представителями В.О. (Василеостровского) Райисполкома была вывезена большая часть означенных и заявлено, что и прочее будет взято». Однако Василеостровский райисполком сообщил, что «распоряжение об оставлении Гос. Университету предметов хозяйственной обстановки из бывшей домово́й церкви исполнено быть не может, так как стулья и ковры уже вывезены и переданы ... в распоряжение жилищного подотдела», «оконные шторы, находившиеся в кладовой Исполкома, выданы обратно Университету согласно акта 12-го января».

5 сентября 1923 г. в церковный стол Губисполкома поступило письмо Государственного оптического института (он занял теперь дом № 8 по Биржевой линии, где находилась и бывшая квартира Срезневского), в котором говорилось: «Ввиду того, что церковь «Всех святых русских» является домово́й, а также находится в здании учебного заведения, (постановили) просить Губисполком таковую закрыть».

19 апреля 1924 г. на заседании Президиума Ленинградского Губисполкома Административный отдел вынес на рассмотрение вопрос (за № 11 и под грифом «секретно») о закрытии и ликвидации церкви Всех Святых. Постановили «Церковь, как домовую, закрыть и ликвидировать». Точная дата закрытия и опечатывания церкви Всех Святых в Российской Земле просиявших весьма символична — Страстная среда 1924 года.

В 1989 года при Университете возникла первая православная община Петербурга, поставившая своей целью возобновить богослужения в высшей школе. В 1991 г. университетская община было официально зарегистри-

Константин Павлович Иванов († 1992), староста университетской общины

рована. Возглавил ее Константин Павлович Иванов, ученый-этнолог, ученик известного Л.Н. Гумилева. Он был главным вдохновителем и двигателем дела возрождения университетской церкви. Его трагическая гибель в 1992 году стала невосполнимой утратой.

С ноября 1996 года настоятелем храма святых апостолов Петра и Павла является о. Кирилл Копейкин. Отныне в помещении церкви, где по-прежнему располагается Музей истории Университета, разрешено каждую среду проводить богослужения, а по двенадцатым праздникам совершать Божественную литургию (первая была отслужена в 1997 году, в престольный праздник). Стараниями общины созданы престол, жертвенник и солея; пожертвованы

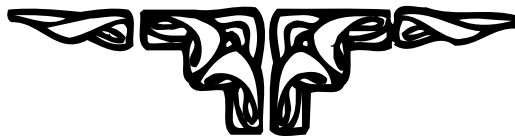
Проповедь

подсвечники и несколько икон, и написана икона новомученика Юрия Новицкого. В праздник Введения Пресвятой Богородицы в 1999 году епископ Тихвинский Константин, ректор Духовных школ в Петербурге, совершил в храме первую архиерейскую литургию. Но храм и к юбилейному 2000-му году Рождества Христова остается не переданным общине, существующей уже десять лет.

Летом 1999 года в Петергофе началось строительство отдельного нового Университетского храма. Есть надежда, что и домовая церковь апостолов Петра и Павла в здании Двенадцати коллегий вскоре займет достойное место в жизни Санкт-Петербургского Университета.

Библиография:

1. Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в 3-х томах. СПб. 1996, Т.2.
2. Вехи. М. 1909.
3. Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. СПб. 1854.
4. Григорьев В. Императорский С.-Петербургский Университет в течение первых 50 лет его существования. СПб. 1869.
5. 275 лет. Санкт-Петербургский Государственный Университет. Летопись 1724–1994. СПб. 1999.
6. Древности Российского Государства, изданные по Высочайшему повелению Государя императора Николая I. Отд. 1–6. М. 1849–1853.
7. Зодчие Санкт-Петербурга. СПб. 1998.
8. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб. 1878. Вып. 6.
9. Ключевский В.О. О русской истории. /Под ред. В.И. Буганова/ М. 1993.
10. Олесич Н. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского Университета. СПб. 1998.
11. Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып. 1.
12. Очерки по истории Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1994.
13. Плетнев П.А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб. 1844.
14. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995.
15. Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб., 1991. №3.
16. Санкт-Петербургский университет. СПб. 1991. №22 (3287).
17. Санкт-Петербургский университет. СПб. 1997. №8 (3442).
18. Ф.М. Достоевский. Собр. соч. изд. 6-е. Т.7.
19. Современник. 1838. Т.10.
20. Чистович Л.А. История перевода Библии на русский язык. СПб. 1899.
21. Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб. 1995.
22. Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб. 1994.

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Л.А. Карнычева

НОВОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ

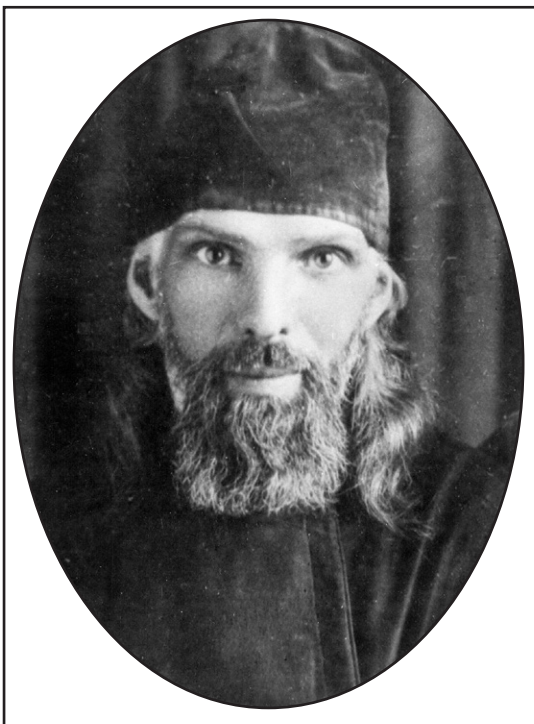
Чем дальше река времени уносит нас от страшного большевизма(*) лихолетья, тем явственней из Вечности проступают святые имена и лики тех, чьей мученической кровью омылась наша Православная Церковь, чьими молитвами еще жива Россия...

Среди новомучеников Российских — лучшие представители образованного класса из дворянства и интеллигенции, кто, осознав свою ответственность за постигшие народ бедствия, внял призывному гласу Матери-Церкви. С горячей верой обратились они ко Христу-Спасителю, готовые пострадать за Него даже до смерти. Этим тернистым путем прошел мч. Юрий, профессор Петроградского университета, убиенный вместе со священномучеником Вениамином, митрополитом Петроградским, и одним из первых прославленный Русской Православной Церковью в лике новомучеников.

Мученического венца сподобился и настоятель Университетской церкви тех времен, выпускник Петербургского университета, прот. Владимир Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский.

Будущий о. Владимир родился 26 мая 1885 года в г. Духовщина Смоленской губернии, в семье земских врачей (1). Столь необычная его фамилия объясняется происхождением из древнего дворянского разветвленного рода Лозинских, одна из ветвей которого — чтобы отличить ее от остальных, указом Сената получила приложение «Любич-Ярмолович-Лозина». Род этот по происхождению польский, католический, постепенно обрусел, многие его представители перешли в православие. Среди них появились и священники — брат деда о. Владимира служил настоятелем Брацлавского собора в Подольской губернии (3).

Отец о. Владимира, Константин Степанович, был по убеждениям народником, что во многом определило его карьеру и судьбу. В молодости Константин Степанович увлекался народофильским движением, но, по его словам, «не проникся необходимой для борьбы озлобленностью»

и не стал членом террористической организации. Мать, Варвара Карловна (урожд. Шейдеман) — дочь генерал-лейтенанта, героя Крымской войны, командовавшего артиллерией при штурме Евпатории (4). Происходя из богатой немецкой обрусевшей семьи, она во многом разделяла взгляды мужа на служение народу и одной из первых женщин России получила высшее медицинское образование, закончив Женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале (5). Варвара Карловна самоотверженно и жертвенно трудилась в земской больнице. Там она заразилась тифом и умерла в 1888 году. По свидетельству родных, ее даже не в чем было хоронить, так как многое из своего платья она раздала бедным пациентам (6).

Овдовев, Константин Степанович с двумя малолетними сыновьями — Владимиром и Алексеем, вернулся в Петербург. Здесь он получил место врача на Путиловском заводе и женился на Ольге Владимировне Сверчковой, заменившей — насколько это возможно — осиротевшим братьям мать.

Большая семья, в которой родилось еще трое детей, была очень дружной, но особой благочестивостью не отличалась. По обычаю того времени, все (кроме отца) говели Великим постом, исповедовались и причащались на Страстной, ходили к Пасхальной заутрени. Владимир рос очень болезненным и впечатлительным ребенком, отличаясь необыкновенной добротой и бескорыстием. «Владимир всем старался выразить сочувствие, любовь и заботу, был душой общества, умел всех объединить и развеселить», — так вспоминала о нем сестра Ирина (10). Ему органично был присущ утонченный аристократизм, прекрасно говорил он на европейских языках, писал стихи (некоторые даже по-французски).

В 1904 году Владимир успешно окончил гимназию Императорского Человеколюбивого общества на Крюковом

канале (7) и сразу поступил на юридический факультет университета. В отличие от своего брата Алексея его — вопреки некоторым опубликованным сведениям — из университета никогда не отчисляли и в студенческих волнениях он не участвовал (8). Только имея безупречную репутацию и политическую благонадежность, он смог в 1910 году поступить на службу в такое государственное учреждение как Правительствующий Сенат. Одновременно молодой юрист продолжал изучать историю права и архивного дела и через два года окончил Археологический институт.

К 1916 году он — уже помощник обер-секретаря Второго (Крестьянского) департамента, титулярный советник, кавалер ордена Станислава 3-й степени. Впрочем, эту награду Лозина-Лозинский получил «за труды понесенные при условиях военного времени», когда в 1914 году был командирован в Общество Российского Красного креста. Как многие патриотически настроенные люди, Владимир Константинович стремился на фронт, но не был взят на действительную службу по состоянию здоровья. В должности помощника начальника Петроградской Санитарной автомобильной колонны он руководил перевозкой раненых с петербургских вокзалов и распределял их по лазаретам (9). Работая самозабвенно целыми сутками, Владимир Константинович проявлял редкую доброту, сострадание и милосердие. Когда в 1917 году большевики закрыли Сенат, ему пришлось поступить на работу статистиком на Московско-Рыбинскую железную дорогу.

Желание стать священником, по-видимому, вызревало в Лозина-Лозинском постепенно под влиянием Русской катастрофы. Большим потрясением для Владимира Константиновича было и самоубийство любимого брата Алексея, поэта «серебряного века», члена партии меньшевиков. Эта трагедия, происшедшая в 1916 году, укрепила его веру в Спасителя, заставила глубже задуматься об ответственности за ближнего и о своем истинном предназначении. В предсмертной записке Алексей написал брату: «Пусть мама заступится передо мной перед Богом, а за тебя мы с ней заступимся». Но Господь судил иначе — заступником пред Ним за своих близких и за всех нас, грешных, стал о. Владимир.

Впервые о своем решении стать священником Владимир Константинович заявил в дни, когда начались открытые гонения на Церковь. На его глазах в 1918 году арестовали, а затем расстреляли близкого Лозина-Лозинским священника — настоятеля Феодоровского собора в Царском Селе прот. Александра Васильева, последнего духовника Царской семьи перед ее арестом (11). Одно время о. Александр служил в храме Крестовоздвиженской общины сестер милосердия на Фонтанке, где Лозина-Лозинские были прихожанами. Незадолго до своей мученической кончины о. Александр стал настоятелем церкви св. вмц. Екатерины (Екатерингофской) и должен был занять ту квартиру в приходском доме на Рижском проспекте, в которой жили Лозина-Лозинские.

Владимир Константинович пережил эту трагедию как призыв к священническому служению и в глубине сердца возжелал такой же славной мученической участи. Способность к героическому жертвенному служению народу, унаследованная им от родителей, воспитанная средой, чудесным образом претворилась в его душе в подлинно жертвенное подвижничество ради Христа, готовность «душу свою положить за други своя» (Ин. 15, 13). В глазах

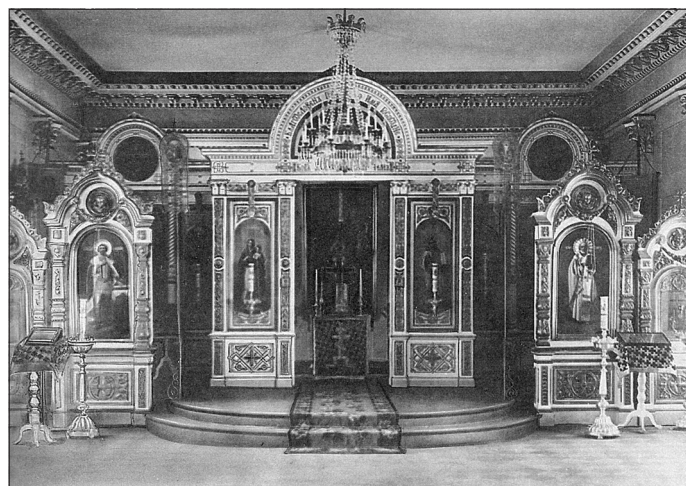

Смоленск. Успенский собор

родных такое решение Владимира Константиновича казалось безумием, все отговаривали его от столь опасного в то время шага, но безуспешно.

Духовная академия, где можно было получить соответствующее образование, быда уже закрыта, но едва в 1920 году в Петрограде появился Богословский Институт, Владимир Константинович был зачислен на его первый курс. 18 ноября этого же года он подал прошение о рукоположении и 14 декабря получил назначение в бывшую Петропавловскую церковь университета (12), где настоятелем в то время был прот. Николай Чуков, ректор Богословского института, впоследствии высокопреосвященный Григорий, митрополит Ленинградский и Новгородский.

К сожалению, не удалось точно выяснить, когда и кем был рукоположен о. Владимир. Известно однако, что уже 23 января 1921 года он вместе с настоятелем служил в университетской церкви панихиду по старосте храма академике Б.А. Тураеве. Предположительно, с августа 1921 года (13) и вплоть до своего первого ареста 4 февраля 1924 года священник Владимир был настоятелем этой церкви, которой пришлось переехать из Главного здания в один из соседних домов на Биржевой линии, где она была освящена в честь Всех Святых в земле Российской просиявших.

Храм Кресто-Воздвиженской общины сестер милосердия

При этом о. Владимир не оставляет учебу и в 1923 году получает диплом об окончании Богословского института.

Он не был женат, став священником на тридцать шестом году жизни. Чуткий, открытый, искушенный в светских науках, молодой батюшка всецело отдался своему служению, легко нашел путь к сердцу непростой паствы, снискал ее доверие и любовь. Как относились прихожане Университетской церкви к о. Владимиру свидетельствуют следующие строчки из адресованного ему письма: «Ваши всегда теплые и глубокие слова пастыря дают мне прилив энергии и сил. Особенно теперь, когда я ...совершенно духовно переродился и решил идти в жизнь освеженный и вдохновленный идеей возрождения крепкой, могучей России, Святой Руси...» (14)

У родственников о. Владимира Лозина-Лозинского хранится икона с изображением св. блгв. кн. Владимира, подаренная ему в день именин с надписью на обороте: «Глубокоуважаемому и любимому пастырю отцу Владимиру Лозина-Лозинскому от первых прихожан скромной Университетской церкви Всех Святых, просиявших в церкви Российской, с горячим пожеланием ему навсегда сохранить в душе тот священный огонь, которым он привлек сердца своей паствы. Гор. Петроград. 15 июля 1921 г.»

Это молитвенное пожелание сбылось — священный огонь в душе о. Владимира пронес сквозь все испытания, выпавшие на его долю. Свой исповеднический путь он начал, когда впервые был арестован 4 февраля 1924 года по сфабрикованному ОГПУ делу о «православных братствах», следующему после судебного процесса над сщмч. Вениамином и с ним пострадавших. Православные братства, коих в Петрограде насчитывалось два десятка, занимались благотворительной, миссионерской, просветительской деятельностью (16). Многие из них были созданы по постановлению Поместного собора 1917–1918 «в целях ограждения от расхищения церковного достояния, возвращения уже отобранного и защиты гонимых ... из преданных Церкви людей» (15).

Братства были реальной церковной силой и их разгром, по замыслу властей, должен был укрепить обновленцев и ослабить Церковь. Следствие объявило православные братства «контрреволюционной Мануиловской организацией» (17), ибо именно епископ Мануил (Лемешевский), в тот момент управлявший епархией, повел успешную борьбу с обновленцами. Владыка также возглавлял одно из городских братств — Спасское.

Трудно сказать, принадлежал ли формально о. Владимир Лозина-Лозинский к какому-либо братству, но, безусловно, он относился к числу самых преданных Церкви людей. Известно также, что ему несколько месяцев довелось служить вторым священником в церкви свв. Космы и Дамиана (18), где настоятельствовал еп. Мануил. В свою очередь, сам епископ иногда служил в университетском храме, который не перешел к обновленцам (19). Батюшку арестовали одновременно с еп. Мануилом, однако, благодаря хлопотам родных и «острому душевному расстройству заключенного», как сказано в медицинском заключении, вскоре (17 мая) освободили. Насколько серьезно и нелепо было подтвержденное врачами психическое заболевание о. Владимира, теперь судить трудно. Все его показания, зафиксированные следователями, отличаются глубокой продуманностью, осторожностью и взвешенностью, присущими юридически образованному человеку, не желавшему никого предать.

С.-Петербург. Церковь свв. бессрр. Космы и Дамиана при лейб-гвардии Саперном батальоне на Кирочной улице

Возможно, в это время обострились нервозность и возбудимость — симптомы базедовой болезни, которой давно страдал заключенный. Чтобы спасти о. Владимира, именно их, вероятно, использовали его родные — отец, известный в рабочей среде доктор, и сестра Ирина, врач нервной клиники, которая поехала в Москву и добилась приема в Комиссариате юстиции у П.А. Красикова, хорошо знавшего по партии Алексея, брата о. Владимира. Красиков сочувственно подсказал выход: «Как же, как же — говорят, он стал священником, вот сумашедший, вот сумашедший... Напишите Вашим родителям, чтобы они получили справку от врача о том, что Владимир Константинович нервноболевой, и принесите ее мне» (20).

Подали властям соответствующие ходатайства и университетские профессора, среди которых был юрист А.А. Жижиленко, выступавший общественным защитником сщмч. Вениамина (21). Хлопоты родных и близких увенчались относительным успехом — о. Владимир был освобожден и взят на поруки отцом (22). Следует, однако, заметить, что никто из хорошо знавших о. Владимира Лозина-Лозинского никогда серьезно не считал его психически ненормальным человеком.

Храм во имя прп. Онуфрия Великого на братском кладбище — последняя из легально действовавших до конца 1920-х годов церковь в Соловецкой обители

Епископ Василий (Зеленцов)

Ровно через год, 15 февраля 1925 года, батюшка был вновь арестован, на сей раз — вместе с группой выпускников Императорского Александровского лицея. Формально они обвинялись в монархическом заговоре и служении панихид с поминовением Императорской семьи. Службы проходили в Космодемьянской церкви, прихожанами которой стали многие бывшие лицеисты, в том числе директор Лицея В.А. Шильдер и его сын, лицеист М.В. Шильдер, член церковной «двадцатки», впоследствии расстрелянный (23).

После закрытия собственного домового храма лицеисты выбрали бывшую при лейб-гвардии Саперном батальоне церковь, отчасти потому, что именно там был захоронен командир лейб-гвардии Саперного батальона генерал-адъютант К.А. Шильдер — родственник директора Лицея (24).

В обвинении, предъявленном священнику Лозина-Лозинскому, говорится: «...достаточно изобличается в причастности к деятельности монархической организации, выразившейся в том, что он по поручению представителей организации служил открыто панихиды по бывшим царям, в том числе по расстрелянному Николаю Второму, также служил панихиды по расстрелянным и умершим при советской власти, чем вносил возбуждение в темные массы, посещающие церковь» (25). О. Владимира в числе 34 человек приговаривают к расстрелу, но затем, в окончательном приговоре от 29 июня 1925 года, высшую меру наказания заменили заключением на десять лет в Соловецкий концлагерь, куда его отправили 8 июля.

Яркая личность о. Владимира запомнилась многим его соузникам-соловчанам. «Изящный, с небольшой красивой остриженной бородкой, он уже по внешности отличался от общего типа русского духовенства...» Аристократизм поведения, наклонностей и привычек не исчезал даже, «когда он отвешивал вонючую воблу» в продовольственном ларьке, разносил посылки или мыл управленческие уборные. Но врожденный такт «и, главное, светившаяся в нем глубокая любовь к человеку сглаживали внешние различия с окружающими», делали о. Владимира своим в среде духовенства. Он был «так воздушно-светел, так легко-добр, что кажется воплощением безгрешной чистоты, которую ничто не может запятнать» (26).

Лагерную жизнь о. Владимир принимал смиренно и безропотно, «покорясь велению Божьему», как писал он в одном из своих стихотворений. Он со всеми был приветлив, ласков и весел; любил шутку и острое словцо. С мирянами часто заводил разговор о вере, используя примеры из художественной литературы и новейшей философии. Из священников был дружен с о. Иоанном Стеблин-Каменским и о. Михаилом Яворским, арестованными по «делу о православных братствах» и прибывшими на Соловки раньше. Впоследствии они также приняли мученическую кончину (27). Группа этих питерских священников поддерживала близкие отношения с епископом Мануилом (Лемешевским).

На Соловках о. Владимира часто посещали родные, которые вскоре добились смягчения приговора: в ноябре 1928 году заключение в лагере заменили пятилетней ссылкой в Сибирь. Пробыв несколько месяцев в пересыльной тюрьме Ленинграда, о. Владимир был отправлен в глухую деревню Пьяново в 150 километрах от Братска (28). Здесь в суровых условиях, несмотря на тяжкие телесные болезни, он продолжает свой исповеднический подвиг. Одновременно с о. Владимиром в той же деревне отбывал ссылку отправленный с Соловков епископ Василий (Зеленцов), непримиримый противник политики митрополита Сергия (Страгородского).

Из Пьянова владыка послал свое последнее послание Патриаршему Местоблюстителю не только с требованием

*Заключенное духовенство в Соловках.
Сентябрь-октябрь 1925 г.
Во втором ряду второй слева —
о. Владимир Лозина-Лозинский*

*Церковь Успения Пресвятой Богородицы
на Волотовом поле. Фото 1910 г.*

отказаться от Декларации 1927 года и с угрозой в противном случае проклясть его, но и с призывом бороться с советской властью всеми способами — вплоть до террора и вооруженных восстаний. Вскоре после отправления этого письма, епископ Василий мученически погиб: арестован и расстрелян (29). Возможно, о. Владимир обсуждал с жившим по соседству епископом сложнейшие вопросы церковной жизни того времени, но вряд ли разделял его радикальные взгляды.

В августе 1933 года, отбыв срок, о. Владимир возвратился в Ленинград, но в прописке ему отказали, и он был вынужден поселиться в Новгороде, где получил место священника в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Волотово, знаменитой своими древними фресками.

С 1935 батюшка стал настоятелем кафедрального Михаило-Архангельского собора на Прусской улице. Правящим архиереем Новгородской епархии в то время являлся архиепископ Венедикт (Плотников), знакомый о. Владимиру по совместному служению в Петрограде.

14 мая 1936 протоиерей Владимир Лозина-Лозинский — снова в застенках НКВД, откуда 26 мая отправлен на обследование в областную психиатрическую больницу. Сухие строчки из медицинского освидетельствования для нас являются свидетельством исповеднической жизни о. Владимира: «...Высокого роста, правильного телосложения, пониженного питания, кожа дряблая морщинистая. Анемичен... Имеется небольшой зуб с правой стороны. На левой ноге нехватает среднего пальца. На правом плече спереди след от бывшей операции. Под левой лопаткой втянутый рубец от бывшего пролежня. Отсутствие многих зубов. Сердце — миокардит. Легкие — выдох на левой верхушке, рассеянные хрипы.»

О психическом состоянии сказано: «Сознание ясное, ориентировался точно во времени и пространстве. Память на все события хорошо сохранена... Считает себя здоровым... Его идеи страха вращаются, главным образом, вокруг его семьи, которая якобы «терпит страдания и мучения из-за него» (30).

По заключению от 25 ноября 1937 консилиума врачей больницы о. Владимир признан вменяемым и 8 декабря вновь арестован. Обвиняли его по известной 58 статье вместе с группой прихожан. Один из них на допросах признал, что организовал и руководит контрреволюционной

группой с программой «Народная демократия на основе неогосударственного капитализма». В числе членов этой группы был назван и о. Владимир. Материалы архивного дела (31) свидетельствуют о том, что «протоиерей Лозина-Лозинский» (так он подписывал показания), несмотря на жесткое давление следователей, и на последнем допросе виновным себя не признал и существование этой группы не подтвердил. При этом он никого не оговорил, чего нельзя, к сожалению, сказать об остальных обвиняемых, никто из которых не был расстрелян.

Заседанием «Особой Тройки» 19 декабря 1937 года о. Владимир Лозина-Лозинский приговорен к расстрелу. Через неделю, 26 декабря, в Новгороде приговор был приведен в исполнение. Так завершился полный страданий и лишений исповеднический земной путь новомученика Владимира. Место захоронения его св. мощей Господь оставил сокровенным.

«Бодрый и необыкновенно сильный духом, он живет, как подвижник, святой Божий человек, забывая о себе и своей плоти исключительно для ближнего своего и для любви к страждущим. Нельзя не удивляться и не преклоняться перед такой силой духа при совершенно истощенном и слабом организме» (32) — таким предстает в глазах современников о. Владимир Лозина-Лозинский незадолго до своей мученической кончины.

Таким видится и нам его освященный мученичеством облик. Собранные материалы православная община университета представила священноначалию для прославления протоиерея Владимира Лозина-Лозинского в лике новомучеников Российских.

Приводимое ниже стихотворение сщмч. Владимир написал в Соловецком концлагере и посвятил: «А.И.» — сщмч. Илариону, архиепископу Вереysкому. Это — настоящий гимн всем новомученикам Российским, убиенным большевиками, христианский ответ на их «Интернационал».

Над этим полным страха строем,
Где грех, и ложь, и суета —
Мы свой надмирный город строим,
Наш мир под знаменем креста.
Настанет день, и час расплаты

*Новгород. Бывший
кафедральный
собор св. Архангела
Михаила на Прусской
улице — последнее
место служения
иерея Владимира
Лозина-Лозинского*

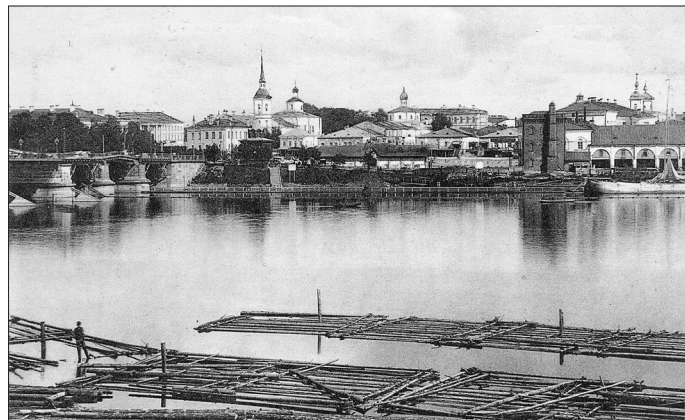
За годы крови и тревог,
 Когда-то на земле распятый
 На землю снова снидет Бог.
 С крестом как символом спасения,
 Он воззовет и рай и ад:
 И, се, расторгнутся камни,
 Се, бездны тайны возвестят.
 Полярные растают льдины,
 Погаснет солнце навсегда,
 И первозданные глубины
 Откроет каждая звезда.
 Тогда из тьмы времен сметенных
 В последнем ужасе угроз,
 Восстанут души убиенных
 За имя вечное — Христос.
 И Бог страдавший, Бог распятый,
 Он примет подвиг их земной:
 Его посол шестокрылатый
 Их позовет своей трубой.
 И в град Грядущего, ликуя,
 Они войдут, как в некий храм,
 И вознесется «Аллилуия»
 Навстречу бурям и громам.
 Тогда, о Боже, к смерти, к ранам,
 Ко всей их скорби мировой,
 Теперь Тобою осиянным
 Мы, люди, бросимся гурьбой.
 Твоя любовь есть бесконечность;
 И ради их, нас не кляня,
 Ты, Господи, введешь нас в вечность
 Невечереющего дня.

Примечания

(*) Норма написания, употребляемая А.И.Солженицыным, более естественное для русского языка, чем “большевистский”

1. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА) ф.1344, оп.315, ед. хр. 333, л.12.
2. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольск. 1897. С.391; РГИА. ф.1343, оп.36, ч.1.
3. Русский биографический словарь. СПб., 1914. т.10. С.586.
4. Тарле В.Е. Крымская война. М.-Л. 1950. т.II. С.331–333
5. Российский медицинский список на 1893 год. СПб., 1883. С.455
6. Лозина-Лозинский В., протоиерей. Из соловецких тетрадей. Вступительная статья и подготовка текстов Ф.О.Стукалова. //Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып.1. М. 1995. С.189
7. РГИА ф.768, оп.2, ед. хр. 886, л. 6.
8. РГИА ф.733, оп.201, ед. хр. 207, л. 39,63.
9. РГИА ф.1344, оп.315, ед.хр.335, л.1–40.
10. Лозина-Лозинский В., протоиерей. Указ. соч. С.189
11. «Письма святых Царственных мучеников из заточения» СПб. 1996. С.451
12. Бовкало А.А. Последний год существования Петроградского Богословского Института. //Минувшее. Исторический

Новгород. Вид с Софийской стороны на Волхов и Торговую сторону. Фото начала века

- альманах. Вып.24. СПб., 1998. С.535.
13. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) ф.1001, оп.7, ед.хр.4, л.180.
 14. Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу (АУ ФСБ СПб), архивное дело П-85538, т.4, л.122–123.
 15. Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской Церкви. 1917–1918 г. Вып.3. М. 1918. С.56.
 16. Антонов В.В. Приходские православные братства в Петербурге (1920-е). //Минувшее. Исторический альманах. Вып.15. СПб. 1994. С.424–445.
 17. АУ ФСБ СПб, архивное дело П-82582, т.1, л.4,5.
 18. Там же, л.18.
 19. Мещерский Н.А. Отрывки воспоминаний. //Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 3/4. 1991. С.81.
 20. Лозина-Лозинский В., протоиерей. Указ.соч. С.192.
 21. АУ ФСБ СПб, архивное дело П.82582, т.1, л.167.
 22. Там же, л.732.
 23. Телетова Н.Н. Дело лицеистов 1925 года. //Звезда. №6. 1998. С.122.
 24. Антонов А.А., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. СПб. 1996. Т.2. С.64.
 25. АУ ФСБ СПб, архивное дело П.85538, т.2, л.10.
 26. Русская мысль. № 190. Париж. //1949. С.1; Розанов М. Соловецкий лагерь в монастыре. 1922–1939 гг. Факты, домыслы, «параша». Обзор воспоминаний соловчан соловчанцами. Кн.2. 1980. С.50; Казачков В.А. Устное сообщение. 1991. //Архив СПб НИЦ «Мемориал»; Андреев Г. Соловецкие острова. //Грани. № 8 Посев. 1950. С.48; Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 1991. С.304.
 27. Осипова И.И. Сквозь огонь мучений и море слез. М. 1998. С.328,335.
 28. Казачков В.А. Устное сообщение. 1991. //Архив СПб НИЦ «Мемориал».
 29. Шкаровский М.В. Иосифлянское течение в Русской Православной Церкви. СПб. 1999. С.114–115, 278–279.
 30. Архив управления ФСБ по Новгородской области, архивное дело 1А/12.179, л.51,52.
 31. АУ ФСБ Новгородской области. Архивное дело 1А/12.179.
 32. Семья Лозина-Лозинских. Рукопись, представленная Инной Львовной Максимовой. Переписана 19 марта 1967 г. в Париже М.А.Орбек с оригинала воспоминаний Леониды Степановны Веселовской (урожденной Лозина-Лозинской) и воспоминаний Варвары Борисовны Соферлен (Веселовской). Исправил и дополнил сведениями Лев Константинович Лозина-Лозинский.

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

ПРОТОИЕРЕЙ МИХАИЛ ПРУДНИКОВ

Протоиерей Михаил Кириллович Прудников (1850–1928), один из замечательных петербургских пастырей первой трети XX века, широко известный и почитавшийся в народе старцем за свою праведность и дар прозорливости, родился в С.-Петербурге 31 декабря 1850 г. и происходил из обер-офицерских детей. В 1868 г. он поступил в Морское инженерное училище Императора Николая I в Кронштадте, которое окончил через пять лет с присвоением чина гардемарина. По успешной сдаче экзаменов, в 1874 г. получает чин мичмана, назначается в учебно-артиллерийскую команду. С 1875 г. он был переведен на Черноморский флот, где в 1877–78 гг. на корабле “Веста” участвует в войне с Турцией. Награжден бронзовой медалью за участие в пленении турецкого десантного корабля “Мерсин” 13 декабря 1877 г. С 1878 г. принимает деятельное участие в работе комитета по созданию Добровольного флота. В 1882 г. переводится в Балтийский флот, с 1883 г. служит на коммерческих судах. В 1886–88 гг. продолжает заниматься устройством Добровольного флота, теперь уже на Балтике, с 1888 г. выходит в запас. В 1897 г. зачислен штабс-капитаном по Адмиралтейству, с 1902 г. уволен полковником с мундиром (к этому времени имел награды: ордена Станислава 3 и 2 степеней и Анны 3 и 2 степеней).

В 1906 г. под духовным влиянием св. прав. Иоанна Кронштадтского принимает решение принять сан (в возрасте 57 лет). Определением от 22 июля 1907 г. архиепископа Сергея Финляндского о рукоположении и назначении ко служению был определен к Райволовской церкви прп. Сергея Радонежского при летней даче приюта детей-эпилептиков, без обязательства вступать в брак. 26 августа 1907 г. был рукоположен архиепископом Сергием во диакона, 2 сентября 1907 г. — во священника. 28 июля 1907 г. — определен к церкви братства свт. Иннокентия Иркутского на летней даче Первого Реального училища в имени Сергиевка близ станции Перкьярви Финляндской железной дороги. В 1905–1906 гг. неподалеку оттуда на Карельском перешейке, близ станции Каннельярви по проекту о. Михаила Прудникова и М. Дехтерева была выстроена деревянная церковь Св. Троицы.

4 апреля 1910 г. определен без содержания сверхштатным священником церкви Милующей Божией Матери в Галерной гавани. 29 января 1911 г. — назначен к Николо-Барградскому подворью, с 21 июля 1911 г. исполняет обязанности настоятеля, а с 16.09.1911 г. по 1916 год служит сверхштатным священником храма Спаса-на-Водах — памятника русским морякам, погибшим в войну с Японией.

В 1917 г. — протоиерей. Служит сверхштатным священником Иоанновского женского монастыря, при храме-усыпальнице св. прав. Иоанна Кронштадтского. Еще до принятия епископского сана здесь его неоднократно навещает будущий архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов), в то время священник Покровской церкви. После закрытия обители в 1923 г. о. Михаил продолжает служить при одной из домовых церквей на Петроградской Стороне. Почил 3 сентября 1928 г. Погребен за алтарем Сергиевского храма Троице-Сергиевой Приморской мужской пустыни в Стрельне.

Родился Михаил Кириллович Прудников в 1850 году в семье морского офицера. Происходил он из военной семьи. Окончив Морское инженерное училище Имп. Николая I в Кронштадте, служил во флоте. Два раза совершил кругосветное путешествие.

С детства он был верующим и, будучи уже в чине полковника, сохранил твердую и искреннюю веру. Часто ходил пешком на поклонение чудотворному образу Божией Матери в Царское Село за 25 верст от С.-Петербурга.

Здоровьем он вообще не отличался. Перенес в тяжелой форме крупозное воспаление легких, врачами был приговорен к смерти.

Во время болезни он видел сон, который никому не рассказал, а лишь объявил родным, что как только ему будет легче, он отправится из С.-Петербурга в Москву в Троице-Сергиеву Лавру, к мощам преподобного Сергия

Радонежского, пешком. Родные к этому отнеслись недоверчиво, зная вообще о его слабом здоровье. Но он, едва встав на ноги, сейчас же отправился, как и говорил, в Лавру пешком с котомочкой за плечами и в морской форме. Путешествие его длилось три недели. Вернувшись от прп. Сергия, о. Михаил вскоре отправился во второе путешествие, также пешком, — в Новгород, поклониться мощам прп. Михаила Клопского, имя которого он носил и очень почитал.

Из рассказов одной его знакомой известен такой случай. В день именин о. Иоанна Кронштадтского, 19 октября, о. Михаил, будучи тогда еще военным, поехал в Кронштадт и отправился на квартиру к батюшке. Народу было очень много, ждали возвращения о. Иоанна из церкви и теснились в небольшой передней. Когда подъехал батюшка, стало еще теснее. В этот момент у Михаила Кирилловича

с груди упали все ордена. Он хотел их подобрать, но о. Иоанн остановил его и сказал: «Не трудись, они тебе скоро не понадобятся».

Действительно, ровно через год после этого случая, он оставил военную службу и принял священство. Служил о. Михаил сначала в храмах Финляндской епархии (на Карельском перешейке), затем сверхштатным священником в церкви Милующей Божией Матери в Галерной гавани, а с 1911 г. в храме Спаса-на-Водах. После он перешел в Иоанновский монастырь, где будучи заштатным священником, служил при усыпальнице о. Иоанна ранние обедни. Духовную близость с кронштадтским подвижником о. Михаил испытывал всю свою жизнь.

Будучи пастырем, о. Михаил не оставлял свои паломничества и также пешком ходил в Царское Село и в Колпино, где была чудотворная икона святителя Николая. Большею частью о. Михаил ходил не один, к нему присоединялись его почитатели. Батюшка считал паломничества замечательнейшей школой благочестия, «где каждая утренняя зорька, каждый добрый взгляд человеческий, каждый ковшик с водицей, поданной ради Христа, — есть живой урок милости Божией, Его безграничной и щедрой любви. И как хочется поблагодарить за все это Господа, отсюда родится молитва — живая, чудотворная».

Среди духовно близких ему лиц были: епископ Стефан (Бех), схиэпископ Макарий (Васильев), настоятель Макариевой пустыни и многие из Петроградского духовенства. Кроме того, были и другие лица, например, профессор Смирнов, директор завода Нобель — духовные чада и почитатели батюшки. Среди них была монахиня Антония, экономка Иоанновского монастыря, про которую о. Михаил говорил, что на ней держится весь монастырь. Была она в жизни настоящей подвижницей. В тяжелое время ходила к благодетелям и собирала от них пожертвования для обители. После начала утеснения монастыря часто в келлии ее ночевали приезжие богомолки и она с радостью уступала им свою кровать, а сама спала в кладовой на мешках. Своей келейнице она зачастую предлагала отдохнуть, а сама в это время исполняла ее работу.

Прошло не так много времени и разные люди стали искать у о. Михаила мудрого слова и молитвенной помощи. Очень много приходило к о. Михаилу больных, прося его молитв. И по молитвам батюшки многие выздоравливали, а когда приходили его благодарить, то он по своей скром-

Кронштадт. Вид на Андреевский собор и Николаевский проспект.

ности отвечал всем, что он здесь ни при чем — он такой же грешный человек как и они. «Ступайте к Божией Матери и Ее благодарите», — просил он их.

Многие, которым нужна была операция, также приходили к нему за благословением, но он не всех благословлял и, действительно, не получившие благословения на операцию поправлялись и без нее.

Однажды один из его духовных чад был сильно болен. Родственники обратились к о. Михаилу, прося его молитв о болящем, и им батюшка сказал, чтобы больной встал с постели и шел в Колпино к чудотворному образу святителя Николая. В ужасе родные передали больному о том, что он должен идти пешком, да еще зимой из Царского Села в Колпино. Люди эти были состоятельные и прежде таких путешествий пешком никогда не совершали. Больной же с неожиданной твердостью заявил, что пойдет. И, действительно, несмотря на свои слабые силы, надел шубу и валенки и отправился в путь. Вернулся он благополучно, и с этого дня, начал поправляться.

У одного знакомого о. Михаила было двое сыновей-близнецов и оба были на войне (шла I Мировая война 1914–1918 гг. — Ред.). Родители очень беспокоились, не получая долгое время от них никаких известий, когда внезапно пришло известие, что оба их сына погибли. Мать тяжело переживала потерю сразу обоих сыновей, но будучи верующей, она отпела их и ежедневно служила по ним панихиды. Отец же поехал к о. Михаилу рассказать о своем горе. Выслушав, его батюшка ответил: «Молись о здравии». Когда он с такой радостной вестью вернулся домой и рассказал жене, то она не поверила и даже была возмущена словами священника. Прошло несколько месяцев, мать продолжала молиться за упокой, а отец о здравии. Снова отправился Михаил Дмитриевич (так звали отца) к батюшке и при второй встрече во время вечернего чая, отец Михаил положил в стакан Михаила Дмитриевича два больших куса сахара. Михаил Дмитриевич заметил, что сахар в стакан уже положен, батюшка же ответил на это: «Потом узнаешь».

Вернувшись домой, М.Д. не переставал думать о словах батюшки. Через некоторое время, как-то вечером сидел он грустный и задумчивый, но вот услышал звонок в дверь, открыв которую, увидел сразу обоих своих сыновей. Из их рассказов родители узнали, что оба брата были в немецком плену и находились вместе в одном лагере, откуда их одновременно освободили.

Монастырь прп. Михаила Клопского. Современный вид.

С.-Петербург.
В кругу офицеров
Императорского
Российского флота.
Слева стоят:
протоиерей Алексей
Стаеровский († 1918),
св. прав. Иоанн
Кронштадтский († 1908),
справа в светлой рясе,
предположительно, —
иерей Михаил Прудников

Молитвы батюшки считались дерзновенными. Был такой случай. Когда о. Михаил был в Царском Селе, одна хорошая знакомая просила его зайти к тяжело больному, которого врачи полагали безнадежным. Батюшка пошел туда и нашел его в очень тяжелом состоянии. Не медля ни минуты, он сейчас же отправился в церковь, взяв с собой и эту знакомую. Она стала свидетельницей его дерзновенной молитвы, во время которой он не просто молился, а как бы наяву разговаривал с Божией Матерью и умолял Ее услышать его молитву и помочь. Даже страшно было смотреть и слушать, как батюшка умолял Саму Пресвятую Богородицу исцелить больного. Молитва его, действительно, была услышана и больной вскоре поправился.

Когда (в феврале 1928 г. — Ред.) митрополита Серафима (Чичагова), будущего новомученика, назначили на Петроградскую кафедру, он к тому времени уже пребывал на покое, и прежде, чем отправиться к месту своего служения, поехал за благословением к о. Михаилу. Войдя в его комнату, Владыка поклонился ему в ноги и просил молитв. Батюшка был очень смущен, сам поклонился в ноги архиерею и сказал: «Ведь я только протоиерей, а Вы мне первый кланяетесь». И так они сделали друг другу по три земных поклона.

В 1929 году в день Святой Троицы отец Михаил служил в Детском Селе (в 1918 г. Царское Село было переименовано). Во время вечерни он читал положенные молитвы. Голос его, вообще слабый, при чтении этих молитв настолько окреп, что все были поражены и не могли поверить, что это читает он.

В августе батюшка снова приезжал, но это был уже последний его визит в Царское. «Я скоро к вам приезжать не буду», — сказал он. Когда его спросили:

«Почему же?», он ответил: «Собираюсь домой!» Тогда одна старушка заплакала и спросила: «А как же мы останемся без Вас?» На это он ответил ей: «Вы будете за меня молиться, а я буду за вас ходатайствовать у Престола Божия».

В июле месяце 1922 года о. Михаил неожиданно получил из Оптиной пустыни от о. Анатолия (иеросхимонаха Анатолия (Потапова), младшего — Ред.) приглашение посетить их пустынь и его. Несмотря на перебои с транспортом (после революции пассажирские поезда не ходили, люди ездили в товарных вагонах), о. Михаил быстро собрался и в сопровождении нескольких близких к нему лиц отправился в путь. Ехать было тяжело. В вагонах пассажиры курили махорку и о. Михаил отравился дымом. Два раза на больших остановках его на руках выносили на воздух и клали прямо на траву. Окружающие думали, что он не доедет до пустыни, однако ему это все же удалось сделать. В Оптиной природа и свежий воздух оживили о. Михаила и он, пребывая в пустыни, ежедневно сослужил о. Анатолию за литургией и беседовал с ним. По истечении недели о. Михаил собрался в обратный путь. Отслужив обедню, он пошел к старцу под благословение и проститься, когда о. Анатолий вдруг сказал ему: «Поживи еще три дня, а после поедешь!» За послушание он остался.

29 июля 1922 г. в Оптину приехали чекисты арестовать отца Анатолия. «Но старец, не противясь, скромно попросил отсрочки на сутки, дабы подготовиться. Келейнику, горбатенькому отцу Варнаве, грозно сказали, чтобы подготовил старца к отъезду, так как завтра увезут, и на этом уехали. Воцарилась тишина, и старец начал готовиться в путь. На другой день, утром, приезжает комиссия. Выходят и спрашивают келейника отца Варнаву: «Старец готов?», «Да, — отвечает келейник, — готов», — и, отворив дверь, вводит в покои старца. Каково же было удивление, когда их взору предстала такая картина. Посреди келии в гробу лежал «приготовившийся» мертвый старец!»¹

¹ И.М. Концевич. Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль. 1970 г. Стр. 436.

Ст. Каннельярви. Церковь Святой Живоначальной Троицы, выстроенная при участии прот. Михаила Прудникова

Отец Михаил был на отпевании и участвовал в погребении. Выполнив свой молитвенный долг перед почившим, о. Михаил отправился в обратный путь на третий день, как и предсказал ему старец.

Когда о. Михаил гостил в Детском Селе, один инженер Н.Н.К. привел на благословение к нему своего сына Германа пяти лет и сказал, что сын его с четырех лет начал изучать немецкий язык, читает и уже начинает говорить по-немецки. На это о. Михаил сказал с грустью: «И зачем ему немецкий язык!», и стал печально смотреть в окно. По отъезде о. Михаила встречаю отца мальчика и он говорит мне: «Я очень уважаю о. Михаила, преклоняюсь перед ним, но он все же, надо сказать, отстал от жизни — говорит: «Зачем Герману немецкий язык?». Ведь если Герман в совершенстве будет владеть немецким и будет инженером, ему это очень пригодится, ведь теперь вся научная литература издается именно на немецком языке». Нам всем тоже показалось странным такое высказывание о. Михаила.

Однако, прошло несколько лет, и началась война, отец Германа умер к тому времени. После прихода в Царское Село, немцы эвакуировали в 1941–1942 гг. всех жителей, в том числе и Германа с матерью. Они попали в Эстонию, где Герман, зная язык, разговаривал с немцами по-немецки. После прихода советских войск, он был арестован, обвинен в связях с немцами и выслан в Магадан на 10 лет. Тогда и вспомнили слова о. Михаила: «Зачем ему немецкий язык!». Не зная немецкого языка он не был бы арестован и остался бы жить с матерью в Эстонии, а так он смог вернуться туда только после 10-ти лет лагерей и ссылки.

Митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) очень чтит о. Михаила и верил в силу его молитв, которую неоднократно испытывал на себе. Вот один из его рассказов.

В 1941 году, в самом начале войны, митрополита Николая решено было направить ко служению в Северную Америку. Ему совершенно не хотелось ехать туда, так как чувствовал он себя плохо — сердце очень беспокоило, и врачи не советовали, однако митрополит Сергей настаивал на поездке. За послушание Владыка дал согласие, оставалось только получить визу на выезд. В то время американское посольство было эвакуировано из Москвы в г. Куйбышев (Самару), и Владыка поехал туда за получением визы. Приезд его совпал с днем кончины о. Михаила (3 сентября). «Всю дорогу. — вспоминал митр. Николай, — я молил о. Михаила, чтобы как-нибудь миновала меня эта поездка. В посольстве проверили мои документы и сказали: «Все в порядке, поживите здесь недельку и получите». Так как мне надо было сдавать дела в Москве, то предложили

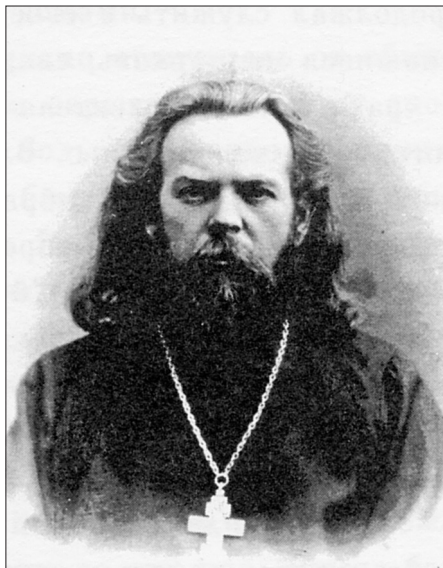
С.-Петербург. Спас-на-Водах — храм-памятник русским морякам, погибшим в войне с Японией. Интерьер верхнего храма

ехать туда и там ждать визу. Я отбыл в Москву, подготовился к отъезду. Жду неделю, другую, третью — визы нет. Так я ее и не получил и не знал даже по какой причине. Приписываю это молитвам о. Михаила».

Святейший патриарх Алексий I (Симанский), будучи архиепископом Новгородским (с 1926 г. вл. Алексий был

С.-Петербург. Спас-на-Водах. Интерьер подземной (нижней) церкви во имя свт. Николая Чудотворца. Слева стоит прот. Михаил Прудников. Публикуется впервые

Протоиерей
Владимир Рыбаков
(1869–1934)

архиепископом Хутынским, временно управляющим Новгородской епархией. — *Ред.*), был у о. Михаила и сказал ему, что уезжает в Москву¹. Отец Михаил сказал: «Когда будете в Москве, посетите село Коломенское и там поклонитесь Матери Божией «Державной».

Архиепископ Алексей прислал из Москвы отцу Михаилу письмо, в котором писал: «Ваше послушание я выполнил, отец протоиерей, и даже пешком шел до церкви 2 километра». Отец Михаил, прочитав письмо, заметил вслух: «Матерь Божия его прославит». Действительно, так и случилось. Через 15 лет, в мае 1944 г. архиепископ Алексей стал местоблюстителем Патриаршего престола, а с 4 февраля 1945 г. — Патриархом Московским и всея Руси.

Митрополит Мануил (Лемешевский), знавший о. Михаила по Петербургу, говорил про него: «Это был великий праведник!»

Однажды, в 1928 г. о. Михаил навестил больного протоиерея Владимира Александровича Рыбакова, служившего настоятелем храма Спаса на Водах. Врачи считали о. Владимира безнадежным. Когда о. Михаил вошел, больной пастырь сказал: «Отец Михаил, уж я, наверное, не выздоровлю, умру...» На что о. Михаил ответил: «Поправишься еще, не умрешь», добавив: «когда пруд высохнет, тогда и рыбка уснет». Больной поправился. Через год последовала мирная кончина старца о. Михаила († 1928 г.), а пять лет спустя, в марте 1934 г. скончался о. Владимир Рыбаков. И только тогда вспомнились слова, сказанные старцем больному. Сбылось предсказание. Пруд высох и рыбка уснула.

У моей мамы последнее время очень часто болело сердце, а потому она старалась чаще говеть и причащаться. Однажды приехал о. Михаил и служил обедню. Перед его службой она также говела. Когда пришли домой и сидели за столом, о. Михаил, глядя на маму, сказал: «Как хорошо тому, кто часто причащается: если человеку не удастся перед смертью причаститься, то ему вменится частое причащение». Во время этих слов о. Михаил все

время смотрел на маму. Меня этот взгляд кольнул в сердце. Я подумала, что как будто это ее касается.

После отъезда батюшки прошло дней пять и мама заболела гриппом, осложнившимся еще воспалением легких. Слабое сердце не выдержало высокой температуры и мама скончалась.

На 40-й день приехал о. Михаил и мы отправились с ним на Кузьминское кладбище в Царском Селе. Он отслужил панихиду и на обратном пути сказал: «Когда не будет кладбища, то это еще не все для умершего. Самое дорогое, — когда у жертвенника вынимают частицу за него.» Я подумала: «Как может такое случиться, что не будет кладбища, которое существует больше двухсот лет?» С началом войны, когда немцы подошли к Ленинграду, как раз в Кузьмино развернулись бои. Три года здесь стоял фронт. Кладбище оказалось разрушено до основания, не устояла и церковь. Тогда я вспомнила и поняла слова, сказанные о. Михаилом. Тогда же он говорил о маме: «Не плачьте, ей там хорошо, вы должны верить мне, как священнику».

Про одного нашего благочестивого родственника о. Михаил сказал: «Как легко он все мытарства прошел, не было ему задержки нигде».

День посвящения своего во диакона, 26 августа, о. Михаил отмечал ежегодно. В этот день приезжал поздравлять его архимандрит из Свято-Троицкой Сергиевой пустыни (под Петербургом). Так было и 26 августа 1928 года. Архимандрит приехал поздравить о. Михаила и отслужил молебен. 2 сентября отмечался день его посвящения во священника и всегда в этот день многие годы по традиции привозилась на квартиру о. Михаила из пустыни икона прп. Сергия Радонежского. Уезжая, архимандрит спросил батюшку, привозить ли икону 2 сентября. Отец Михаил, уже тяжело больной, поправил его, попросив, чтобы икону привезли 3-го числа. Это очень удивило архимандрита и он спросил келейницу батюшки, не ошибся ли о. Михаил, она ответила: «Раз батюшка назначил третьего, значит так и надо сделать».

Когда привезли икону, о. Михаил уже был совсем слаб и не вставал. Его исповедали и причастили, отслужив по его просьбе три молебна: Пресвятой Троице, Божией Матери и прп. Сергию. После молебна ему поднесли образ, он к нему приложился и попросил читать отходную. Сидя в подушках, он держал в руке зажженную свечу. По окончании чтения свеча погасла, вместе с ней угас и о. Михаил.

Оптина пустынь

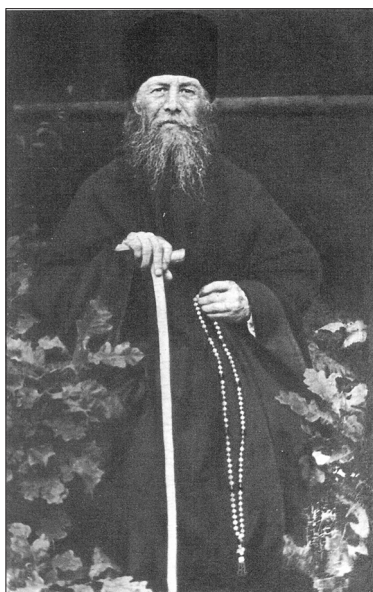
¹ Действительно, этот вызов и поездка в Москву стали знаменательными для архиеп. Алексея. 14/27 мая 1927 г. он был назначен членом временного Патриаршего Синода при заместителе Патриаршего Местоблюстителе митрополите Сергии (Страгородском). — *Ред.*

С.-Петербург. Дом по Большой Зелентной ул., 9, где проживал и скончался прот. Михаил Прудников

Отпевание было совершено в Троице-Сергиевой пустыни. Отпевал о. Михаила митрополит Серафим (Чичагов) с шестью архиереями и духовенством, которого было так много, что даже несмотря на большое количество облачений, находившихся в пустыни, их не хватило. Народу было также очень много.

Один из священников в своем надгробном слове, обращаясь к народу, говорил: «Что собрало вас сюда в таком громадном количестве? Ведь служил батюшка всего 21 год и красноречием особенно не отличался. Чем же он прославился и чем именно стал известен? Да, он прославился своей молитвой. Все вы испытали силу его молитв

*Прп. старец Оптинский
иеросхимонах
Анатолий младший
(Потапов) (1855–1922)*

Царское Село. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Кузьминском кладбище. Фото 1920-х гг.

и видели с каким дерзновением он всегда молился и какую помощь приносили его молитвы нам...»

Приведу еще несколько примеров прозорливости о. Михаила. Надежда Ивановна Соколова работала в детском доме и рассказывала о. Михаилу об одном безродном трехлетнем мальчике Коле, очень красивом, умном и послушном. К ним, в детский дом, часто приходили люди, желающие взять детей на усыновление. Надежде Ивановне жалко было отдавать Колю и она прятала мальчика от приходящих людей. Наконец, две семьи облюбовали Колю и Надежда Ивановна пришла спросить совета батюшки, кому его отдать: или мужу с женой, или одинокой женщине. Отец Михаил подумал и сказал: «А лучше всего отдать матери родной!» Надежда Ивановна стала доказывать, что он сирота, был подброшен к детскому дому с запиской, что имя его Николай. Фамилию ему дали Найденов. Батюшка все выслушал и опять повторил, «что никто не воспитает его лучше родной матери».

Прошло полторы недели и в детский дом пришла женщина, которая со слезами стала просить отдать ей ее сына Колю. Она говорила, что на нее напала такая тоска по сыну, что места себе не находит. Рассказала и то, когда и как его оставила и указала приметы. Колю отдали ей. Надежда Ивановна была поражена словами о. Михаила: «лучше родной матери его никто не воспитает».

Несколько раз Надежда Ивановна ездила и проверяла, как мальчику живется. Действительно, жилось ему очень хорошо.

Вскоре после революции жившая в Петрограде Анастасия Ивановна Ляхова хотела навестить свою мать, проживавшую в Ярославской губернии. Прежде всего она поехала к о. Михаилу получить благословение на поездку и покупку билетов, которые давали в то время только через организации. О. Михаил благословил на поездку и сказал: «Поедешь, но только не на деньги». Она, конечно, ничего не поняла. Придя ко мне, она рассказала ответ о. Михаила, а я, в свою очередь, вспомнила, что когда уходила в отпуск, мне предложили: «Если захотите куда-нибудь поехать, можем дать Вам от Профсоюза распоряжение на получение бесплатного билета!»

Вспомнив это, я решила взять билет и отправить по нему Анастасию Ивановну, снабдив ее моими документами.

Итак, за благословение о. Михаила, она благополучно съездила туда и обратно бесплатно.

Однажды о. Михаил был в Троице-Сергиевом Посаде на празднике прп. Сергия 5 июля. Когда кончилась обедня и все духовенство выходило парами из Троицкого собора в Трапезный храм, о. Михаил стоял в народе и смотрел на идущих. Проходя мимо того места, где стоял о. Михаил один из архиереев, выйдя из пары, подошел к нему и поклонился до земли. Отец Михаил ему тоже поклонился

и архиерей пошел дальше. Келейница о. Михаила спросила батюшку, как имя этого архиерея. Батюшка сказал: «Не знаю, первый раз его вижу». Тогда келейница быстро пошла в Трапезный храм, чтобы узнать имя того архиерея, но не успела, все духовенство уже ушло. Видимо, тот архиерей был прозорливец, он увидел над головой о. Михаила венец, который держали над ним, как над праведником.

*По воспоминаниям Марии Васильевны Барановой,
духовной дочери протоиерея Михаила Прудникова*

*Братия Троице-Сергиевой пустыни у могилы протоиерея Михаила Прудникова
за алтарем Сергиевского храма . 1928 год. Публикуется впервые*

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ

В.С. Орлов

МАКАРИЕВСКАЯ ПУСТЫНЬ

Не многим сейчас известно, что в С.-Петербургской епархии, в 20 км к северо-востоку от города Любани Тосненского района области некогда находился прославленный монастырь, основанный в середине XVI века прп. Макарием Римлянином, новгородским чудотворцем. Случайный посетитель этих мест, не знакомый с историей края, сегодня увидит на месте, где красовались здания монастыря, лишь руины церкви на северной стороне обширного топкого болота, а на южной стороне того же болота — скромный железный крест в железной оградке, укрытый молодым ельником, да завалы кирпича, ямы и бугры, из которых торчат железные балки...

Но Православная Церковь и память народная свято чтят светлый образ прп. Макария.

Основанная им обитель, которая прошла сквозь века, знала годы благоденствия и запустения, одно время она даже была упразднена как монастырь, и затем возродилась в еще более великолепном виде, но вскоре была уничтожена, казалось бы, навсегда, и лежит в настоящее время в руинах, взывая о новом возрождении.

Вспомним житие прп. Макария и историю основанного им монастыря.

Дата рождения Преподобного доподлинно неизвестна, ибо время и враги, приходившие в эти места, истребили летописи. Живо лишь предание, которое, переходя из рода в род, из поколения в поколение, сохранило о нем некоторые сведения. Предание это изложено в целом ряде дореволюционных книжных изданий. Из них мы узнаем, что прп. Макарий родился во второй половине XV столетия в столице католического Запада — Риме, в итальянской семье, от богатых родителей, которые однако держались Православия, и сына своего, еще измлада, обучали истинно христианскому

благодетию. Они воспитали юношу в чистых правилах православной веры во Христа, которая вкоренилась в его юную душу, а вместе с ней возросла в нем и та божественная любовь, которая привлекла потом к нему многих, ибо “Бог любви есть” (1 Ин. 4,8).

Блестяще образованного юношу ждала завидная будущность на поприще общественном, но он жаждал жизни созерцательной и духовной. Он мечтал жить согласно учению святой Церкви, но католическая церковь не отвечала его чаяниям. С болью в сердце он взирал на религиозную жизнь гордого и заблудшего Рима. Со слезами молил Макарий Бога указать истинный путь ко спасению.

И Господь обратил его духовные очи на Церковь Православную,

спасающую, прославленную соборами святых отцов за правоту, непреложность своих догматов и учения, освященную подвигами великих мужей.

С посохом пилигрима, в ветхой одежде, без средств, надеясь только на Господа, отправился он в далекую, неизвестную страну — Святую Русь. Путь его был труден. Много перенес юноша, странствуя, пока, наконец, не достиг земли православной в пределах Великого Новгорода. Благолепие церквей и многочисленных монастырей новгородских, строгая жизнь монашествующих, торжественность и истовость богослужения глубоко поразили пришельца с Запада. Посещая обители, он достиг монастыря прп. Александра на берегах Свири, где игуменствовал еще сам основатель обители. Великий игумен в духовных беседах открыл и разъяснил паломнику, чего жаждала его душа и сердце.

Недолго пробыв учеником Александра, он был пострижен им в монашество с именем Макария и, с благословения начальника обители, решил навсегда затвориться в келии пустынножительской. Он избрал

*Крест
прп. Макария.
Фото начала
1910-х гг.*

непроходимые болотные дебри, раскинувшуюся на несколько верст в верховьях рек Мги и Лезны, где позже пролегла граница между Новгородской и Петербургской губерниями. Здесь, на небольшом островке среди топкого болота, на левом берегу Мги, в одной версте от ее русла, поставил Макарий небольшую келию.

Изнуряя плоть и смиряя дух, в строгих подвигах бдения, поста и беспрестанных молитв, отдаленный от мира, незнаемый людьми, питаясь скудной пищей, состоявшей, главным образом, из плодов и растений, прп. Макарий прожил немалое время. Для большего умерщвления плоти он носил тяжелые железные вериги — большой железный крест на кованой цепи.

Но не укрыла пустыня великого подвижника, и Господь явил его миру, чтобы привести многих к жизни богоугодной и спасению душевному. Однажды глубокой, ненастной ночью прп. Макарий стоял на молитве. Кто-то постучал в двери келии, умоляя открыть во имя Бога. То были уставшие, изнуренные охотники, которые заблудились в лесах и болотах. Обласкав охотников, Макарий накормил их из своих скудных запасов и после краткой беседы и общей молитвы, благословив, указал выход из болота. Удивлены были охотники смирением и умом пустынножителя, его терпением. Казалось немыслимым, чтобы человек мог жить в окружении болота, из которого поднимались тучи гнуса, уязвлявшего весьма болезненно. Но Преподобный, живя только для Бога, переносил все: голод, жажду, зной летний и зимнюю стужу.

Так люди узнали об убежище прп. Макария, и молва о его святой жизни привела к нему многих, жаждущих от него совета, назидательного поучения и молитвы. Он не отказывал в духовной помощи страждущим, но известность тяготила его, и подвижник решил покинуть место первоначальных подвигов. За обширным топким

болотом, получившим позднее название “Макариевского”, он укрылся, избрав небольшое, окруженное густым лесом возвышенное место на левом берегу Лезны, именуемой в летописях Грезной. Здесь построил себе прп. Макарий убогую келию.

Но недолгое время и тут укрывался он от мира. Своими подвигами подвижник привлек к месту своего укрытия особую благодать Божию, являвшуюся местным жителям то в виде столпа огненного, видимого по ночам, то в виде облака благоуханного дыма, вздымавшегося над дебрями лесными и разливавшего благоухание. И жители, проникнув в дебри, с радостью вновь нашли прп. Макария. Многие подолгу не покидали его прибежища, пламенно молили позволить навсегда остаться и вблизи его скромного жилища поставить свои келии.

Не было сил отказать в этих мольбах и понял прп. Макарий волю Божию. Усердно помолившись, дал он согласие ревнителям подвигов и жизни иноческой ставить свои келии, чем положил начало скиту. Первым игуменом стал сам подвижник, получивший священный сан от Владыки новгородского (им был тогда известный свт. Макарий, впоследствии митрополит Московский). Братией была выстроена небольшая деревянная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы, что произошло предположительно около 1540 года.

Являя собой пример благочестия, прп. Макарий, который достиг дара прозорливости и чудотворений, твердо шел по пути подвижничества и руководил братией. Незадолго до кончины Преподобный передал управление монастырем одному из учеников и удалился на свой любимый остров — место первоначального подвижничества, и здесь мирно почил о Господе. Было это 15 августа, в самом начале второй половины XVI столетия. С плачем погребли иноки своего авву у левой стены Успенского храма.

Усердием благочестивых жертвователей, вскоре после кончины прп. Макария, была воздвигнута вблизи Успенского храма вторая деревянная церковь во имя

Река Лезна возле Макариевской пустыни

*Иеромонах Макариевской пустыни с крестом
прп. Макария возле деревянного
Успенского храма обители. Фото начала 1900-х гг.*

Савватия Соловецкого. Благолепие богослужения, строгое отношение к уставу и иноческим обетам, духовное просвещение края и отзывчивость на его нужды были заветом прп. Макария. И завет этот свято исполнялся. Обитель жила замкнуто. Ее игумены не избирались на высокие посты, их не приглашали на собрания духовно-государственные, но верные заветам своего первоначальника, они шли узким путем истинно монашеского подвига.

В нерадостное для Руси Смутное время обитель прп. Макария подверглась общей участи монастырей Новгородского края — нашествию и разорению от врагов. В 1611 и 1615 годах шведские войска под предводительством Делагарди разрушили монастырь; библиотека и рукописи погибли в пламени.

В царствование Михаила Феодоровича, в 1628 году, в Макариевской пустыни, согласно описи, числятся: церковь деревянная во имя Успения Божией Матери, церковь деревянная во имя прп. Савватия Соловецкого и три келии. Игуменом назван Левкий.

В кратковременное правление Императора Петра III Василием Гурьевым, помещиком села Замостье, была выстроена в 1761 году, вместо обветшавшей, новая деревянная Успенская церковь с приделом во имя прп. Макария. К этой церкви тогда была приписана церковь свт.Николая Чудотворца в селе Добром, которое отстояло в восьми верстах на юго-восток. В том же 1761 году на острове, где поначалу подвизался прп. Макарий, сооружена была небольшая часовня, которая в последующие годы, за ветхостью, была заменена более

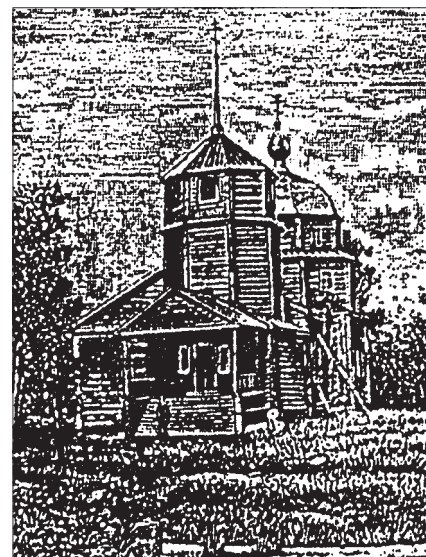
обширной и весьма красивой. Названная в описи 1628 года церковь прп. Савватия Соловецкого позже не упоминается. Вероятно, она со временем обветшала, а на ее восстановление средств не нашлось.

В конце первой половины XVIII века пустынь постепенно пришла в упадок и считалась уже не самостоятельной, а подчинялась Александро-Невскому монастырю в Петербурге. Наступил роковой для Макариевской обители 1764 год, когда она была упразднена как малолюдная и бедная. Дарованные Государями земли и угодья, которые, по-видимому, были весьма значительными, хотя и не доходными, отошли казне. Завершилась жизнь обители, которая длилась более 220 лет!

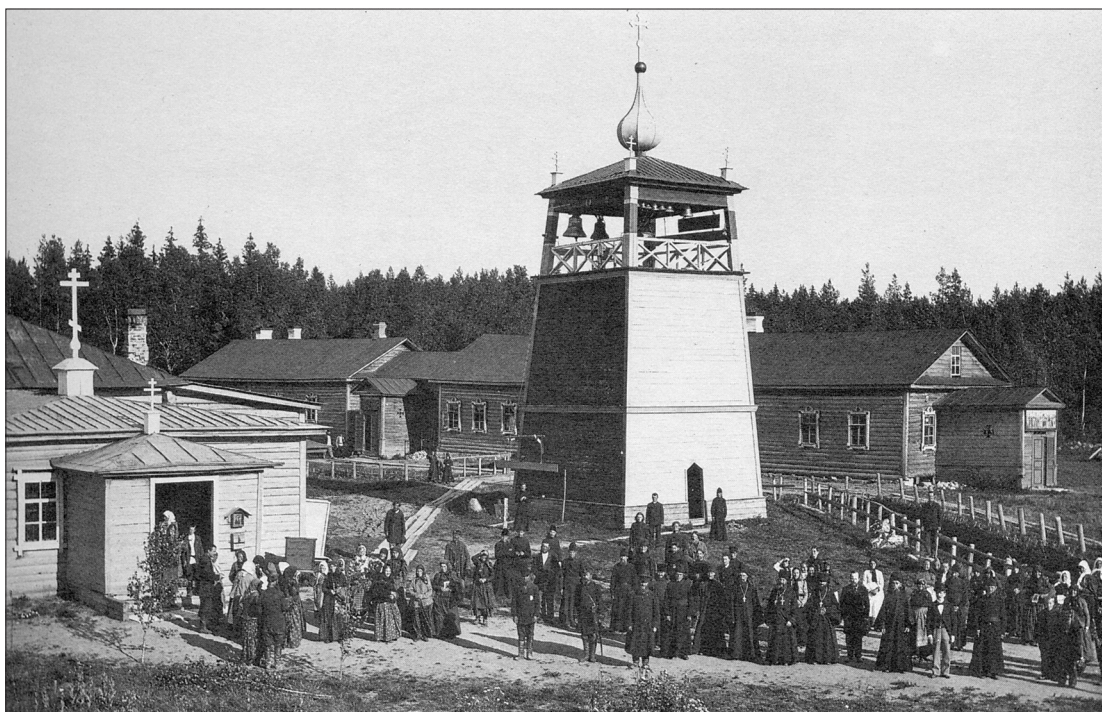
Осталась лишь Успенская церковь — ее обратили в приходскую, определив священника с причтом. Там, где некогда слышалось пение монашеское, зазвучал монотонный голос одного псаломщика. Несколько позже церковь перестала быть и приходской — она была приписана к Никольскому храму в с. Добром, который сам некогда считался к ней приписным.

Долгие годы пустынь пребывала в полном забвении. Пришедшие в ветхость здания обращались в развалины, исчезли следы от келий монашеских. Богослужение совершалось только в дни памяти угодника Божия, да и то по просьбе паломников. Полуразрушенная Успенская церковь одна напоминала о некогда славной обители Макариевской ...

Лишь в 1840 году, на месте совсем обветшавшей церкви Успения Богородицы, иждивением крестьянина с. Ижоры С.-Петербургской губернии Андрея Федоровича Кононова, была построена новая деревянная с тем же именем. На колокольне повесили колокола, отлитые в Валдае на колокольном заводе Смирнова. Средства на них дал соборный протоиерей Михаил Дмитриев, отец которого — тоже священник Михаил — жил и служил в самой упраздненной пустыни в 1796–1850 гг. (он был

*Макариевская
пустынь. Вид
древней Успенской
церкви, в которой
помещалась рака
над мощами
прп. Макария.
Существовала
с XVI века,
сгорела в 1895 г.*

*Макариевская пустынь.
Вид деревянной
Успенской церкви
(слева), колокольни и
братских корпусов.
Фото начала 1900-х гг.*

погребен за алтарем ее церкви).

В том же 1840 году, над местом, где почивали под спудом мощи Преподобного, поставили резную деревянную золоченую раку, с древним, почитаемым чудотворным, изображением на ней угодника Божия. Именно в этом виде являлся в сонных видениях прп. Макарий многим больным, молившимся ему и получавшим исцеление. Над ракой был балдахин на четырех столбах. Когда были обретены сами св. мощи и когда установлено празднование Преподобному — неизвестно. При раке прп. Макария находились его монашеская мантия и вериги. К веригам богомольцы прикладывались и возлагали на шею, творя с ними земные поклоны.

Возобновлена была в те годы на острове также часовня с колодезем, вода в котором почитается целебной. Согласно преданию, колодезь ископал сам Преподобный, по молитвам которого тот наполнился чистой хрустальной водой. Богомольцы берут ее и поныне, как освященную молитвами великого угодника.

В середине прошлого века возле церкви поселился один старенький священник, который до самой кончины совершал в ней богослужения. Прошло тридцать лет, и церковь потребовала ремонта, который в 1871–1872 гг. был произведен на средства Николая Евтихievича Соколова (?) и других благотворителей. Для паломников был тогда же устроен странноприимный дом.

Прп. Макария чествовали в крае дважды в год: в первое воскресенье Великого поста (вероятно, в память обретения его св. мощей) и 15 августа, в день его кончины, совпавшей с праздником Успения Пресвятой Богородицы. В этот праздник, в церкви совершалось торжественное богослужение при многочисленном стечении богомольцев. Если случались пожары, голод,

эпидемии и т. п., то богомольцы, несмотря на непроходимую временами дорогу, пешком и на лошадях, устремлялись в Макариевскую пустынь из разных мест Новгородской и Петербургской губерний. Здесь, у раки Преподобного, изливали они свои мольбы, свои душевные скорби и просили о благодатной помощи. Особенно много бывало богомольцев в годы, когда бывал падеж скота от сибирской язвы. На уцелевших лошадях приезжали крестьяне из окрестных сел и деревень, чтобы исполнить данные обеты.

В обычные годы богомольцы прибывали 14 августа, накануне праздника, и после небольшого отдыха слушали у раки всенощное бдение, а на другой день, в самый праздник, совершали рано утром крестный ход на “островок”, в часовню, где пред иконою прп. Макария служился молебен, после чего крестный ход возвращался обратно в церковь. Шел он по бревнам, уложенным поверх топкого болота. Пускаясь в обратный путь, богомольцы несли с собой целебную воду из колодца, камешки, песок и травку с острова, на котором спасался подвижник.

Вернувшись, они служили близ Успенской церкви водосвятный молебен Преподобному и затем приводили лошадей, которых батюшка кропил святой водой. После обедни и молебна Успению Божией Матери и прп. Макарию все возвращались домой, воспевая: “Преподобне отче Макарие, моли Бога о нас...”

Минуло еще немногим более 20 лет, и сень над ракой обветшала и едва держалась, а крыша на Успенском храме прохудилась и стала протекать, кресты упали... Но вскоре настало время славного возрождения древнего монастыря, упраздненного 130 лет назад. Хотя за эти годы позабыты были имена и деяния смиренных ино-

Братия Макариевской пустыни у входа в келейный корпус. В центре — настоятель монастыря иеромонах Арсений. Фото начала 1900-х гг.

ков, воспоминания о монастыре всегда жили в памяти народной и всегда называла она монастырем то место, где он некогда стоял.

В декабре 1893 года на имя Высокопреосвященного Феофота, архиепископа Новгородского и Старорусского (пустынь входила в его епархию), поступило прошение за подписью нескольких тысяч ревнителей веры из Петербурга — ходатайствовать перед Св. Синодом о восстановлении Макариевской пустыни и устройении в ней миссионерского монастыря. Первая попытка этого рода была сделана в 1886 году — при восстановленном монастыре предполагалось открыть дом трудолюбия для бывших заключенных и сельскохозяйственную школу для мальчиков. Но эта попытка не удалась и лишь 17 августа 1894 года Синод постановил: открыть обитель под названием — “Воскресенский практически-миссионерский монастырь” — с целью противодействовать сильно развивавшемуся в России сектантству. Настоятелем был назначен известнейший синодальный миссионер иеромонах Арсений из Александро-Невской лавры.

К тому времени этот миссионер прошел большую школу в России и на Афоне и как инок, и как проповедник. Начав свою проповедническую деятельность в 1866 году, он к моменту назначения объездил почти всю Россию, беседуя с раскольниками и сектантами и обращая многих из них в православную веру. Кроме того, он дважды посетил Св. Землю, совершив путешествие по всей Палестине, неоднократно бывал в Константинополе, Никомедии, на острове Патмосе, в Смирне, Салониках, Бейруте и Яффе, а также несколько раз посетил Афон, где начиналось его иноческое служение. Славу талантливейшего миссионера принесли о. Арсению его частые беседы и диспуты в Петербурге с сектантами и

представителями новейших лжеучений христианских.

Посвятив начальные дни в новом монастыре молитве, о. Арсений 15 октября 1894 года служил в нем первую Божественную литургию и перед ее началом обратился к молящимся с теплым словом, приглашая вознести молитву за Государя Императора, Его семейство и весь Царский Дом. На следующий день, в воскресенье, 16 октября, еще до рассвета, началась утренняя, за нею литургия и молебен пред ракою прп. Макария. В два часа дня состоялось освящение места закладки нового Воскресенского собора и на месте его алтаря был водружен большой деревянный крест. Торжество открытия монастыря закончилось 17 октября торжественным молебном. Макариевская пустынь восстанавливалась в память дивного спасения Императора Александра III и Его семьи при крушении 17 октября 1888 года царского поезда у станции Борки и в память о спасении Наследника Цесаревича Николая Александровича от руки убийцы в Отсу (Японии). Среди его насельников были выходцы из Греции и Черногории.

Неожиданно в обители по неизвестной причине вспыхнул пожар. Сгорела Успенская церковь, вся церковная утварь и библиотека. Однако уже в начале февраля 1895 года церковь стали восстанавливать, и вскоре она была построена (лес пожертвовали купцы Колосовы со ст. Любань) и освящена. Над местом, где под спудом покоились св. мощи прп. Макария, поставлена была новая рака и сооружена сень. Антиминс для новой церкви взяли прежний — он уцелел.

Уже в мае 1895 года во вновь построенном храме открылись первые народные миссионерские беседы. При монастыре было создано общество трезвости, преобразованное в 1915 году в Макариевское братство.

В том же 1895 году удалось осушить небольшое

плато, где стояла Успенская церковь. Прежде, при сильных дождях и таянии снега, оно ежегодно затоплялось водой с Макариевского болота. Вокруг церкви были прорыты широкие и глубокие канавы, а в западной стороне вырыт довольно большой пруд. С ним канавами была соединена вытекавшая из болота речка Лезна, что дало ее руслу более правильное течение. В 1903–1904 гг. осушительные работы продолжались.

В этот же период построены были: временная колокольня, братский корпус, гостиница. Необходимый для построек кирпич делали при самом монастыре. Начатые весной 1895 года строительные работы длились несколько лет. Так, в 1896 году была проложена дорога в 8 км длиной от монастыря до дер. Вериговщина — от нее шел путь на ст. Любань. Позже эта дорога превратилась в настоящую аллею. В том же году выстроены гумно и рига, в следующем — два здания под мастерские, а к Успенской церкви сделана пристройка.

В 1901 году Успенский храм был реконструирован. Внутри появились восемь каменных колонн, на которых был утвержден второй ярус, увенчанный куполом, и два придела: правый — свв. Апостолов Петра и Павла и левый — прпп. Арсения Великого и Макария Римлянина, Новгородского чудотворца. Они были освящены 19 мая и в июле 1901 года. В следующем году построен деревянный двухэтажный дом для братии и такая же гостиница.

Монастырь продолжал благоустраиваться. В 1904 году при входе в него были построены: часовня прп. Макария, просфорня, кузница и хлебопекарня. В том же году был возведен настоятельский корпус, на верхнем этаже которого 26 сентября 1905 года освящена домовая церковь Архистратига Михаила.

Место игумена Арсения 1 февраля 1906 года заступил иером. Кирилл, который трудился в обители со дня ее восстановления. При нем в том же году была выстроена трехъярусная колокольня, на которой повешены 15

колоколов, отлитых в 1907 году на столичном заводе В.М. Орлова в Петербурге. Самый большой колокол весил 105 пудов и на нем были изображены: Воскресение Христово, Успение Божией Матери, прп. Макарий, мч. Петр, прп. Сергей Радонежский и мц. Евдокия.

Не забыли устроители Воскресенского монастыря и островок — место первоначальных подвигов прп. Макария. В 1900 году вместо существовавшей часовни была построена деревянная церковь, освященная в субботу Сырной недели в честь препп. Отцев и Матерей, в подвиге и молитве просиявших. Через год, на средства Аверкия Ивановича Иванова, к ней пристроили небольшую колокольню с 8 колоколами, из которых самый большой весил 33 пуда 15 фунтов. А.И. Иванов в 1901 году купил островок у помещика Ширяева и завещал его пустыни. За несколько месяцев до своей кончины 30 ноября 1902 года он принял постриг с именем Андрея и был погребен на островке, за алтарем церкви.

Вскоре после открытия пустыни на ближайшей к ней железнодорожной станции Любань возникло небольшое подворье. Здесь, в 1898 году Григорий Александрович Воронов подарил обители участок с жилым домом, но вскоре дом сгорел и на его месте в 1900 году уже был выстроен новый двухэтажный, где и разместилось подворье. На верхнем этаже архимандрит Спасо-Преображенского Старорусского монастыря Алексей, позже епископ Велико-Устюжский викарий Вологодской епархии, освятил 9 сентября 1901 года церковь Воздвижения Креста Господня.

Еще одно подворье возникло на станции Малая Вишера, где в 1900 году дворянин Игнатий Викентьевич Толпыго принес в дар Воскресенскому монастырю имение, рядом с которым Мало-Вишерская дума выделила дополнительный участок земли. Здесь и была сооружена деревянная церковь Мало-Вишерского подворья на тысячу человек, освященная 16 сентября 1901 года

Макариевская пустынь. Место будущего монастырского храма (перед закладкой). На втором плане виден келейный корпус

вышеупомянутым архимандритом Алексием в честь иконы Иверской Божией Матери.

Недолго шло в ней богослужение. В ночь с 13 на 14 декабря, в 4 часа утра, в подворье вспыхнул пожар, истребивший как церковь, так и все убранство — не удалось вынести даже антиминс. Но боголюбивые благотворители не пали духом, и 7 апреля следующего года на месте сгоревшей была в Малой Вишере вновь освящена архимандритом Алексием из Старо-Русского монастыря деревянная однопрестольная церковь. Это случилось в Лазареву субботу.

В конце 1911 года от огня пострадал сам монастырь — сгорел корпус, где была библиотека и архив.

Однако благодаря множеству паломников, которые бывали в монастыре, обитель процветала и в середине 1912 года епископ Тихвинский Андроник (Никольский), впоследствии архиепископ Пермский (1870–1918), будущий новомученик, заложил в нем основание нового каменного храма св. Архангела Михаила, который 10 декабря 1915 года был освящен архимандритом Амвросием. Новый храм был возведен на месте деревянной церкви, примыкавшей к братскому корпусу. В этом году уже шла первая мировая война, и один из своих странноприимных домов монахи отдали беженцам из западных губерний.

Главной святыней Макариевской пустыни всегда были мощи прп. Макария, которые в Воскресенском монастыре лежали под спудом, посреди главного Успенского храма. Над мощами стояла рака, над ней возвышалась сень на четырех точеных столбах, украшенных карнизами и пятью небольшими главками с крестами. Другой святыней была хранившаяся в серебряном ковчеге частица Честного Животворящего Креста Господня и камня из Живоносного Гроба. Были в монастыре и чтимые иконы, среди них — образ Воскресения

Христов, присланный в 1900 году Иерусалимским Патриархом Дамианом, к которому была приложена дарственная грамота за его подписью. С Афона была получена икона Божией Матери, с Патмоса — Иоанна Богослова. В 1904 году Вселенский Патриарх Иоаким III прислал список иконы Божией Матери “Всеблаженная” из своего храма. В том же году от Иерусалимского Патриарха прибыла Голгофа, копия Голгофы в храме Воскресения Господня.

Эти святыни, а также активная миссионерская деятельность и пропаганда трезвости, привлекали в обитель не только жителей близлежащих мест, но и соседних губерний, прежде всего Петербургской. Особенно много богомольцев прибывало на престольный праздник Успения Божией Матери. Накануне праздника из Любани отправлялся крестный ход, который начинался от местной церкви свв. апп. Петра и Павла и к нему присоединялись крестные ходы из любанского подворья и Колпина с чудотворной иконой свт. Николая Чудотворца. Ход шел через деревни: Бородулино, Веретье и Липки, где у часовни его встречали местные крестьяне. В селе Пельгора в него вливался крестный ход приходской церкви свт. Николая Чудотворца, а в деревне Вериговщина, у часовни, — крестный ход из Покровской церкви села Замостье. При подходе к обители навстречу выходил монастырский крестный ход. Сотни богомольцев молились потом у раки прп. Макария за всеобщим бдением.

В день самого праздника крестный ход ранним утром отправлялся через болото в скит на островке к церкви прпп. Отцев и Матерей, в посте и подвиге просиявших. При этой церкви имелась небольшая келия, где постоянно жили два-три монаха или послушника. Перед революцией деревянную церковь сменила каменная на высоком гранитном цоколе. В храме паломники

Настоятель Макариевской пустыни иеромонах Арсений с группой богомольцев в церкви монастыря

*Макариевская пустынь.
Вид обители и монастырского
поселка с колокольни*

молились перед чудотворной иконой Преподобного, а из целебного источника близ него брали воду, пили ее, умывались ею и уносили с собой. В этот же день, 15 августа, в самом монастыре проходила праздничная служба Успению Божией Матери с присоединением из общей Минеи стихир и канона Преподобному и с пением особого тропаря, кондака и величания.

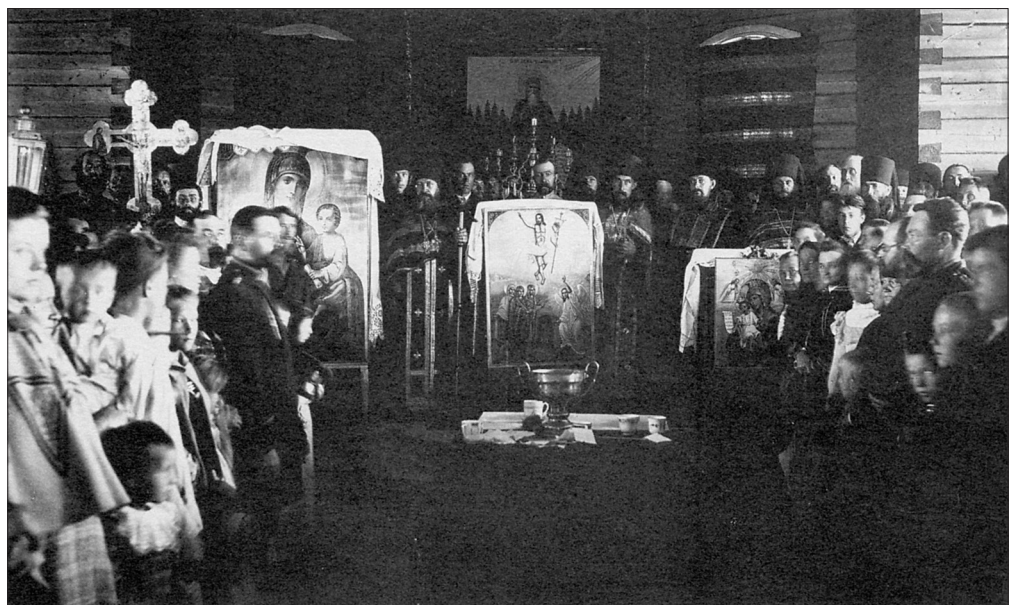
Крестные ходы на островок положено было в обители также совершать: в субботу Масляной недели, в неделю Православия, Крестопоклонную, в воскресенье Недели о самарянине, в день Сошествия Св. Духа, в Иоаннов и Петров дни — 8 мая и 29 июня. После этих праздников, когда пустынь вновь наполнялась богомольцами, в ней воцарялась молитвенная тишина... В летнюю пору с хвалой, возносимой Господу живущими здесь тружениками, которые со смирением молились о себе и всем мире, соединялось несмолкаемое пение пернатых, раздававшееся в лесной чаще, которая как

ограда окружала обитель.

Воскресенский монастырь считался наибеднейшим из всех монастырей Новгородского края. Так как из казны он ничего не получал, то братии приходилось неустанно трудиться: возделывать землю и сеять хлеб, работать на кузнице, в слесарне, в столярне, в токарной мастерской, плотничать, портняжничать, сапожничать и т. п. Вся пустынь строилась только трудами иноков, да на пожертвования верующих. Всего за двадцать лет (1895–1916) было сделано очень много, несмотря на то, что уже построенное приходилось возводить заново после пожаров, которые были, может быть, зловещими зарницами наступающего нового Смутного времени и связанных с ним катаклизмов.

Зимой 1921 года (31 января — 2 февраля) в пустыни побывал настоятель Казанского собора прот. Николай Чуков. “Прибыли, — вспоминал он, — в монастырь в 4.30 дня. Там уже были Владыка Митрополит и

*Воскресенский миссионерский
монастырь (Макариевская
пустынь). После водоосвящения
в домовй церкви
св. Архистратига Михаила
в верхнем этаже
настоятельского корпуса*

Макариевская пустынь. Островок с моделью Святой Горы Афон (слева) и дорога к скиту обители. Вид с колокольни

Преосвященный Алексей (Симанский)... Всенощная длилась с 6.30 до часа ночи. Народу немного.. было несколько духовенства с матушками, новгородских и петроградских.

Был у ранней, которую служил Боярский (будущий обновленец — В.О.) и служение которого мне не понравилось: какое-то холодное, маловыразительное... Отец Алексей Борисов очень сердечно совершал общую исповедь, но ее характер иной: он с вечера всю всенощную исповедывал, а во время причастия скорее говорил последнее слово, поднимал настроение и, кстати, прочел и разрешительную молитву.

Очень понравился мне строй жизни и настроение монашествующих: все смиренные, скромные, простые; игумен Кирилл — сам образец, держит умно их”.

Об истории монастыря после революции мы знаем пока мало. В апреле 1920 года на заседании межведомственной комиссии по ликвидации монастырей в Новгородском уезде принимается решение отдать здание монастырского странноприимного дома отделу народного образования для размещения в нем ремесленной школы с интернатом. Монастырь, однако, продолжал жить... Как пишет проф. Никита Александрович Мещерский в своих воспоминаниях: “В 1922 году туда вторглись какие-то жители, был организован совхоз, но церковь действовала и монахи (человек тридцать) продолжали жить на своих местах. Настоятелем был игумен Кирилл, который в 1923 году был поставлен во епископа Любанского, а в 1924–1925 годах, приняв схиму с именем Макарий, стал архиепископом Любанским”.

Далее автор-очевидец сообщает, что “устав в обители соблюдали строго, с одной разницей — утреню стали служить в пять часов утра”. Не забыл он и об островке: “километрах в трех от Макариевской пустыни, на берегу р. Мги, был сделан скит с церковью и келейка, в которой жили два-три монаха, обслуживающие церковь. В ней

любил служить владыка Макарий Любанский <...>. Закрыта Макариевская пустынь была в 1932 году <...>. На месте Макариевской пустыни было позднее какое-то отделение Свирьлага. До закрытия мы ежегодно с разными попутчиками совершали паломничество в пустынь...”

Действительно, в двадцатые годы многие верующие интеллигенты из Петрограда, в особенности студенты Богословского института, совершали поездки в Макариевскую пустынь в поисках душевного умиротворения.

Перед самым закрытием монастырь посетил юный А. Левитин-Краснов (1915–1988), который позднее в книге “Лихие годы. 1925–1941” изложил свои впечатления. “Раннюю обедню служил схиепископ Макарий со своим келейником, молодым тогда иеродиакон Видулом. После ранней обедни вся братия, кто помоложе, на работу — лес корчевать. Твердое задание получили. Лесоповал. А старики позднюю обедню служат. Трапеза. Затем часа два работа в обители (я помогал отцу Конону по уборке). А в четыре часа звонят к повечерию. После повечерия — акафист. В шесть часов братия возвращается с работы. В семь часов — вечерня, парастас перед иконой Божией Матери. Канон покаянный Спасителю, Божией Матери, Ангелу Хранителю. Вечернее правило. Богослужение оканчивается в первом часу. А завтра в три с половиной опять разбудит отец Конон”.

Сообщает мемуарист и о судьбе Владыки Макария. “После ареста всей братии в 1932 году, схиепископу Макарию и его келейнику дали сравнительно малый срок — 3 года. Вернувшись в 1935 году, поселились в Чудово (это недалеко от Любани), а во время войны попали в самый фронт. Убежали в соседнюю деревню, жили у кого-то в избушке <...>. Однажды видит старуха, у которой жили схиепископ с келейником, странный сон: как будто подъезжает к ее избе золотая коляска, а в коляске Царица. И говорит Царица: “Здесь у меня

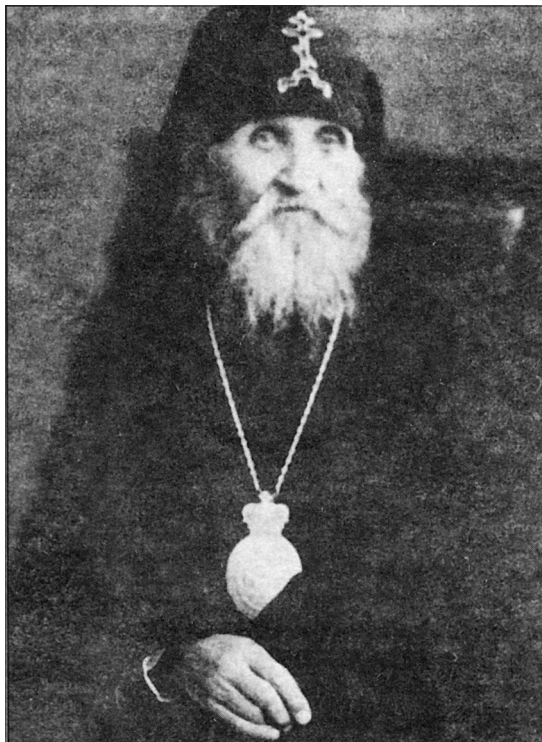
старец очень устал, надо ему дать отдохнуть”. А на другой день приходит католический ксендз и говорит: “Я слышал, здесь живет православный епископ с келейником!”. Вышел к нему Владыка. Поговорили. И ксендз дал совет: пробираться за Псков, в Псково-Печерский монастырь. Взяли котомочки, посохи и пошли, добрались до Печер, там их приняли с почетом <...>. В 1944 году стал владыка готовиться к обедне, стал перед иконами со своим келейником читать правило. А в это время артиллерийский обстрел: крупный снаряд ударил в вековой дуб, стоявший на дворе, рассыпался осколками, один осколок влетел в окно келии и прямо в горло Владыке...” Эту историю в 1963 году рассказал Левитину-Краснову в Псково-Печерском монастыре иеродиакон Вукол, бывший келейник Владыки.

Иную картину гибели схиепископа Макария Любанского сообщает монахиня Таисия в “Житиях русских святых” (Джорданвилль, 1984): “Последним ее (пустыни) настоятелем был замечательный подвижник, прозорливый старец схиепископ Макарий. Когда в 1932 году Макариевская пустынь была, подобно всем русским монастырям, насильственно закрыта, Владыка был сослан в концентрационный лагерь и после освобождения скрывался, руководя своими духовными детьми, постригая и рукополагая достойных.

Во время второй мировой войны он жил в Псково-Печерском монастыре. Во время немецкой оккупации, 1 апреля 1944 года был налет советской авиации. Братия скрылась в убежище. Но владыка Макарий спокойно остался в своей келии в трапезном корпусе, погруженный в молитву. После бомбардировки его нашли перед аналоем, убитым осколком бомбы. Евангелие и часослов на аналое были залиты кровью. Его погребли в пещерах...”

В наши дни в историко-краеведческом музее в Тосно выставлены экспонаты, посвященные Макариевской обители, в частности, альбом с фотографиями и текстами, автором которого является местный художник В.М.Балторин. В альбоме есть такая запись: “Известно, что перед Великой Отечественной войной в Макариевской пустыни располагался инвалидный дом. Пришедшие немецкие оккупанты выгнали в поле 300 больных женщин и детей и расстреляли”.

На одном из музейных стендов показана линия

Схииепископ Макарий

фронта на 2 марта 1942 года, которая идет с севера, от Синявинских болот, на юг, проходя через Макариевскую пустынь. Против немцев стояли наши 8-я и 54-я армии. Сотрудник музея В.С. Зайцев сообщил, что в монастыре немцы создали мощный опорный пункт, подавляла который наша тяжелая артиллерия, отчего все здания монастыря были разрушены. На другом стенде указано, что в ходе Любанской стратегической операции 1942 года, в которой участвовала 2-я ударная армия, на территории Любанского городского и сельского советов с лица земли исчезли 57 деревень. Список этих деревень занимает на стенде два длинных столбца и включает село Доброе и Макарьево.

Когда война кончилась, не забывшие Макариевскую пустынь пришли к ее руинам. На месте Успенской церкви еще торчали какие-то доски, сохранилось церковное крыльцо, были видны очертания фундамента. Пришедшие еще помнили, где находилась рака прп. Макария, отметили это место квадратом, выложенным из камней, и установили в нем деревянный крест.

Долгие годы после войны лежала в руинах Петропавловская церковь в Любани. Благодаря десятилетним неустанным трудам настоятеля прот. Евгения Бабинцева она ныне полностью восстановлена. Когда он начинал эти труды, его сподвижники на месте деревянного креста установили в Макариевской пустыни большой ажурный железный крест, обнеся его металлической оградкой.

В праздник Всех святых, в земле Российской просиявших, прихожане любанской и тосненской церковью во главе с прот. Евгением Бабинцевым уже несколько лет паломничают в Макариевскую пустынь, где служат молебны, акафисты и панихиды. 8 июня 1999 года автор статьи сам участвовал в этом незабываемом паломничестве.

Ранним утром богомольцы: 28 человек, из них семь девочек 10–12 лет, собрались у Петропавловской церкви и вместе с о. Евгением сели в заказанный автобус. Проехав по дороге на пос. Шапки километров пятнадцать, автобус свернул направо к зданиям бывшего завода “Большевик”. Дальше колесного пути не было — его перегородила широкая канава с разрушенным мостом. Растянувшись метров на триста живописной процессией,

Паломники по дороге в Макариевскую пустынь

паломники двинулись пешком по грунтовой дороге через заброшенные поля, перелески, кустарники.

Когда дорога стала плохо различимой, теряясь в высоких травах, а местами и ветвясь в разные стороны, о. Евгений, собрал паломников вместе и пересчитал, чтобы никто не потерялся. Мост через Лезну не сохранился, но лето стояло сухое и ее легко перешли по бревнам. За Лезной почувствовалось благодатное веяние Макариевской пустыни, хотя до нее оставалось еще около двух километров. Была жара, но дышать вдруг сделалось как-то легко. Благоухали травы, цветы, листья. Среди миротворной тишины послышалось пение птиц...

Но вот и пустынь! Там, где некогда стояла Успенская церковь, ныне сиротливо возвышается только крест. Место заросло елками, высаженными лет 20–30 назад. У подножия креста женщины расстелили широкое белоснежное узорчатое полотенце и на него положили иконки... Началось богослужение. Оно длилось долго, а когда окончилось — принесли воду из находящегося рядом пруда, и о. Евгений отслужил водосвятный молебен, после чего окропил паломников. Освятил он и воду в речке Лезне, наполняющей пруд, и кое-кто в него окунулся. Столами для скромной трапезы служили глыбы сцементированных кирпичей...

Дорога на островок, через Макариевское болото, сейчас труднопроходима, и туда мы не пошли. Дорога, настланная из бревен и покрытая толстым слоем песка, за долгие десятилетия погрузилась в болото и оказалась подо мхами, хотя ее направление хорошо прослеживается на более чем трехкилометровом отрезке — это широкая просека среди растущих на болоте мелких сосенок и березок. Мхи выстилают ее как бы широким желтовато-зеленым ковром.

На островок ходят теперь от пос. Костуя. Рядом с этим поселком лежит большое Белое озеро. Дорога на островок идет от Костуи по северному берегу озера на восток и через три километра подходит к реке Мге. За Мгой (которую переходят по стволам упавших деревьев) путник выходит на тропу и, пройдя по ней — тоже

на восток — два километра сосновым бором, снова попадает ко Мге. Пройдя по левому берегу на юг еще два километра, можно увидеть остатки разрушенного моста — из воды торчат почерневшие бревна устоев. От моста, на юго-восток, заболоченным лесом, ведет к островку старая, сильно заросшая дорога из прогнивших бревен. До него от моста менее километра. Осенью 1999 года этим путем провел меня С.М. Толпыга, неутомимый краевед из Колпина.

На островке мы увидели руины каменной церкви, выстроенной в 1914–1916 годах. Сохранился высокий гранитный цоколь и часть северной стены из кирпича, высотой около четырех метров. В западной стороне бывшей церкви находится колодец прп. Макария размером 75–80 см. Стенки его облицованы камнем. Сверху колодец прикрыт большой тяжелой каменной плитой квадратной формы. Вода при нашем посещении стояла на глубине 2,5–3 метров. Она прозрачная как хрусталь, холодная и вкусная!

В алтаре кто-то из богомольцев оставил маленькую иконку — образ Спасителя. Рядом с ней мы поставили иконку прп. Макария и зажгли свечи. Помолившись, набрали воды из колодца, разожгли костерок, вскипятили чай... Обойдя островок и осмотрев развалины, набрали воды и камешков, полюбовались на высокие кроны старинных дубов и лип и поспешили в обратный путь с душой, переполненной впечатлениями и благодарностью к прп. Макарию, освятившему островок своим подвигом пустынножительства.

О судьбе любанского подворья Макариевской пустыни мне рассказала Людмила Александровна Митропольская, старая прихожанка Петропавловской церкви. В юности она бывала в подворье на службах, которые совершались на втором этаже. Там, по ее словам, видела она замечательные иконы большого размера — более двух метров в ширину и высоту. Последнее всенощное бдение отслужили в домово́й церкви 4/17 февраля 1932 года, а на следующий день вся братия была арестована, и храм закрыли.

У колодца прп. Макария

Макариевская пустынь. Развалины церкви в скиту обители

В Покров 1943 года немцы погрузили жителей Любани в железнодорожный эшелон для переселения в Литву. В полночь Людмила Александровна и другие люди увидели из состава пожар. Мальчик побежал на пожар и сообщил, что горит подворье. Состав не был отправлен и на ночь всех отпустили по домам. Идя снова к поезду, утром увидели, что подворье полностью сгорело.

Л.А.Митропольская проводила меня к месту, где стояло подворье, недалеко от любанской церкви, к югу от нее, за узким овражком. Оно возвышалось на углу Советской (б. Софийской) и Красной улицы. Сейчас на этом участке (Советская ул., 4) находится длинный одноэтажный дом. Подворье длинной стороной выходило на Красную улицу. В доме, выстроенном после войны на месте подворья, жила художница Константинко. Она написала большую икону прп. Макария, которая сейчас находится в Казанской церкви в Тосно.

Рядом со зданием подворья, у его торца, после войны еще высились три высокие кирпичные арки. Немцы пытались их взорвать, чтобы вымостить кирпичом Лесную улицу, но почему-то не сделали этого. Арки были взорваны после войны советскими начальниками, так же на кирпич... Тогда по городу ходили слухи, что в одной из арок после взрыва обнаружили замурованное письмо.

Вера Петровна Насынко, одна из старейших прихожанок любанской церкви, сохранила листок из тетради с записью плача подвижников Макариевской пустыни. Листок прислал в Любань знакомой женщине монах пустыни, находившийся в ссылке. Передав мне листок с плачем подвижников, Вера Петровна рассказала волнующую историю: “К мужу одной женщины — он был портной в Любани или Тосно — пришел милиционер и заказал костюм. Пока портной снимал с него мерку, милиционер поделился с ним своими переживаниями во время конвоирования из Макариевского монастыря арестованных монахов. Монахи, отъехав от монастыря, попросили остановить лошадей. Он остановил. Сойдя

с телег, монахи стали молиться, плакать и прощаться с обителью. Они так горевали, что милиционер сам чуть не заплакал, он даже захотел отпустить монахов на свободу, но побоялся начальства...”

Плач подвижников Макариевской пустыни

Прощай ты, обитель Святая,
Прощай наша жизнь навсегда.
Тебя нам, обитель родная,
Не видеть уже никогда!

Погасли лампы и свечи
Навеки во храмах твоих,
Умолкли свободные речи
И звон колокольный затих.

И церковь твоя опустела —
Молящихся нету людей...
Веселье души улетело,

И грусть воцарилась в ней.
Скажи нам, обитель Святая,
Где братья и сестры твои,
Где те, что тебя создавали
И отдали силы свои?

Зачем ты грустна, одинока,
Зачем не зовешь нас к себе,
А мы на чужбине далеко
Льем слезы в тоске по тебе?

Господь нам послал испытанье —
Враг отнял обитель у нас.
Как тяжко томиться в изгнании,
Спасенья не ведая час!

Живя равнодушно, небрежно,
Прогневали Господа мы:
Нас жизни лишил безмятежной,
Мы — жертвы безбожья и тьмы!

Корабль наш мачты утратил
И нет ему больше пути.
Прости нас, Премудрый Создатель,
Дай тихую пристань найти!

Прощай же, обитель Святая,
Прощай наша жизнь навсегда.
Тебя нам, обитель родная,
Не видеть уже никогда!

Женщина, живущая сейчас в деревне Вериговщина, видела, что из обители вывозили на телегах не только монахов, но и много церковного имущества. Она была тогда молодой девушкой, ее посылали в пустынь снимать колокола, но мать не пустила...

При новой встрече с Верой Петровной Насынко я услышал от нее еще две интереснейшие истории. Согласно первой истории, пять монахов Макариевской пустыни, вернувшись из мест ссылки, жили в Псково-Печерском монастыре. Однажды они приехали в Любань, взяли котомочки и пошли в лес, будто бы за грибами, а сами направились в пустынь и там, в лесу, откопали спрятанные монастырские святыни, в том числе Евангелие,

Макариевская пустынь. Церковь во имя преподобных Отцов и Матерей, в посте и подвиге просиявших на островке (месте первоначальных подвигов прп. Макария) — в скиту сбители

богато изданное, больших размеров, в особом футляре. Это Евангелие хранилось у В.П. Насынко долгие годы, но потом она подарила его Пюхтицкому женскому монастырю, где оно сейчас и находится.

Вторая история еще более любопытна. “Когда закрыли Макариевскую обитель, там работал плотник из деревни близ Любани. Он попросил у советского начальства разрешение взять икону Казанской Божией Матери. Начальник сказал: “Забирай!” Когда позже, во время Великой Отечественной войны, плотника стали отправлять в Литву, он попросил немца, квартировавшего в его избе, сохранить икону. Немец обещал. Вернувшись после войны, плотник не нашел своей избы и сильно опечалился — вместе с избой исчезла и икона.

Но вскоре девочка из этой деревни рассказала родителям, что в щелях между досками, которыми забито окно заброшенного дома, виден какой-то свет. Отбили доски — между рамами оказалась спрятанной та самая икона Казанской Божией Матери из Макариевской обители. Икону плотник потом привез в Любань и оставил у сестры на хранение. Под ней однажды ночевала больная девушка, родственница. Ей приснилась Божия Матерь и сказала: “В храм меня надо!” Икону отвезли в Тосно, в Казанскую церковь, где она находится и сейчас”. Я видел ее. Лик Богородицы — суров и серьезен, потемнел от времени. Глядя на него, мне на миг показалось, что я стою в древней Макариевской пустыни.

О чудесах прп. Макария в жизни верующих повествуют рассказы, записанные Верой Петровной со слов знакомых прихожанок.

Рассказ Параскевы из Любани

Это было примерно в 1908–1910 гг. Я жила в селе Доброе. От него до пустыни шесть километров. У моих соседей в деревне жила слепая девочка Феня, 7–8 лет. Отца звали Семен, мать — Мария. Девочке приснился

сон, в котором ей явился незнакомый дедушка и сказал: “Тебе надо помыться в колодце”. Утром сон она рассказала маме. Та говорит отцу: “Запрягай лошадь!” Поехали к Макарию, повезли девочку. Когда они приехали в монастырь, помыли Феню водой из колодца, что был в церкви. После, когда они ехали обратно, девочка кричит: “Я вижу свет!” И стала все видеть.

Рассказ Евгении из Тосно

Три девушки надумали идти из Тосно на праздник Успения Божией Матери лесом к Макариевскому монастырю. Был уже поздний вечер, темно. Навстречу вышла стая волков. Девушки стали молиться преподобному Макарию, стали говорить друг другу грехи свои со слезами... И вдруг, откуда ни возьмись, показалась подвода, — ехали монахи в монастырь, взяли девушек и довели до монастыря.

Рассказ Евдокии из Любани

Накануне своего дня Ангела, 13 марта, я пошла пешком из Любани в Макариевский монастырь, чтобы приобщиться святых Христовых Таин у преподобного Макария. Идти надо было 20 верст. Погода была холодная, шел снег, местами на дороге были проталинки. Немного я отошла от Любани, оторвалась подметка у сапога. Привязала ее тряпочкой, но все равно на ходу подметка не держалась. Решила идти одной ногой босой по холоду. Когда дошла до монастыря, помолилась преподобному Макарию, причастилась, омылась водой из колодца и, слава Богу, почувствовала себя хорошо, даже насморка не было.

В связи с этими рассказами и воспоминаниями уместно привести слова Симеона Метафраста о помощи исповедников, прославленных нетлением своих мощей: “Аще и затворены суть мощи их во гробах, но силы их в поднебесной земными пределами не суть определены”.

Не так давно историко-краеведческий музей в Тосно посетил пожилой мужчина с рюкзаком за спиной. Он сообщил, что четыре дня и четыре ночи провел в Макари-

У мощей прп. Макария

евской пустыне и сам он — житель Москвы, собирается в ней поселиться и уже получил официальное разрешение от епархиальных властей. Он хочет построить там вначале хотя бы келию, а также добиваться помощи руководства района для установки на территории пустыни обелиска погибшим во время Великой Отечественной войны тысячам наших воинов. Зовут этого мужчину Анатолий Васильевич Попов. Может быть, снова, в третий раз, оживет древняя пустынь...

Каждый, кто сегодня совершает паломничества в пустынь, хранит в памяти ее многовековую историю, становится участником и продолжателем этой истории. Когда я понял это, понял, что тоже вошел в сей исторический процесс, начатый прп. Макарием и соделываемый безымянными иноками, богомольцами-паломниками и особенно игуменами: Левкием, Арсением и Кириллом, то почувствовал я, как душа моя благодатно затрепетала...

Основная библиография:

1. Сыранский А. Макариевская пустынь, находящаяся в Новгородской губернии и уезде. С.-Петербург. 1873.
2. Корольков А. Преподобный Макарий Римлянин Новгородский чудотворец и его обитель — ныне Воскресенский миссионерский монастырь. С.-Петербург. 1895. Изд. второе. 1902. Изд. пятое, дополненное.
3. Владимир, иеромонах. Краткое описание жизни преподобного Макария Римлянина Новгородского чудотворца и его обители — новгородского Воскресенского мужского монастыря. С.-Петербург. 1907.
4. Новгородские епархиальные ведомости. № 6. 1910. С. 176.

5. Новгородские епархиальные ведомости. № 11. 1916. С. 138.
6. Новгородские епархиальные ведомости. № 26. 1916.
7. Таисия монахиня. Жития русских святых. 1000 лет русской святости. Издание второе. Свято-Троицкий монастырь. Джорданвилль. США. 1984 г. Т. 2. С. 102
8. Мещерский Н.А. Воспоминания //Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 6. 1991.
9. Левитин-Краснов. Лихие годы. 1924–1941. Париж. 1977 г. Воспоминания о Макариевской пустыни из этой книги были напечатаны в газете «Тосненский вестник» 3 апреля 1997 г. в статье «Последний паломник».
10. Толпыга С.М. Макариевская пустынь. София. № 1. 1998 г. С. 13–15. Издание Новгородской епархии.

СТРАСТНАЯ *Что воздам
возлюбившему мя
Даже до смерти?
Язвы.
Где благовоний
Сосуд алебастровый?
Разлит.
И на пиру
Не предстану в одежде ли
грязной,
я
в руки милующие
забывавшая
гвозди.*

ПОСТ *По четкам слез земные бью поклоны.
Со мной колена сердце преклоняет.
Забрезжил свет среди крестов оконных
Свеча, поколебавшись, догорает.*

Елена Ширнина

ПАСХА

*Золотые купола
Повивает ветер синий.
Запоют колокола
над тобой, моя Россия.
Посрамится сатана
В городах и малых весях -
Нерушимая стена
Вкруг тебя:»Христос Воскресе!»
Сонмы ангельских чинов.
Божья Матерь со святыми
Свои молитвенный Покров
Над просторами раскрыли.
И весенний хор ручьев,
Услыхав примет небесный,
До земных промчит краев
Песнь: «Воистину Воскресе!»*

А.Ф. Платонова

ПОД СЕНЬЮ ВЕРЫ

Рассказы

Платонова Александра Федоровна — известная духовная писательница, автор более десяти книг стихов и прозы — родилась в Петербурге. Дочь художника Ф.К. Платонова, написавшего иконы в храме-усыпальнице св. прав. Иоанна Кронштадтского и в храме Двенадцати Апостолов, она с юных лет была связана с Иоанновским монастырем. Окончив 8 классов Введенской гимназии и Императорский педагогический институт, до 1918 г. работала преподавательницей истории и педагогики в женском училище принцессы Терезии Ольденбургской и Петровской женской гимназии. Редактировала церковный детский журнал «Незабудка». С 1912 по 1917 гг. являлась постоянным автором журнала «Кронштадтский пастырь», выходившего под редакцией свящ. Иоанна Орнатского. В 1919 г. Александра Федоровна становится насельницей Иоанновского монастыря, а в 1921 г. пострижена митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским) в монахини, с именем Анастасия.

Ее брат, свящ. Николай Платонов, в 1925 г. уклонился в обновленчество и начал сотрудничать с ГПУ. Позднее он стал обновленческим митрополитом Ленинградским, а в 1938 г. снял сан и отрекся от Бога. Скончался Н.Ф. Платонов в марте 1942 г. в блокадном Ленинграде и перед смертью покался в своих грехах и преступлениях в Николо-Богоявленском соборе.

Монахиня Анастасия пользовалась большим авторитетом и известностью.

Вот как о ней отзывался знавший ее А. Краснов-Левитин:

«Александра Федоровна Платонова начала писать в церковных журналах еще гимназисткой, в начале века, и впоследствии стала (несмотря на свою молодость) известной церковной писательницей. Ее очерки, статьи, разбросанные по церковным журналам, выходившим в Петербурге в предре-

Петроградская сторона. Дом по Большой Пушкарской улице, 50, в котором А.Ф. Платонова жила в 1910-х гг.

волюционные годы, перечитываешь с живым интересом. Овеянные живым религиозным чувством, они трогают читателя и теперь, а ее очерк об архиепископе Николае Японском, изданный отдельной брошюрой в 1914 г., остается пока лучшей на русском языке биографией знаменитого миссионера. Читая эти очерки, угадываешь ее дальнейшую судьбу. Основные этапы ее жизни: после революции — монахиня Иоанновского монастыря (была пострижена в 1919 г. с именем Анастасия), 1925 г. — разрыв с горячо любимым братом, закрытие монастыря. В 1926 году она избирается игуменией общины разогнанного монастыря, которая продолжает свое существование при храме Алексия Человека Божия. Многочисленные аресты, в которых молва обвиняет ее брата. Высылка из Ленинграда в 1929 г., нелегальный приезд в родной город в 1930 г., случается встреча в трамвае с братом. Обмен репликами. — Что ж ты не подходишь, Шура; или брата не узнаешь? — И ты меня еще спрашиваешь, Коля? Ведь папа и мама в могиле переворачиваются. Ты дьяволу служишь. И загадочная реплика в ответ: «Может быть, я сам дьявол и есть!». 30-е годы. Последний арест. Лагерь. 1937 год. Ее следы исчезают».

После закрытия Иоанновского монастыря мон. Анастасия вместе с несколькими сестрами (7–8 человек) образовала общину при церкви Алексия Человека Божия, расположенной недалеко от обители на Геслеровском (сейчас Чкаловском) пр., д. 50. В 1926 г. ее избрали старшей монахиней.

Алексеевскую церковь, как и Скорбященскую, в 1927 г. передали обновленцам. Власти опасались огромной известности и популярности этих храмов. Членов причта и приходского совета Алексеевской церкви обвинили в принудительном взимании членских взносов с прихожан. Дело передали в суд, и, хотя обвиняемые были оправданы, 5 августа 1927 г. храм передали новой обновленческой двадцатке.

С.-Петербург. Дом по Большой Пушкарской улице, 28-б, где в 1900-х гг. жила писательница А.Ф. Платонова

Петровская женская гимназия (Плуталова улица, 24), где долгое время преподавала А.Ф. Платонова

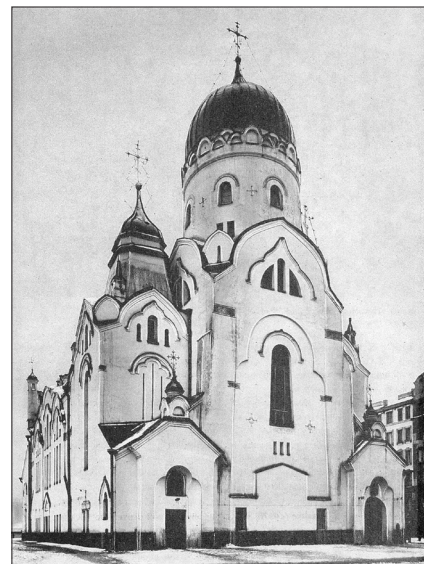
Монашеская община, возглавляемая монахиней Анастасией, была вынуждена покинуть Алексеевскую церковь и поселиться на частных квартирах. К концу 1933 г. она значительно выросла — с 8 до 25 человек. Мон. Анастасия (Платонова) написала в начале 1930-х гг. ряд церковных произведений: «О Кресте», «О Голгофе», «Одиннадцать воскресных Евангелий», несколько стихотворений. В одном из них — «За церковь» — содержался призыв к борьбе за веру «не страшась смерти и страданий». Все эти произведения распространялись членами общины во многих храмах города. Была даже выпущена целая брошюра с изображением на обложке ангела, держащего крест и меч, и надписью «сим победиши, с нами Бог». На квартире тайной монахини Анны (Усс) существовала нелегальная домовая церковь, хранились предметы церковной утвари, облачения. Службы совершал протоиерей Феодор.

Аресты по делу «евлогиевцев», самому известному из церковных следственных дел, начались 22 декабря 1933 г. Его сутью была целиком надуманная концепция ОГПУ — якобы в 1932–1933 гг. в Русской Православной Церкви произошел новый раскол, по тактическим соображениям не имевший открытого выражения. После того как проживавший во Франции митрополит Евлогий (Георгиевский)

разорвал отношения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергием (Страгородским), «наиболее контрреволюционная часть» духовенства и мирян будто бы вступила на путь антисоветской борьбы, ориентируясь на митр. Евлогия, белую эмиграцию и Англиканскую церковь. Их целью, по версии ОГПУ, было свержение советской власти и установление конституционной монархии, подобной английской.

Монахиню Анастасию и 8 сестер из ее общины арестовали 22 декабря. Их обвинили в принадлежности к тайной монашеской ячейке «Братство Евлогия», или «Союз евлогиевцев». ОГПУ пыталось доказать, что А. Ф. Платонова через бывшую настоятельницу Холмского монастыря игуменню Афанасию (Громеко) получала какие-то директивы от митрополита Евлогия, хотя никаких реальных подтверждений этому не существовало. На допросе обвиняемая монахиня говорила, что сам митр. Вениамин указывал ей на необходимость организации при советском строе тайных монашеских общин. Тройкой Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе 25 февраля 1934 г. монахиня Анастасия была приговорена к 5 годам лагерей и, вероятно, погибла в лагере в 1937 г.

Церковь прп. Алексия, Человека Божия, при которой существовала монашеская община закрытого Иоанновского монастыря, возглавляемая монахиней Анастасией (Платоновой)

С НАМИ БОГ!

«Христос рождается — славите!»

Вот опять она, радостная, светлая, торжествующая рождественская песня! Опять раскрывается над изумленной бедной землей полночное небо, опять несказанную Тайну созерцает она, опять слышит ангельское пение:

«Слава в Вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение!»

О, если бы не один миг или час, если бы всегда, вечно слышать эту ликующую песню, если бы, найдя раз Христа в яслях Вифлеема, никогда не отходить от Него!

Вот оно, то великое, чудное, страшное, чего так

ждало, по чему так тосковало, томилось человечество тысячи лет: совершилась великая тайна — Бог явился во плоти!

Пусть теперь все силы мира сего, все силы ада ополчатся на нас, — ничто и никто не отлучит нас от любви Божией, ничто не удалит от нас по неизреченной любви к нам сошедшего на землю Сына Божия, никто не исхитит нас из руки Его, никакие враги не устрашат нас, потому что «с нами Бог!»

И в этом сознании, в этом живом ощущении близости Божества — источник вечной радости христиани-

на, источник того несказанного блаженства, которого тщетно жаждут люди, лишенные веры и живущие вне Церкви.

Год за годом уходит в вечность, а они все ждут, все ищут какого то «нового» счастья.

«Сколько раз простирал я руки к обманчивым грезам и снова затем стоял над этим горным потоком, прислушиваясь с закрытыми глазами к его монотонному вечному шуму, с печалью и беспредельной скорбью в душе!»

Какая грусть! Какая тоска!

Но такой же тоской не терзается ли огромное большинство людей, протягивающих руки, как этот поэт, стоящий в горьком раздумье над горным потоком, к обманчивым грезам, к призракам счастья, и с ужасом постоянно осознающих, что эти призраки убегают от них?!

Вот человек, провозглашающий, что счастье миру может дать только одна наука. С какой верой именно в науку, в силу человеческого разума идет он по жизненному пути, заранее предвкушая блаженство всеведения, стремясь проникнуть своим разумом в самые сокровенные тайны бытия! И, однако, счастье отодвигается от него все дальше и дальше, уверенность и мир незаметно оставляют душу, и, вместо них, в нее вползает какая-то непонятная тоска, глухой непередаваемый ужас человека, роковым образом катящегося в бездонную пропасть... «Знающий все», стремящийся быть «яко бози», человек, оказывается, не знает самого главного: для чего он живет? Думавший озарить весь мир своим светочем, он вдруг осознает себя самого объатым тьмой, и те, которые шли за ним, оказываются вдруг жалкими и беспомощными, как «слепые» в драме Метерлинка, когда умер старик-священник: для них «религия погибла, проповедника не стало, вера угасла. Что же осталось? ничего, кроме беспредельной власти смерти! Она осталась, и только ее шаги слышат слепые, а остальное все молчит».

Другие люди видят свое счастье в материальных благах, живут, не задумываясь над «проклятыми» вопросами, не заглядывая в будущее.

Но одно волнение житейского моря, одно дыхание смерти, и в один миг рушится воображаемое счастье: слава, богатство, любовь — земная, страстная, основанная на поклонении внешнему человеку, — все проходит и исчезает, как тень, все кажется счастьем только издали, ярким огнем блистает впереди, а едва только человек приблизится к нему, рассеивается, гаснет, пропадает, как марево пустыни.

— Нечем жить! — вот признание, которое приходится слышать и из уст человека, заваленного научным или житейским трудом, и из уст человека, пользующегося всеми видимыми благами жизни, и даже из уст тех, которые только заглянули в лицо жизни и отшатнулись в ужасе от пахнувшего на них холода могилы...

Рождество Христово

Нет смысла жизни, нет счастья, которого так мучительно жаждет человеческая душа!

Но это потому, что большинство людей живет и умирает с «закрытыми» глазами, не видя ничего, кроме беспроекторной тьмы, не слыша ничего, кроме общего, нестройного шума исполинского потока...

В этом мука, в этом трагедия жизни...

И хочется сказать им: «О, если бы вы открыли глаза! Вы увидели бы над потоком жизни сияющий крест Церкви Христовой, лучами пронзающий тьму! Если бы вы открыли глаза, вы увидели бы, как сонмы подобных вам тружущих и обремененных в этот же самый миг не проклинают, а благословляют жизнь: в их душах такая полнота счастья, что им уже нечего больше желать, как только того, чтобы не отлетела от них «радость совершенная», но росла бы и раскрывалась бесконечно...

Это те, для кого в сегодняшнюю рождественскую ночь воистину родился Христос! Это те, которые теперь слышат и сами поют победную песню «С нами Бог!»

В Святую Рождественскую ночь что-то чудное загорается в душе... Вот-вот поднимется перед ее очами завеса в Святое Святых... и уже поднялась, и уже видит она Того, на Кого чины Ангельские не смеют взиращи...

И ни где-нибудь там, на Престоле Херувимском, почивает Он, — слабым младенцем лежит в яслях, в убогом вертепе! На землю сошел Тот, Кому нет имени на языке человеческом.

Господи, пусть же придут к Тебе в эту ночь все ищущие Тебя, пусть исполнятся радости несказанной и вместе с небесным воинством будут петь:

«Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение!»

Ко Христу. Роспись Покровского храма Марфо-Мариинской обители сестер милосердия на Большой Ордынке в Москве

ПОЙДЕМ ЗА НИМ!

*Чтоб наша жизнь была не скорби воплощеньем,
Не капищем греха, проклятия и слез,
Не тягостным, больным, сплошным недоуменьем,
Не оргией страстей над прахом светлых грез,*

*А радостным путем к небесному чертогу,
Над бречностью земной духовным торжеством
И в самой бездне зла хвалебным гимном Богу,
Пойдем за Ним, за Господом Христом!*

Пойдем за Ним!

Пойдем, как шли любящие преданные женщины, как шли галилейские рыбаки, как шел тот Левий-мытарь, который потом сделался апостолом и Евангелистом!

Вот этот мытарь сидит у сбора пошлин. Вокруг него толпа, шумная, изменчивая в своих суждениях, видящая только наружную сторону вещей и, однако, самоуверенная в своих приговорах...

Она ненавидит этого мытаря за самое его ремесло, она давно заклемила его прозвищем сребролюбца.

Фарисеи и книжники, эти мнимые праведники и мудрецы, смотрят на него с чувством омерзения и брезгливости, как на «нечистого» и грешника, а большинство проходящих не обращает на него никакого внимания.

И среди этой беспрерывно снующей взад и вперед, волнующейся, как море, толпы он сидит одинокий на своем обычном месте, за своим скучным делом, погруженный в свои ни для кого не интересные думы.

Так идет день за днем... И вдруг всевидящее Божественное око устремляется на него, вдруг властный, невыразимо близкий, как бы родной и уже слышанный когда-то и, однако, таинственный голос касается его слуха: „Следуй за Мной!» И проходит этот голос до самой сокровенной глубины грешного сердца, проникает в его внутреннюю храмину до разделения в ней души и духа, перерождает все его существо и разом ставит его на новый путь жизни... «И он встал и, оставив все, последовал за Ним». Встал, оставил то, что, может быть, начинало уже пленять немощную душу или, напротив, тяготило ее и заставляло грезить о высшем призвании человека.

Матвей оставил все и последовал за Господом. В течение трех с половиной лет ходил он с другими учениками за Господом Спасителем, ходил, не смущаясь ни видимым унижением Его на земле, ни яростью Его врагов, ни лишениями и страданиями, какие ожидали его самого, как ученика Христова, ходил потому, что не мог не идти, забывая о всем на свете, весь охваченный горячей любовью к Тому, Кто вызвал его из тьмы и призвал в чудный Свой мир — мир «ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому». И так бывает со всяким, кто «рождается от Духа».

Следуя за Спасителем по всему Его крестному пути на земле, Матвей вместе с другими апостолами и веровавшими во Христа пережил и невыразимые нравственные муки в те дни, когда само небо ужаснулось совершившемуся на кресте, и неизреченную радость, когда увидел воскресшего Господа. Через сорок дней по воскресении Спаситель вознесся на небо, но душа, раз пламенно возлюбившая Его, уже не могла „прилепиться» к земле, оторваться от Христа, и бывший мытарь, поклонившись на горе Елеонской возносившемуся Господу, возвратился, как и прочие апостолы, в Иерусалим, хваля и славя Бога, а получив дар Св. Духа, весь отдался делу благовествования о Христе. Написав Евангелие для евреев, он ушел с проповедью за границы Палестины: в Сирию, Мидию, Персию, Парфию и, наконец, пришел в Индию, где принял мученическую смерть за ту радостную весть, которую он принес «сидящим в стране и тени смертной».

Так, откликнувшись всей душой на призыв Господа,

*Жены-мироносицы. Роспись Покровского храма
Марфо-Мариинской обители сестер милосердия*

он вступил на путь, который привел его на страдания и мученическую смерть, но этот же путь ввел его в царство света, сделал его первым евангелистом и прославил через него имя Божие.

Один ли ап. Матфей шел этим путем? Это был и есть путь всех, кто чутко и искренно прислушивался к Божественному голосу, раздающемуся и в его совести, кто стремился уразуметь вечный смысл человеческой жизни и, возлюбив Христа не на словах только, а всем сердцем своим, всей душою своею и всем разумением своим, отдался Ему... И всех их приводил и приводит таинственный голос: «Следуй за Мной!» на тот же путь — на путь, может быть, временных страданий, скорби и испытаний, но зато и таких духовных радостей, какие не приходят и на ум привязанному сердцем к земле, ветхому человеку.

И все-таки мы не все идем за Христом... Как много в наши дни христиан, которые часто и много говорят о религии, о Христе, о церкви, которые на словах кажутся защитниками христианства от его многочисленных врагов, а на деле, в жизни своей, остаются соблазном для колеблющихся в вере! Слова, слова и слова!.. И слова в такое время, когда от каждого из нас требуется самоотверженное проявление веры в подвигах нашей повседневной жизни.

Но зовет ли нас теперь Христос?.. Прислушаемся внимательно к тому, что совершается вокруг нас, прислушаемся каждый к голосу, раздающемуся в нашем собственном сердце. Откуда этот вдруг пробудившийся интерес в нашем образованном обществе к религиозным вопросам, откуда эта потребность в темных массах народа услышать о Боге живое слово, откуда вообще, и в нас самих в частности, эта тоска по дивно-прекрасным небесным песням?.. Да, мы все, тоскуем по этим песням, мы все, как евреи на реках Вавилонских, скорбим, но небесной отчизне, и эта скорбь, эта тоска есть уже Божий голос в человеке, не допускающий его заснуть страшным сном духовной смерти. Пойдем в церковь,

вникнем в смысл совершающегося в Божьем храме и мы услышим еще яснее, еще определеннее этот голос, мы увидим ясно, куда именно мы должны идти и что делать.

Господь зовет нас к Себе... «Бывают минуты, — говорить один современный мыслитель, — когда человек чувствует, что над его головой раскрывается небо». Бывают минуты, можем сказать и мы, когда мы сознаем, чувствуем, что голос Божий обращен к нам, что мы должны теперь же встать и идти за Ним, идти, оставив все, отрешившись мыслию от всего житейского... Мы сознаем это... но, слабые, немощные, боязливые, не решаемся сделать этот шаг в своей жизни, не решаемся расстаться со всем тем, что дает нам возможность спокойно есть, пить, спать, хотя делает пленниками мест, людей, рабами, а не господами жизни... Мы боимся продумать до конца призыв Спасителя и думаем, говоря словами Рескина, «что если мы лучшие покои в обители сердца сохраняем чистыми и убранными для Христа, то можно оставить и Вельзевулу, на случай его посещений, небольшой уголок, треножник в нашей душе»...

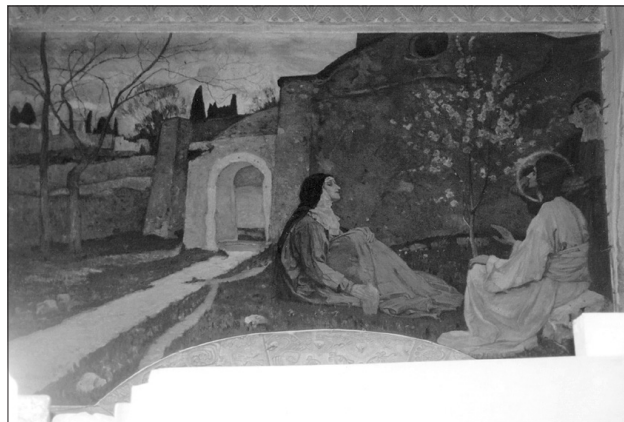
Отсюда этот мучительный разлад между нашей верой и жизнью, которого многие неокрепшие души не в состоянии вынести, отсюда наша собственная тоска и неудовлетворенность жизнью. Мы сами портим себе жизнь, сами лишаем ее той высшей по красоте формы, в которую она могла бы вылиться в христианстве. И понятно, что люди цельные, глубоко чувствующие, серьезно смотрящие в лицо жизни, сознающие, что христианство не философская только система, не возвышенное только учение о нравственности, а прежде всего жизнь, скрытая со Христом в Боге, требующая от человека внутреннего подвига молитвы, самоотречения и деятельной любви к ближнему, — понятно, что такие люди не могут успокоиться, только на словах исповедуя Христа.

— Несколько лет тому назад, — рассказывала мне одна знакомая дама, — пришлось мне быть на одном религиозно-философском собрании. Роскошная, устланная коврами, залитая электричеством лестница. Лакеи в белых перчатках. Большая, изящно и богато убранная гостиная, наполненная мягким полусветом. На полу ковры, на стенах — гравюры из жизни Богородицы и Христа. Публика самая избранная, часто слышится французская речь. Дамы в черных платьях с длинными шлейфами, в лайковых перчатках. В общем — впечатление великосветского раута.

Помню: когда я первый раз вошла в эту изящную гостиную, — мне, которой так давно хотелось где-нибудь отвести душу, услышать о Христе, самой разрешить некоторые недоумения, стало вдруг жутко, холодно, больно, хотелось заплакать и уйти куда-нибудь из этого блестящего общества... Было как-то неловко и стыдно слышать здесь беседу о Том, Кто «не имел, где главу преклонить», и о Его «меньших братьях», которые уми-

рают от нищеты и голода в подвалах, чердаках и развалившихся флигелях на окраинах столицы, — слышать здесь, в этом великосветском салоне, куда собрались богатые, довольные, сытые люди... Потом я поняла, что была не совсем права: я увидела, что среди собравшихся было много искренних, ищущих Христа и серьезно настроенных лиц. И Бог знает, не встрепенулась ли какая-нибудь душа при одном имени Господа Иисуса, которое произносилось на этом собрании? Не был ли в чьей-нибудь жизни этот вечер поворотным пунктом к Богу?... Но все-таки и потом мне всегда казалось, что наши собеседования в конце концов должны пробудить в нас потребность уйти из этой богатой обстановки и начать жить скромной, деятельной христианской жизнью.

Да иначе не может и быть. И можно только скорбеть о том, что не все мы оказываемся последовательными христианами; что многие из нас, «возложив руку на орало, боязливо озираются назад», а другие и вовсе отделяют религию от жизни. А если бы все мы, на каком бы поприще ни были призваны служить Богу: священники, которым на земле дано совершать то, во что желают проникнуть Небесные Силы; ученые, которым по преимуществу небо и земля поведают славу Божию; писатели, которым дан один из величайших даров неба — „глаголом жечь сердца людей»; учителя, на ответственности которых лежит воспитание живых Христоносных храмов; рядовые труженики жизни, имеющие себе образцом для подражания Иосифа-древодела, Пречистую Деву Марию, помогавшую своему

*Христос у Марфы и Марии.
Роспись Покровского храма
Марфо-Мариинской обители сестер милосердия*

обручнику в ведении хозяйства, или даже Самого Христа, который до тридцатилетнего возраста нес труды простого плотника, — если бы все мы вспомнили, что и нас Господь зовет за Собой и, встав, подобно апостолу Матфею, последовали за Ним, — какое освящение получили бы наши таланты и какой новый поток света озарил бы всю нашу жизнь! «Иди за Мною!» — говорить нам Господь. Пойдем же за Ним, чтобы в последний миг нашей жизни, на пороге вечности иметь дерзновение и радость вознести Богу молитву, подобную той, какая была на устах умирающего Иоанна Милостивого: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты сподобил меня все Твое принести Тебе!»

В РУКАХ БОЖИИХ

«Никто не похитит их из руки Моей».

Никто не похитит, никто не отлучит от Христа, от Его бесконечной любви... Чего же бояться? Зачем поддаваться унынию? Зачем роптать на скорби? Ведь ничего не может случиться, волос с головы человека не упадет без воли Божией, а эта воля направляет все ко благу. Значит, что бы ни постигло нас, какие бы удары ни поражали нашу душу, нельзя терять мужества, нельзя ослабевать в вере, нельзя допускать терзать себя богохульной мысли:

Бог забыл нас!

Но с нами так часто случается противное нашим желаниям... Мы молимся горячо, со слезами, по-видимому, о том, что несомненно служит к нашему благу и к славе Божией, и однако — молитвы не сбываются! Не сбываются даже молитвы о том, чтобы нам иметь возможность всю жизнь, отдать Богу...

И нам уже кажется, что мы одни, что мы брошены

на произвол слепого случая или какой-то злой силы, может быть, силы того греха, который в нас живет и с которым сладить мы не в состоянии. В этот момент лучшее средство — пойти в церковь, хотя бы против желания, без молитвы, без веры, просто пойти и опереться о стену церкви», как говорил преосв. Никанор Херсонский. Дыхание Духа Божия, Которым живет Церковь, таинственно коснется больной одинокой души и исполнить ее мира, невыразимо сладостного ощущения покорности Божественной Воле.

«Пути Мои — пути не ваши... Отдайся, доверься Мне, хотя бы ты и не понимал того пути, которым Я веду тебя!.. Тело и Кровь Мою ежедневно Я предлагаю тебе, неужели Я не мог бы дать тебе просимое тобою, если бы это служило к твоему благу? Отдай Мне сердце твое: если и мать забудет дитя свое, Я не забуду тебя».

Это сущность того, что говорит Церковь.

А то... Стоит раскрыть Евангелие, стоит вчитаться в эти чудные, сладостные беседы Христа-Спасителя, стоит воскресить в своей душе образ Доброго Пастыря, ищущего заблудившуюся овцу, и отрада вольтется в скорбящую, мятущуюся душу: по-прежнему не понимая неисповедимых путей Господних, она припадет к ногам Христовым с тихими, покорными, облегчающими слезами...

Тяжела бывает жизнь иных людей, так тяжела, что страшно становится даже со стороны смотреть на них: думается, они не переживут, не могут пережить всего того, что на них уже обрушилось, и что еще грозит обрушиться в будущем... А между тем они все переживают, переносят, совершают, свой подвиг, по истине, равный мученическому.

Недавно пришлось мне видеть интеллигентную женщину: живущая в крайней нужде, она в течение почти 20 лет несет, положительно, сверхчеловеческий крест: ее муж ослеп через 2 года после женитьбы; из трех дочерей только одна вышла работоспособной, другая — параличная, третья — еще ребенок 11 лет, вынесла уже шесть операций, семь лет была глухой, а теперь непременно должна ослепнуть: она обрече-

на на постепенную атрофию зрительных нервов. От матери — одна тень. Чем живет она? Чем держится? Она не может не заливаться слезами, глядя на свою девочку, не может не ужасаться за нее, потому что в ее груди — человеческое и материнское сердце, но она „боится роптать, зная, что на все — воля Божия!» Вот у каких людей нужно учиться вере и терпению! Вот какое терпение, действительно, прославляет Бога!

«Придите, поклонимся и припадем ко Христу!» — торжественно и трогательно постоянно зовет нас Церковь. Именно, припадем, тогда всякая скорбь, всякое зло потеряет для нас свою силу.

Мы почти все тонем в море житейской скорби... Но вот, перед нами вечно пребывающий с нами, вечно навстречу нам грядущий Христос. «Это Я, не бойтесь!» слышим и мы, как апостолы в ту бурную и темную ночь.

— Господи, если это Ты, дай нам силу преодолеть всякую скорбь, повели нам придти к Тебе по волнам!

И во тьме ночи не слышит ли наше ухо властного божественного слова: Иди!

И мы должны идти, не смущаясь ветром и шумом волн, мы не должны ничего бояться, включительно до самой смерти, потому что мы «в руке Божией».

ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА!

*«Заповедь новую даю вам; да любите друг друга!»
(Ин. XIII, 34)*

Любовь — это основная заповедь Христа Спасителя; любовь — первый признак, что мы воистину Его ученики; любовь — первое условие для того, чтобы нам называться и быть детьми Божиими, любовь к Богу, к людям, ко всему Божьему миру. Недаром Хомяков обратил внимание на возглас за литургией: «Возлюбим друг друга да единомыслием исповеваем Отца и Сына и Св. Духа»... Сначала возлюбим, а потом уже исповедуем! Только любящее сердце имеет дерзновение к Богу, только любящим душам открыт таинственный, глубокий смысл жизни, только они одни пребывают в Боге, и Бог в них.

О, если бы мы умели любить друг друга, как заповедал нам Господь, если бы начали любить не словом и языком, а делом и истиною, какой новый свет пролился бы на всю нашу жизнь!

Мы много говорим о любви... На пороге жизни, в пору юношества, мы мечтаем даже о том, чтобы пожертвовать собой за благо и счастье наших ближних, но кто ближний наш? Мы не знаем... В тех людях, которые окружают нас, мы часто отказываемся признавать его. Как доктор, о котором рассказывает старец Зосима в романе Достоевского Братья Карамазовы», мы, чем

больше любим человечество вообще, тем, меньше любим людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц. В мечтах, — говорить этот доктор, — я доходил до странных помыслов о служении человечеству и, может быть, действительно пошел бы на крест за людей, если бы это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уже его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. В одни сутки я могу даже лучшего человека возненавидеть: одного за то, что он долго ест за обедом, другого за то, что у него насморк, и он беспрерывно сморкается, третьего, можно прибавить, за то, что у него некрасивое, может быть, на наш взгляд, слишком грубое лицо, четвертого, что он мелочен, скуп и т. д. без конца. Мало ли физических и нравственных недостатков у людей?!

Некоторых затем отдалают от нас низкое происхождение, род занятий, жизненная обстановка и безчисленное множество других перегородок, построенных людскими предрассудками. И выходит в общем, что нам некого любить. И мало-помалу мы обособляемся от людей, мы строим жизнь на началах колоссального

*В монастырском
доме милосердия*

эгоизма, мы ссоримся друг с другом из-за пустяков, нередко унижая в нашем ближнем даже его человеческое достоинство, с жадностью стараемся вырвать один у другого лакомый кусок, взобраться на самую вершину земного благополучия, нисколько не думая о том, кого столкнем по пути или, в лучшем случае, чье не по праву, пользуясь только нашей силой, займем место. Так поступают одни из нас. Другие уходят, в свои кабинеты и, окруженные всеми удобствами и благами современной культуры, пишут рассуждения и проповеди о страданиях человечества и о любви к нему, пропуская тысячи случаев, когда они сами могли бы дать пример такой любви.

Но не уподобляются ли эти люди тем, к которым обращается ап. Иаков: «Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела, что пользы?» А ведь так поступает огромное большинство из нас.

Слова, слова и слова! Когда же, наконец, перейдем мы от слов к делу? Когда начнем воплощать в жизни любовь, завещанную нам Христом на Тайной Вечери? Ведь оттого то и пусто так в жизни, оттого то так и холодно в ней, что уходит из нее эта любовь, что сузились наши духовные горизонты, и, кроме себя, мы никого не видим... Начнем любить, и радость вернется на землю, и внешние скорби не осият нас!

Будем откровенны сами перед собой; много ли теперь встречается среди нас людей, которые бы не тяготились жизнью? Мало ли, например, среди нас людей всесторонне образованных, материально обеспеченных, которые занимают высокое положение в обществ, живут вдали от всякого горя, не знают людской нужды, — но разве довольны они жизнью? Разве сердце

их не сжимается порой безотчетным ужасом перед чем-то неведомым им? Разве в минуты, когда они наедине беседуют со своей совестью, их жизнь не кажется им пустой и глупой шуткой? Отчего же это происходит? Да оттого, что они не живут, не начинали еще жить, в истинном смысле этого слова! Они играли, забавлялись жизнью и досадовали, когда счастье, земное и тленное, на минуту изменяло им; но они не жили для других, не приносили в жертву другим своего личного счастья, не молились за другую чужую и бесприютную душу; они не скорбели над чужими пороками, не терзались совестью за преступления других, которые вышли, быть может, из их же среды, а все это значит, что они еще не начинали жить, хотя бы дни их близились к закату... Может быть, они скажут, что помогали бедным, как могли; что принимали, например, участие в благотворительных концертах и вечерах; что отдавали нищим старое платье, но ведь это обман себя: разве то должны были и могли они сделать? Разве такую любовь разумеет Евангелие, когда говорит: «Возлюби ближнего, как самого себя». Вот причина их тоски в жизни. Они не понимают, что все, что они имеют, есть дар Божий, которым они должны служить Богу же в лице своих ближних.

Не меньше, если не больше, тяготимся мы жизнью и тогда, когда находимся в условиях, совершенно противоположных, когда всю свою жизнь проводим в труде. В этом случае жизнь наша бывает часто отравлена заботой о куске насущного хлеба, постоянным страхом за каждую копейку. Заботы только о «своей» семье закрывают от нас нередко весь Божий мир, отрывают от других людей, с которыми мы боимся поделиться нашей лептой, забывая, что «рука дающего не оскудеет», и что Бог, Которому мы, как говорил св. Филарет Милостивый, даем взаймы, подавая неимущим, силен воздать нам сторицей, если понадобится. А между тем, вместо того, чтобы поручить себя и все свое имущество Христу, мы предпочитаем рабски дрожать над суетным и преходящим, и сердце наше часто так черствеет в «борьбе за существование», что мы не только куском хлеба, но даже чувствами своими скупое делимся с ближними, разучившись в них видеть братьев.

О, если бы открылись глаза наши!

Если бы вникли мы в то, что ежедневно говорит нам Господь: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас!»

Разве нам пришло бы тогда в голову жаловаться на жизнь? Наше собственное бремя стало бы легче, если бы мы взяли на себя еще бремя наших братьев, облегчили бы им нести их крест, потому что помощь, которую мы оказали бы ближнему, сблизила бы нас с ним, Христовой любовью соединила бы наши души, и Господь бы был с нами... Мы поняли бы тогда великое значение жизненных испытаний.

Но кого же любить нам и как?..

А вот перед нами опять старец Зосима в молодые годы своей жизни... Какой радостью прозревшего слепого наполнилось вдруг его сердце, когда он поцеловал своего бывшего денщика и впервые увидел в нем не подчиненного, не слугу, а возлюбленного брата своего, свободного, как и сам он, во Христе! „Был я ему господин, а он мне слуга, а теперь, как облобызались мы с ним любовно и в духовном умилении, меж нами великое человеческое единение произошло».

Вот как недалеко от нас наши ближние! Прислуга, которая входит в наш дом и служит нам, это — наши братья и сестры.

Без них нам трудно было бы обойтись; они несут на себе черную работу, „предоставив почтительно нам погружаться в искусства, в науки"... Примем же их, как братьев наших во Христе, и сами в свою очередь послужим им, терпеливо снося их недостатки и помогая развитию в них духовной жизни, их христианского самосознания, потому что, ведь, что бы ни говорили мы в свое оправдание, с нас спросит Господь за „малых сих», которые вверены были нам. Не допустим, чтоб когда-нибудь они больно почувствовали свою зависимость от нас, помня, что и мы имеем Господа на небесах... И не только одна прислуга. У некоторых из нас есть подмастерья, мастера, мастерицы, помощники, словом — люди, так или иначе служащие нам, помогающие нам в нашем деле. Взглянем на наши обязанности по отношению к ним при свете Евангелия, и мы поймем, что мы должны для них сделать, как для наших братьев. Каждому затем из нас приходится иметь дело с низшими классами через дворников, прачек или рабочих. Вот новое поле для дел любви и милосердия, для служения Христу во образе братьев Его меньших. Не будем смущаться, что все это слишком незаметные, невидимые дела милосердия. «Кто в малом неверен, неверен и в большом», — напоминает Рескин слова Евангелия. — «Вы, идущие исцелять раны бедных, — говорить он дальше, — знаете ли вы, насколько хорошо накормлены и защищены кровом ваши слуги? Ухаживаете ли вы за ними, когда они больны? Уверены ли вы, что швея, работающая на вас, получает заработанную плату достаточно, чтобы не умереть с голоду, и что ее хозяин или хозяйка не угнетают ее физически или нравственно? Начните же со справедливого отношения к тем, которые всего более непосредственно зависят от вас, и оказывайте им ту нравственную поддержку, на которую они имеют право».

Вот с кого должны мы начать великое дело служения любви. Раз же начав его, мы увидим, что область любви безгранична, потому что, как Господь положил за нас душу Свою, так и мы должны полагать души наши друг за друга. Некоторые, может быть, и готовы сделать это, только при каких-нибудь исключительных обстоятельствах, так сказать при эффектной обстановке, но если

Причастие Святых Христовых Таин

мы хотим быть действительно учениками Христа, будем просить Его, чтобы Он научил нас полагать души наши каждый день, вдали от праздной и любопытствующей толпы, в тайне перед Отцом Небесным, полагать за друзей наших и за врагов, за родных и чужих, наполнил бы сердце наше любовью, открыл бы нам, как, кому и чем можем мы послужить в данный момент.

Истинная, чистая, христианская любовь к ближнему есть дар Божий, но, по слову Спасителя, «просите и получите», мы должны верить, что этот дар Господь даст и нам, если только мы горячо будем молить Его об этом и будем готовы со своей стороны служить нашим ближним, кто чем может. Нет у нас средств оказать материальную помощь, послужим ближнему нашим временем, силами, способностями и талантами, какие у нас есть. «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назарея встань и ходи», — сказал апостол хрому. Мы не можем так исцелять людские немощи, но разве мы не можем, вместо золота и серебра, подать ему какую-нибудь духовную помощь? Не можем научить неграмотного, вразумить заблуждающегося, удержать от падения погибающего, посетить больного, утешить скорбящего, ободрить одиноко работающего на Божьей ниве? «Я не знаю выше подвига, как подать руку изнемогающему духом», говорил Гоголь, а этот подвиг доступен каждому из нас.

Не будем же уклоняться ни от какого дела любви, как бы мало оно ни было, хотя бы состояло оно в одном ковшике холодной воды, поданной нами ближнему. Раз он просит у нас глоток воды, значит, он в ней нуждается.

Будем следить за тем, чтобы никто не уходил от нас огорченным, озлобленным, непонятым или оскорбленным... Пусть мала и ничтожна будет наша жертва, — не будем смущаться этим: лишь бы она была чиста, бескорыстна, лишь бы она совершалась во Имя Христа!

На заре христианства последователи Господа так были проникнуты Его заветом любви, что видевшие их невольно говорили между собою: «Смотрите, как они любят друг друга!»

Вспомним, же и теперь, в настоящее смутное время, когда эгоизм так часто открыто и нагло заявляет о себе,

что мы, которые ужасаемся беззаконий, творящихся на наших глазах, должны войти в мир с живой проповедью христианства, открыто исповедовать Христа всей своей жизнью и творить заповеди Его, а «заповедь Божия есть та, чтобы мы любили друг друга».

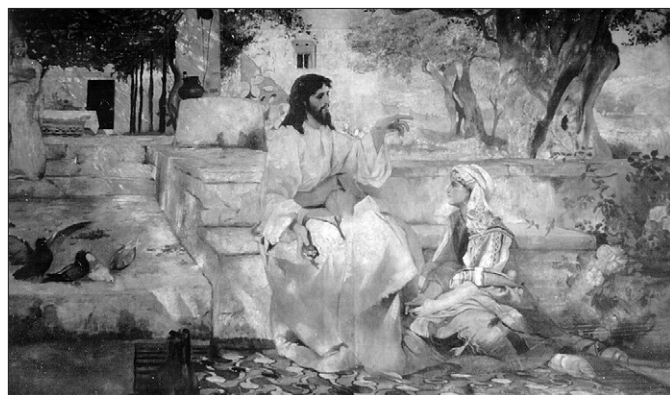
О ЖЕНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

«Смысл современного женского движения — в том, чтобы приготовить из женщин новых жен-мироносиц», — писал в пасхальных письмах незабвенный В. С. Соловьев. Не это ли высший идеал всякого женского образования, не эта ли высшая задача, какую должны себе ставить женские учебные заведения, и в частности средняя школа — гимназия?

Гимназия должна готовить жен-мироносиц... Как странно, как дико для многих звучит подобная фраза!

Может быть, и дико, но дико только потому, что мы привыкли, называясь христианами и составляя христианское общество, образуя христианское государство, строить жизнь на полужыческом основании, не привыкли одухотворять ее духом Евангельским, озарять ее светом христианства. А ведь если глубже вдуматься в затронутый в данном случае вопрос, — что может и должно быть другой задачей христианской школы, в которой девочка проводит целых семь лет и из стен которой выходит взрослым, почти сложившимся уже человеком, — что, как не стремление выпустить ее в жизнь с определенным, стройным христианским мировоззрением, с ревностью о Правде Божией, с желанием и умением работать над своим дальнейшим самообразованием и самоусовершенствованием? А девушка, ревнующая о Правде Божией, носящая в своей груди факел живой веры в Бога и любви к Нему и к людям, и будет именно одной из жен-мироносиц, вносящей в жизнь радостное благовестие о Христе, мир, порядок, красоту и вечный истинный смысл...

Конечно, на одну себя школа не может взять исполнение такой великой задачи, но она может сделать то, что в ее силах, она может и должна помочь тем девочкам, которые пришли в ее стены из религиозной семьи, развить в себе здоровое, бодрое, жизнерадостное, сознательное религиозное чувство, а тем, которые выросли в семье, почти ничего не сказавшей им о Боге, в семье безо всяких нравственных устоев (а таких семейств не мало в наши именно дни), сказать прямо и громко, как непреложную истину, что есть Бог, есть глубокий и радостный смысл в человеческой жизни, должна объяснить, что значит называться и быть христианином или христианкой.

Христос и Самарянка

Пусть даже школа окажется бессильной перевоспитать свою питомицу, которая растет в безрелигиозной семье, допустим даже, что она бессильной окажется заронить искру веры в душу такой ученицы, — она все же сделает свое прямое дело, исполнит свою священнейшую обязанность, пренебрегая которой, она теряет почти всякий смысл.

Еще Н. И. Пирогов писал в 60-х годах: «Откуда возникла школа, как не из жизни, с ее вечными стремлениями к достижению Вечной Правды?» Но если школа возникла из таких высоких стремлений человеческого духа, из постоянных запросов человека: «Что он такое? Куда он идет? Кто там вверху, над звездами живет?» — то она и должна прежде всего отвечать своим питомцам на эти вопросы, заботиться о том, чтобы эти вопросы ни для кого из них не остались неразрешенными, должна указывать высшее призвание всякому образованному человеку, а тем более образованной девушке, — слагать по примеру св. Григория Богослова, свои познания к стопам Христовым!

Ведь для многих, очень многих, годы в гимназии — это единственное время, когда они могут учиться, а потом должны уже деятельными членами вступать в жизнь...

С чем же, с какими духовными сокровищами вступят они в нее?

И на какой идеальной высоте должна стоять всякая средняя школа, в частности и женская гимназия,

С.-Петербург. Воспитанницы Екатеринбургского института на занятиях музыкой. 1908 г

чтобы сказать, что она действительно сделала все, что могла, для христианского образования своих питомиц и что она совершенно неповинна в тех ужасах, которые совершаются на наших глазах, в тех самоубийствах и убийствах, которые в наши дни совершаются чуть не поминутно девушками 18–20 лет, очень часто бывшими гимназистками? Использовала ли она все средства, какие были в ее руках, чтобы поставить своих воспитанниц на твердую почву?

«Что гнетет, что губит нашу современную молодежь, — писал в 1896 году С.А. Рачинский, — что обрекает ее на бесплодное слабосилие, что теснит ее к раннему отчаянию, к постоянно учащающимся самоубийствам, число коих ничто перед числом самоубийств нравственных, совершающихся в ее среде, — что, если не отсутствие насущного хлеба духовного? А этот хлеб насущный — доброе и бодрое делание в какой-либо области: духовной, общественной или практической. А бодрость и радость, и мир на трудном поприще добра невозможны тому, кто не чувствует себя членом великого, вечного целого, того Града Божия, в коем есть место и смысл, и похвала всякому, самому скромному подвигу, ободрение всякой немощи, награда земная и надежда небесная».

Справедливо затем говорит С.А. Рачинский, что этот Град Божий скрыт от взоров подрастающих поколений непроглядной узостью современного жизненного строя еще боле, чем всякими ложными учениями и школьными недосмотрами.

Безусловно, одна школа не может ввести всех своих питомиц в этот Град Божий, потому что, при существующем положении, не одна она влияет на образование их мировоззрения, но делает ли она все, чтобы помочь им со своей стороны понять истинный смысл жизни, вдохновить их на скромный, но христианский подвиг?

Скажут: требовать этого от школы значит возлагать на плечи учащихся непосильное бремя.

Но ведь не в том ли и состоит их главное, высшее призвание, чтобы постоянно бодрствовать, никогда не переставать с воодушевлением и верой, не в себя а в торжество Божьей Правды, сеять в детях «разумное, доброе, вечное?»

Неприменно вечное, потому что оно-то только в конце концов и необходимо...

На ком именно лежит ответственность в средней школе за религиозно-нравственное воспитание детей?

Отнюдь не на одном законоучителе, хотя на нем больше всего, по самому его положению, — но и на всех членах педагогического совета, на всем строе школьной жизни.

Есть матери, которые, отпустив ребенка в школу, слагают с себя всякую ответственность за него, перестают даже следить за ним, но есть и такие, которые со страхом вручают начальству гимназии свое сокровище и не перестают болеть за него душой во все долгое и трудное время его школьной жизни, и вот надежды таких матерей не должна ли постараться в возможно большей степени оправдать школа, сохраняя и возвращая истинное сокровище — детские души для Церкви Христовой?

В короткой статье невозможно говорить подробно о том, какую должна была бы быть христианская школа, но мне хочется только поделиться мыслями с моими читателями относительно одной, как мне кажется, очень важной меры в деле религиозно-нравственного воспитания учащихся девочек.

Я имею в виду образование в школе религиозно-нравственного кружка, христианского содружества, — назовите, как хотите, — цель которого была бы дать учащимся возможность не только узнать умом, но и прочувствовать сердцем и даже проявить в практической жизни несравненную высоту христианского учения.

Отчего бы с первого же, младшего, класса, куда приходят девочки 9–10 лет, приходят наивные, доверчивые, с открытым сердечком для всякого, кто сумеет с любовью и просто подойти к нему, — не основать такого кружка, — в который приглашались бы, конечно, только желающие, только так или иначе проявившие симпатию к его задачам.

Ближайшими задачами этого кружка, — во главе которого могли бы стать преподавательницы и воспитательницы, а лучше всего, разумеется, батюшка (во всяком случае, если он даже и не принял бы активного участия в кружке, последний должен открыться лишь с его благословения), — могли бы быть:

1. Развитие и укрепление в детях здорового религиозного чувства.
2. Пробуждение в детях лучших, добрых качеств и

*С.-Петербург. Свято-Владимирская
женская церковная учительская
школа. Урок в иконописной
мастерской. 1909 г.*

привычки с самого раннего детства думать о других и быть полезными в своей семье.

3. Приучение детей с малых лет участливо и сознательно относиться к окружающей жизни.

4. Пробуждение в детях бескорыстного стремления к знанию, к труду, стремление привить им взгляд на время ученья, как на время приготовления себя к доброй христианской жизни.

2-й и 3-й пункты взяты мною из устава «Детской лиги», — христианского союза детей, существующего в Англии, да и в некоторых других европейских государствах, а в настоящее время, слава Богу, и у нас.

Воскресный день, который обычно так однообразно и скучно проводится детьми интеллигентных родителей и часто не одухотворяется даже посещением богослужения, — мог бы быть лучшим временем для таких детских собраний.

В этот посвященный Богу день можно было бы вести беседы по Закону Божию, устраивать и литературные чтения, подбирая соответствующий материал, пользуясь туманными картинками; можно было бы и детей вызывать на откровенные душевные разговоры...

И какие богатые силы пробудились бы в душе детей во время этих собеседований с лицами, которых они любят и уважают! Какое широкое поприще в их же детской жизни могло бы открыться для христианского делания! Как легко было бы уже в этом нежном возрасте поселить в детской душе горячую любовь к Богу, любовь к людям, особенно сострадание к бедным, несчастным! Многие девочки умеют шить, вышивать, делать цветы, рисовать; многие имеют свои «карманные» деньги. Среди детей есть, разумеется, наиболее

способные, даровитые, обладающие большим досугом, чем их подруги, — какое христианское применение всех этих дарований в их же детской жизни можно было бы им указать! И какое христианское освещение можно было бы на этих беседах дать всей школьной жизни детей, их взаимным отношениям; поставить на суд Христа Спасителя такие обычные, неискоренимые никакими внешними мерами грехи учащихся, как ответ по подсказке, списывание с книги или с тетрадки подруги, подделку отметки и другие, уже совсем серьезные проступки!..

Но вот пройдут первые годы ученья; пробудится самостоятельная мысль; появятся, может быть, сомнения и недоумения в области религии, на почве ли мнимого столкновения науки с религией, или независимо от того, — и тут «кружок» может придти на помощь: опытные руководители его могут дать указание, разъяснение, предложить соответствующий материал для чтения.

Возможно, что в старших классах изменится несколько установленное первоначально направление «Кружка», и он превратится в Содружество, занятое более идейной, чем практической работой, потому что последние год-два в гимназии, как и следующие затем несколько лет, — время пробуждения сознательной мысли, критического отношения к жизни, выработки миросозерцания.

Кончат первые члены Содрущества гимназию, выйдут кто непосредственно в жизнь, кто в высшее учебное заведение, — Содружество, образовавшееся не случайно, а органически развившееся из маленького ядра, не должно прекратить своего существования: оно должно расти и крепнуть, пополняться новыми члена-

ми, объединять в стремлении к Вечной Правде старших и юных членов!

Проснется в молодой душе потребность бескорыстной христианской работы, Содружество может и тут помочь — указать ей на воскресные школы, бесплатные лечебницы, столовые для бедных, приюты, больницы, богадельни, тюрьмы — везде может найти себе посильное христианское дело образованная, развитая девушка.

Если же не свободна она, если нет у ней этих минут досуга, Содружество постарается вдохновить ее совершать, как подвиг, как послушание, назначенное Свыше, и будничную работу ее трудовой жизни.

Скажут: где же взять таких людей, которые бы стали во главе подобного Содружества, которые бы чувствовали себя в силах совершать такой подвиг, служить для других источником вдохновения?

И не нужно таких, которые бы верили в себя: нужно только людей, любящих Бога и детей, понимающих христианское призвание женщины в семье и общественной

жизни и желающих помочь женской душе уяснить себе это призвание! Этим смиренным работникам во славу Божию хочется сказать опять словами Рачинского: действительность кажется нам несокрушимо-могучей только до тех пор, «пока мы ее созерцаем, не внося в нее все, силы своего разума и воли. Но все меняется, как только мы приложим сердце и руку к этой самой действительности, в полном сознании своего бессилия, без малейшей надежды на успех, а именно «Бога для», во исполнение Его святой воли. Тотчас почувствуем мы, что через нас и за нас действует Некто, неизмеримо Сильнейший, творит нечто лучшее, чем то, что мы могли предположить и предпринять. Ссылаюсь на внутренний опыт всех потрудившихся для Бога, всех немощных, награжденных осуществлением чаяний, безмерно превышающих их немощи».

Пусть же и работников того дела, о котором шла речь, вдохновляет непреложная истина, что «Сила Божия в немощи совершается!»

ОСНОВА ЖИЗНИ

«Чтобы провести день весь совершенно свято, мирно и безгрешно, — писал в своем дневнике незабвенный о. Иоанн Кронштадтский, — для этого единственное средство — самая искренняя горячая молитва утром по восстании от сна. Она ведет в сердце Христа со Отцом и Духом святым и таким образом дает силу и крепость душе против приражений зла; только хранить сердце свое надобно».

И так чувствовал, верил не один о. Иоанн; так чувствовали всегда все искренние и вдумчивые христиане.

Внутренний духовный опыт открывал им и их собственную нравственную немощь, и чудесную силу молитвы, которая восхищала некоторых из них до третьего неба, озаряла их души таинственным неизреченным светом и низводила на все их дела росу Божественной благодати.

Непрестанная молитва, плод чистой, самоотверженной любви к Богу и к людям, теснейшее соединение со Христом в таинстве Евхаристии — ведь это единственно верное орудие каждого христианина для борьбы с тем злом, которое он видит и внутри себя, и в окружающей жизни! «Ничего не могу сам по себе, своими собственными силами, и все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!» (ср. Филиппис. IV, 13). Слишком привязанные к земле, мы как-то забываем об этом; мы не даем себе возможности пережить, прочувствовать это. Лучшие из современных христиан торопятся начинать жить, жаждут дела. Но как часто приходится слышать споры о

том, какое дело, так сказать, угоднее Богу, «достоиннее» христианина.

Особенно мучительно встает этот вопрос перед молодыми людьми, только что вступающими в жизнь. Сколько у них обыкновенно бескорыстного стремления «уйти на какой-нибудь подвиг», отдать свое время, силы и самую жизнь своему ближнему, и в то же время сколько неопределенности в этих стремлениях, какая часто односторонность во взглядах на жизнь, какая самоуверенность или, наоборот, отсутствие веры в себя, в возможность что-нибудь сделать истинно-доброе при наличности современных условий жизни! Отсюда — скорое разочарование в людях, в себе, уныние, доходящее до отчаяния, когда случается, что дело, которому человек отдает буквально всю свою душу, рушится на его глазах.

А сколько вообще людей ропщет на жизнь, тяготится тем делом, которое выпало на их долю, и тяготится не потому, чтобы у них было определенное призвание к другому образу жизни, а просто потому, что их дело надоедает им, тяготит их своим однообразием, теряет в их глазах высший смысл.

Отчего же происходит этот ропот, отчего таким бременем становится для нас наша жизнь? Не оттого ли, что мы мало готовимся к ней и слишком легко смотрим на нее? Неужели нет средства сделать ее легкой, радостной и идейной, нет средства сохранить в себе веру в конечное торжество Правды, Любви и Добра?

Средство, разумеется, есть, и это — то средство, о котором говорил о. Иоанн и настоящие христиане всех веков: если хотим провести день свято и мирно, надо утром горячо и искренно помолиться; если хотим так прожить всю жизнь, надо к ней готовиться молитвой и самоуглублением. Молитва — та основа, на которой должна строиться вся наша жизнь; молитва должна предварять и венчать всякое наше дело, чтобы это дело было по христиански плодотворным. Молитва одна только может осмыслить и одухотворить нашу жизнь и предохранить нас от той суетности, которая проникает и в семейный очаг, и за стены монастыря, и во всякое дело, как бы высоко и духовно ни было оно в своей идее!

И не о том вопрос, какое дело выше в очах Божиих, должен был бы волновать нашу душу, а о том, правильно ли мы смотрим на всякое дело, научились ли на каждое дело, — совершение которого требуется от нас в данный момент, — смотреть, как на служение Богу, на послушание, радостное или трудное, возложенное на нас Им Самим? Приучили ли мы себя, вступая в жизнь, к внутреннему подвигу молитвы и хождения пред Богом? Пройдена ли нами хоть в несравненно меньшей степени та высшая школа духовной жизни, которую проходили в пустыне в преддверии своего общественного служения великие святители и отцы церкви: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и другие, входившие в мир не иначе, как вооруженные силой дерзновенной молитвы, воистину свободные духом, сделавшие себя через совершенную преданность воле Божией сосудами Его благодати?

Мы не можем уйти в пустыню; но не можем ли и не должны ли, прежде чем начать жить, уяснить себе под руководством Христовой церкви, — которая одна в состоянии, и при нашей видимой жизни в миру, извлечь нас из «мира», — смысл нашего земного существования?

Жизнь так сложна, кричащих о себе язв на ее организме так много, а с другой стороны так много чувствует в себе нетронутых сил молодая душа, что ведь невольным порывом хочется на время отшатнуться от жизни, собраться с мыслями и только после искренней молитвы, вступить в жизнь, опираясь на всемогущую и спасающую десницу Божию.

Но молитва должна быть в нашей душе не только на заре нашей жизни: каждое наше дело она должна одухотворять и освящать, «связывая нас, как золотую цепью, с горним миром».

«Непрестанно молитесь!» — заповедал апостол (Фес. V, 17). Ревностное исполнение этой заповеди

создало тот чин «неусыпающих» иноков, первоначальником которых был прп. Александр, память которого православная церковь чтит 23 февраля. В пустыне, на берегу реки Евфрата, возникла его обитель, где было до 400 иноков, и все они, по уставу, пребывали в молитве буквально день и ночь.

Они делились на 24 череды, по числу часов в сутках, и постоянно на два клира славилы Бога, пели псалмы Давида. И ни на минуту не оставалась земля не орошенная благословением Божиим, которое низводилось на нее их молитвой.

В благоговейном изумлении и восторге созерцая теперь, через пятнадцать веков, их неземной подвиг, чему должны научиться от них мы, слабые, грешные люди?

Мы младенцы по сравнению с ними, но сознание нашей немощи не налагает ли на нас обязанности тянуться к ним за помощью, как дитя тянется к руке матери? Не должны ли мы употреблять все силы, чтобы идти ко Христу тем же испытанным, единственно верным путем, которым шли они, т. е. приучать себя к постоянной молитве?

И цельные преданные Богу натуры знают это. Все силы своей души они отдают не тому или другому делу или человеку, а прежде всего Богу, в Нем ищут для себя опоры; и если жизнь их поражает нас богатством своего содержания, плодотворностью их трудов, то это является только как результат их глубокого и правильного понимания жизни и призвания человека; это лишь подтверждение слов Христовых: «Ищите прежде всего Царства Божия, и это все приложится вам!» (Мф. VI, 33).

Когда действует рука Божия, тогда невозможна безуспешность в чем бы то ни было, или, вернее, невозможно не дойти до самой высшей степени блеска и славы, только бы при этом было должное и с нашей стороны... Кто предпочитает земное духовному, тот лишится того и другого, а кто стремится к небесному, тот непременно получит и земное...

«Заботься, говорит Господь, о духовном, а все твое предоставь мне» (из бесед свт. Иоанна Златоуста).

Не должны ли и мы вдуматься в эти слова? Ведь обычно то мы подменяем служение Богу служением делу или людям, и оттого, что бы мы ни делали, у нас, как говорят, часто безотчетно щемит на сердце. Душа наша жаждет «единого на потребу».

Сядем же прежде всего у ног Спасителя и, напоив душу свою живой водой, выйдем потом на свое «делание до вечера», не ставя себе никакой другой цели, кроме той, которую ставил себе Псалмопевец: «на всяком месте владычества Его благослови, душе моя, Господа!»

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

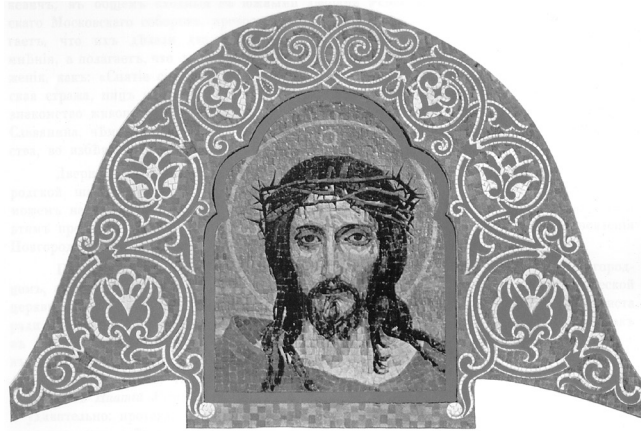
*«Вечери Твоя Тайныя днесь, Сыне Божий,
причастника мя приими».*

Опять Тайная Вечеря, опять оживает и приближается к нам совершившееся почти 2000 лет тому назад.

Тихая Сионская горница, вечерний сумрак, мерцание светильников... Последняя вечеря... Последний раз на земле, грустные, встревоженные, напряженно ожидающие чего-то великого и страшного, собрались апостолы вокруг Возлюбленного ими и Возлюбившего их Учителя... Умовение ног, преломление хлеба, благословение чаши, и эта невыразимо-трогательная прощальная беседа: «Чадца, еще мало время с вами есмь»... Потом: пение псалмов, спуск с горы Елеонской между виноградниками под кротким сиянием далеких звезд... Первосвященническая молитва, «о которой дерзновенно и говорить языком человеческим», и, наконец, переход по ту сторону Кедронского потока в темную глубину Гефсиманского сада... А там — подвиг, на который не смеют взирать ангелы, предсмертная тоска и молитва до кровавого пота Сына Человеческого. Как все знакомо, как все ощутительно близко!

Да разве, в самом деле, мы не были там со скорбящими учениками? Разве мы не слышали этой беседы, этой молитвы? Разве мы не припадали к груди Иисуса? Разве мы не рыдали над Ним потом, распятым и погребенным? Что до того, что тысячи лет отделяют нас от тех единственных в истории Вселенной дней? Невидимая, однако, реальная, более реальная, чем-то, что мы видим нашими плотскими очами, цепь соединяет нас с этим прошедшим. Каждый год, когда приближается страстная неделя, вспоминается задушевный маленький рассказик А. П. Чехова «Студент»: студент Духовной академии приезжает на Страстную и Пасху к отцу в деревню. В холодную весеннюю ночь, греясь у костра, он рассказывает вдове-старухе, простой деревенской женщине, об отречении ап. Петра.

— Какая то была страшная ночь, бабушка! Унылая, длинная ночь... — говорит он и, рассказывая дальше, доходить до конца повествования: «исшел вон, плакася горько».

*Спас в терновом венце. Мозаика по рисунку
В.М. Васнецова из храма Спас-на-Водах (вклад детей
и внуков генерал-адмирала Великого Князя Константина
Николаевича). Список иконы на могиле генерала
Г. А. Мина во Введенском соборе*

— Воображаю, — задумчиво прибавляет студент, — тихий, тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания.

Старуха слушает его и вдруг всхлипывает, и слезы, крупные, изобильные, текут у нее по щекам.

— Почему заплакала старуха? — подумал студент, и вдруг понял, что Петр близок этой простой женщине, что прошлое связано с настоящим неразрывной цепью... Студенту показалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного, как дрогнул другой...

И нас связывает с прошлым та же цепь, а если не связывает, то мы не христиане, потому что не пережили в своей душе всей муки и всей радости того крестного пути, которым шел Христос.

В Страстную неделю мы все более или менее чувствуем эту связь, все более или менее сострадаем Христу и чувствуем, что за нас, именно, за каждого из нас, принесена была Голгофская Жертва...

Но в эти же дни болью и тоской сжимается сердце: замолкнут торжественно-печальные тихие песнопения, прекратится скорбный перезвон, погаснут мерцающие свечи, пройдут великие дни, и опять, как бесчисленное множество раз, забудем мы, что они нам говорили, и жизнь опять захватит нас, порвет эту таинственную цепь, соединяющую нас и первых участников Тайной Вечери, и потечет, страстная, однообразная, унылая, полухристианская полужизнь.

Да не будет так!

В великие дни Страстной седмицы, когда у души хоть немного вырастают крылья и дают ей подняться над землей, над временным и внешним, и заглянуть во внутренний, сокровенный и вечный смысл жизни, — пусть начнется и у нас новая жизнь!

В эти дни так тянет ко гробу Господню, к молитве и к скорби над распятым Христом и над собственной греховной природой... Неужели это настроение пройдет бесследно, будет мимолетным? «Людие Мои, что сотворих вам и что Ми воздаете?»

*Моление
о Чаше.
Мозаика храма
Спаса-на-Водах.
Художник
В.М. Васнецов*

Нас трогает теперь этот Божественный Голос, но если бы всегда, непрестанно раздавался он в нашей душе и удерживал нас от соблазнов и падений от измены Христу!

Да голос этот и раздается постоянно, и если мы не слышим его, то потому только, что после Страстной и Пасхи вообще забываем о Христе, не делаем никаких усилий, чтоб оживлять в себе настроение великих дней, чтоб не терять из виду образа распятого Христа.

Как могли апостолы забыть о том, что они видели своими глазами и слышали своими ушами? Как могли мученики не умирать за Христа? Как могли истинные христиане всех веков, люди с цельным мировоззрением, люди дела, а не слова только, увидев Христа, поклонившись Ему и соединившись с Ним, забыть о том, что сделал для них Христос, и служить Ему не от всего сердца, а лишь наполовину? Образ Распятого всегда стоял перед ними и руководил их жизнью.

Никогда не расставаться с гробом Иисуса, «унести Лик Христа с плащаницы в свое сердце» и нести Его в жизнь, не расставаясь с Ним ни в каких искушениях и напастьях житейских, — не такой ли обет должны дать все мы в скорбные и святые дни Страстной седмицы?

Но не значит ли это умножать и без того многие скорби человеческой жизни, которая на всем своем протяжении есть «история человеческой печали»? Надо взглядеться, однако, в образы тех, которые постоянно

носили на себе язвы своего Господа...

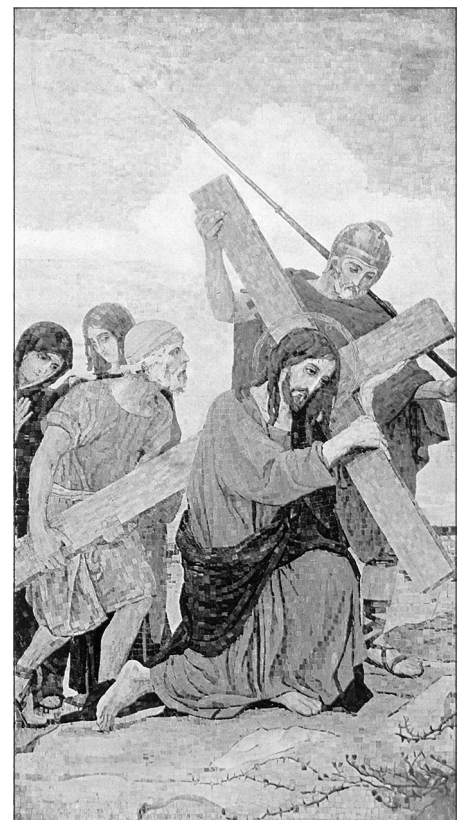
Разве они были в удрученном состоянии духа? Разве от них, напротив, не исходили как бы лучи света, тихой радости, которая озаряла путь жизни всем, соприкасавшимся с ними?

Слезы самых суровых подвижников-аскетов не мешали им в то же время радоваться; а вспомним Св. Симеона Нового Богослова, прп. Серафима Саровского, старца Амвросия и других, подобных им, мысль которых не расставалась с распятым и воскресшим Иисусом, ведь они как бы плавали в океане невыразимого духовного блаженства! Не право суждение, будто мысль о кресте бросает на жизнь тень уныния и печали...

Все печали, вся мировая скорбь наша именно от того и происходит, что мы крест и на нем распятого Христа не ставим в центр всех наших действий, чувств и размышлений! Если бы люди помнили, какой дорогой ценой они куплены, они не мучили, не оскорбляли, не унижали бы друг друга.

Люди стараются забраться на самую вершину земного счастья, не чувствуют ответственности за погибающую душу ближнего, отдаются суетным злободневным интересам, или совершают преступления, проводя в жизнь святые начала братства, равенства и свободы, потому что не видят перед собой Распятого Христа. И жизнь становится для них бременем и проклятием.

А пусть загорится в их сердце прежде всякой любви любовь ко Христу, Сыну Божию, и, как огонь, опалит эта любовь всякую нечистоту жизни, и жизнь станет

*Несение Креста.
Мозаика храма
Спаса-на-Водах.
Художник
В.М. Васнецов*

осмысленной, радостной, и в самой скорби своей будет для них благословением.

Предчувствие этой новой духовной жизни не испытываем ли мы в эти великие дни, которые посвящаем воспоминанию Страстей Господних, когда столько светлых и святых движений переживается нами в глубине нашей души?

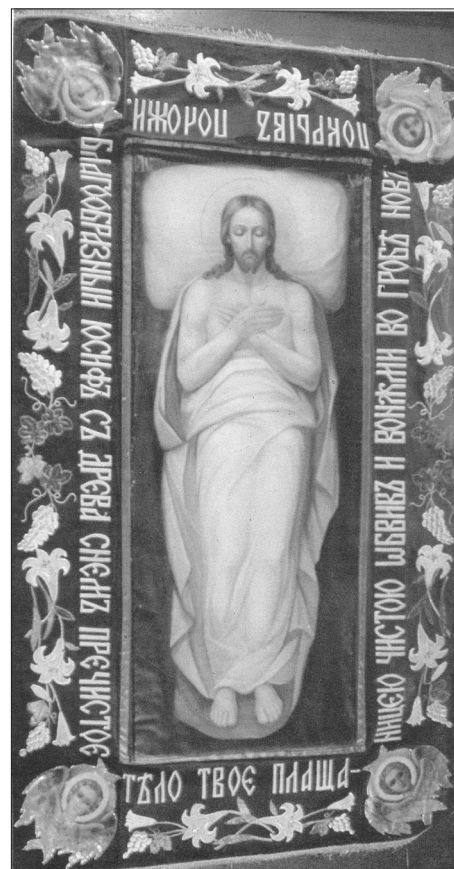
Это действительно «истинная суббота, святой покой, неделя отдыха человечности в человеке, неделя по преимуществу духовной жизни души человеческой» (Царевский).

И неудивительно, что преосвященный Иннокентий в одном из своих слов на Великую субботу говорил:

«О, остановись, солнце! Продлись, драгоценный день, продолжи покой Божественного Страдальца!»

Святая
Плащаница

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

«Бог умер! Бог пребывает мертвым! Нет Бога!»

Растут и сгущаются холодные могильные сумерки; какой-то непроницаемый туман висит над тоскующей землей. Незримо, но ощутительно близко реют над ней тайные темные силы, ведут вечную брань с Агнцем.

Горе колеблющимся и сомневающимся в эти дни! Горе тем, у кого светильники гаснут, и сон готов сомкнуть отяжелевшие очи!

Тайна беззаконий деется кругом нас. Со всех сторон подымается тьма и готова поглотить нашу святыню и нас самих. Дикие безумные вопли потрясают мир: «Нет Бога! Бог умер! Разве вы не слышите, как стучит заступ могильщиков, погребаяющих Бога? Забудьте же о Нем! Не держитесь так рабски за Его «тень», освобождайтесь от предрассудков, будьте сами, как боги!»

В то же время в самых центрах культуры, в очагах просвещения, в городах с миллионным населением идет подпольная работа, упорная и ожесточенная, работа «тайных» обществ, вся направленная против Христа. Под покровом надвигающейся ночи совещаются слепые вожди слепых с жалкими предателями Иисуса, как убить Ненавистного им, только не открыто, «чтобы не произошло возмущения в народе», а медленным, но

верным путем. Долгие годы понадобятся им для выполнения их адских замыслов... Но они на все готовы. Они верят в свою победу, они напрягают все свои силы, вдохновляемые неведомой, может быть, и им самим темной могучей силой.

«Надо вытравить из сердец людей самое воспоминание о Распятом и будто бы Воскресшем! Надо упорно молчать о Нем: Его нет. Молчите о Нем детям. Молчите больным, униженным и оскорбленным! Молчите о Нем в судах, в больницах, в школах! Не произносите имени Иисуса! Самый крест прячьте от глаз людей! Сейте равнодушие к вере!»

И вместе с этим равнодушием сеется ужас, невероятная тоска, безграничное отчаяние.

Нет Бога! Нет Христа! Тогда нет разума, смысла и во всей мировой истории и в маленькой, частной жизни каждого отдельного человека.

Жизнь без Бога — безумная вакханалия страстей, дерзкая и бесплодная попытка построить башню до небес. Конец один — сумасшествие и смерть... Даже знание без Бога только умножает скорбь, только увеличивает страдание духа и погружает его еще в больший хаос.

И нет конца, нет исхода этой муке.

О, как понятны становятся в этот миг невыразимые страдания апостолов в те дни, когда на их глазах Сама Правда, Сама Любовь была поругана, Сам Бог угас на кресте, когда своими руками погребли они Его в саду Иосифа Аримафейского!

Можно представить себе тот ужас, какой они переживали. Они надеялись, что их Учитель — Тот, Которому надлежало прийти! Они думали, что это Мессия... И вот Он во гробе... Он казнен самой позорной казнью! Израненный, измученный, Он умер на кресте! Он был праведник, пророк, сильный в деле и слове, пред Богом и всем народом, но увы! только пророк, а не Мессия, Избавитель, Утеха Израиля! Солнце померкло, земля затряслась, камни распались, гроба раскрылись, и завеса в храме разодралась надвое, когда Он испустил дух... Люди бежали с Голгофы в ужасе и отчаянии, бия себя в грудь... Но все-таки Он умер! Он во гробе, гроб завален камнем, и к камню приложена печать.

Так горько и жестоко обмануться! Да, это, действительно, была трагедия, страдание невероятное!

Погребсти возлюбленного Учителя, несправедливо осужденного, жертву людской злобы, слепоты и неблагодарности, это была одна мука; другая, несравненно более глубокая и невыносимая, — погребсти вместе с Ним святыню своей души, свою веру, свои чаяния!

Как близки, родственны эти страдания робкому, сомневающемуся сердцу современного христианина, когда злоба и дерзость врагов Христовых, по-видимому, опять торжествуют, когда от этого сердца хотят отнять Иисуса!

Вечный мрак готов полонить вашу душу, скорбящие последователи Распятого.

Но чу! прислушайтесь: что это? Торжественный могучий удар колокола пронесся вдруг в тишине свежей весенней ночи... И от этого удара словно встрепенулась земля, от этого удара вздрогнуло и ваше измученное сердце. Это удар к полунощнице, великой, пасхальной полунощнице.

Смотрите: тысячи, сонмы их, еще не поклонившихся Ваалу, не воздвигавших храма Разуму, простых сердцем, близких ко Христу!..

Они все, смиренные, радостные, верующие, с раскрытыми глазами и раскрытым сердцем, чтобы принять откровение великой Тайны, идут в эту ночь в сияющие огнями храмы Бога Живого, идут в светлых одеждах, сами сияющие первыми отблесками падающей на них зари наступающего дивного дня.

Туда! Вместе с ними! К этим огням!

И вот вы уже там, в храме... Вы стоите «на страже», как ветхозаветный пророк, и сердце ваше замирает предчувствием чего-то близкого и несказанно великого.

Еще плащаница посреди церкви, еще надгробное пение над Божественным Мертвецом, еще ожида-

ние — общее напряженное ожидание и человека и всей природы, общий томительный вздох, как па литургии Великой субботы:

«Воскресни Боже!»

«Время действовать Богу, яко разорен закон Твой!»

И вот ликующее ангельское пение доносится до вашего слуха, знакомый с детства, близкий и родной вам напев! И от одного этого напева не хочется ли вам воскликнуть вместе с отчаявшимся в жизни Гетевским Фаустом:

О, звуки чудные! Гремите: я внимаю!

Рыдания грудь теснят... Я снова в жизнь вступаю!

Все ближе, ближе, и наконец победная песня воскресная раздастся за дверьми храма! Еще несколько минут, — знамение креста разверзается эта дверь, и, как ничем не удержимый, внезапно хлынувший весенний поток, вливается в храм волна непередаваемого восторга.

«Христос воскрес!» оглашает своды храма и потрясает до самых основ и небо, и землю, и ваше страдавшее сердце.

— Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

И это не сон, не вымысел, не греза, это — действительность, более очевидная, чем та, которую мы видим своими глазами!

Да, это — истина, как истина — то, что целых девятнадцать веков существует и растет Христова Церковь, в основе которой лежит чудо Воскресения, как то, что девятнадцать веков по всему миру раздается радостная весть: Христос воскрес! Христос воскрес!

— Скажите мне, — спрашивал поэт, — отчего в эту ночь воздух так тепел и тих? Отчего в небе горят миллионы звезд, природа одевается радостью, отчего сердце у меня словно саднит от полноты нахлынувшего вдруг восторга, и я чувствую, что меня как будто уносит какой-то невидимой волной?

Оттого, что в эту ночь воскрес Христос!

Всего только два дня тому назад такая же ночь была преисполнена невыразимой скорби, и во всей природе, чуткой и печальной, словно звучал отголосок безмерной тоски и муки Богочеловека в саду Гефсиманском: «Душа Моя скорбит смертельно!» Потом наступила другая ночь: с рыданием погребли Иосиф и Никодим Тело возлюбленного Учителя и Бога своего, вся тварь «сострадаша Сотворшему вся», и тишина ночи на Великую Субботу была отражением того благоговейного изумления, в которое Голгофская Жертва повергла самый мир ангельский.

Недоумевали и небо и земля, созерцая гроб в саду Иосифа Аримафейского.

А сегодня... сегодня ночь — уже праздников праздник и торжество из торжеств: «воста Господь, веселие вечное! Христос воскрес!» Вечная, совершенная не-

бесная радость сошла на землю и обняла ее усталую, обремененную грехом, напоенную кровью и слезами, покрыла и заставила забыть всякую муку.

Неумолкаемо поют ангелы Светлое Христово Воскресение, неумолкаемо по всей земле гудят пасхальные колокола, неумолкаемо звучат ликующие воскресные песнопения, в церквах совершается утренняя, «несравненная торжественная, светlobлистающая» пасхальная утренняя, и по всему миру раздается вдохновенное, каждый год произносимое и вечно новое, точно впервые слышимое нами слово Златоуста: „Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? Воскрес Христос, и ты низвергся! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и жизнь царствует!»

Тревога, сомнение оставили ваше сердце; вся злоба врагов Христовых, которая еще так недавно устрасала вас, теперь кажется жалкой и ничтожной; ничего не видите вы перед собой, кроме торжества света, правды, любви, кроме победы Воскресшего Христа над всеми силами ада!

Некогда последняя попытка язычника погубить христианство закончилось страшным воплем: «Ты победил, Галилеянин!» Язычество пало, и на мраморных руинах древнего мира засиял новый свет! Галилеянин победил. Он победит и теперь... Всем существом своим вы чувствуете это и, вдохновленные, радостные, успокоенные, бестрепетно готовы смотреть в лицо самому князю тьмы!

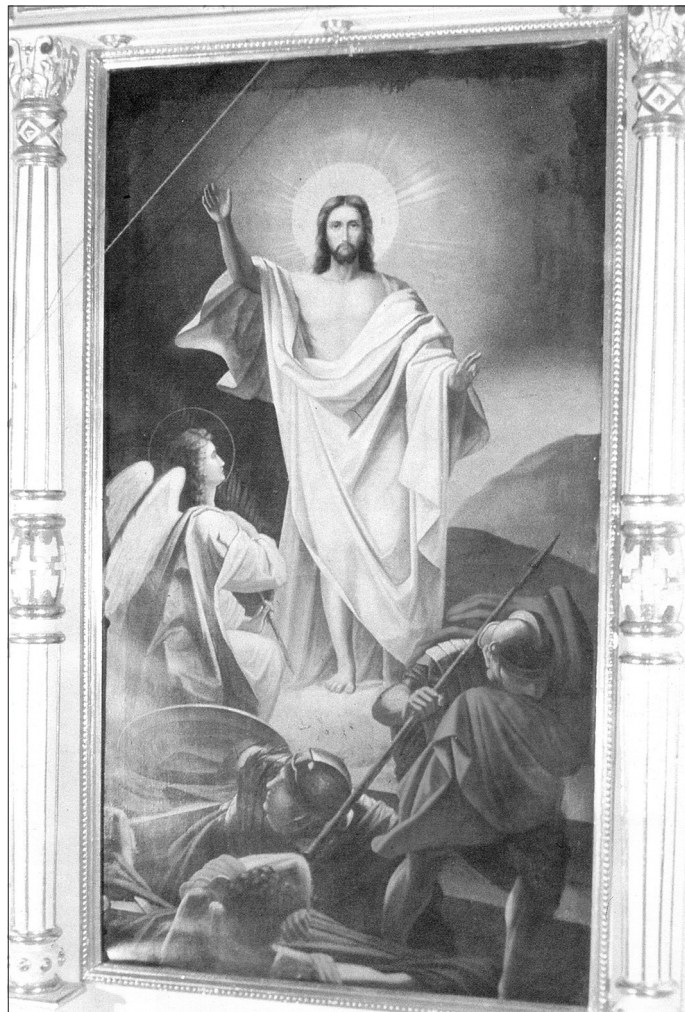
Понятной становится в эту ночь пасхального благовеста, пасхальных приветствований и поцелуев апостольская заповедь: «Радуйтесь! И еще говорю: радуйтесь!»

В каком другом настроении может быть, в самом деле, человек, видевший чудо Христова Воскресения и поклонившийся Воскресшему? Какое зло, физическое или нравственное, может теперь испугать его? Какая скорбь не растет в лучах этой светозарной ночи?

Свет Пасхи, которым озарено даже трогательно-печальное богослужение страстной седмицы, есть отражение того света, который христианская религия проливает на всю жизнь человека.

Вот Великий Четверг. Сионская горница, прощальная беседа Христа с учениками. Всю силу предстоящих им испытаний и скорбей рисует Господь перед духовными очами Своих встревоженных учеников, но Он же обещает им и радость совершенную, Он же вливает мужество в их души, Он же дает им мир, какого Мир не даст им!

Тихим светом небесной радости озаряет христианство человеческую душу в самые тяжкие для нее минуты, и на утрени Великой Субботы, среди рыданий вокруг гроба, вместившего в себе Богочеловека, мы слышим уже предвестие близкого торжества поруган-

Воскресение Христово

ной истины:

«Не рыдай Мене, Мати, зряще во гроб... востану бо и прославлюся...»

Но эта радость, этот «пасхальный рай души человека», достигает своего высшего откровения только в светлый день Христова Воскресения.

Мы как будто теряем ощущение времени.

Точно нет этих 2000 лет, которые отделяют нас от первой пасхальной ночи и первого воскресного дня! Как апостолы, слышим и мы приветствие Воскресшего: «Радуйтесь! Мир вам!» и чувствуем, ощущаем всем существом своим, что «без Иисусова: «радуйтесь» не было бы никогда радости и в нашем сердце, как в сердце апостолов; без Иисусова: «мир вам!» не распространился бы мир по лицу земли!»

Разве не оживают перед нами до мельчайших подробностей все события того благословенного дня?

Разве не видится нам эта синяя, синяя, священной тишины исполненная ночь? Темный сад. Стража у гроба. Потом... внезапное бегство этой стражи, полумертвой от ужаса. И опять тишина. Опять царство ночи.

И вот под покровом этой ночи, когда еще совсем темно, по пустым, узким улицам Иерусалима само-

отверженные, безгранично любящие жены-мироносицы с разных концов идут к одной и той же дорогой для них гробнице — помазать тело Иисусово.

— Кто отвалит нам камень от двери гроба? — мелькает иногда в их уме тревожная мысль.

Мрак еще на улицах города. Мрак и. скорбь у них на душе.

Эти жены — Мария Магдалина, Мария Иаковлева, Соломия, Иоанна и прочие с ними. Самая пламенная из них и преданная Господу, Мария Магдалина опережает подруг и первая прибегает ко гробу. Прибегает и видит: камень отвален от двери гроба, и гроб пуст.

Новая, ужасная мысль мелькает внезапно в ее уме: унесли тело Господа!

И не рассуждая больше, бежит она, пораженная, смущенная, возвестить об этом Петру и другим апостолам. На пути встречает других жен-мироносиц и им говорить о своей догадке. С этим же возгласом: «унесли Господа и не знаем, где положили Его!» вбегает она в горницу, где без сна, в глубочайшем унынии проводили эту ночь апостолы.

Уже светает, хотя солнца и не видно еще из-за Елеонской горы.

Встревоженные словами Марии, Петр и Иоанн тоже бегут ко гробу Иисуса. Обогнав своего спутника, Иоанн первый подбегает к пещере, заглядывает в гроб и останавливается в изумлении: гроб пуст! Более пылкий и стремительный Петр входит внутрь самого гроба — и видит одни пелены лежащая и сударь, который был на главе Иисуса, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. За ним входит и апостол Иоанн...

Оба потом идут назад, исполненные предчувствия чего-то великого и непостижимого, что совершилось в эту ночь, и не знают они, что уже возвестил ангел другим мироносицам о совершившемся чуде минувшей ночи, что уже слышало человеческое ухо: «Христос воскрес!», что объятые ужасом и трепетом, жены уже спешили назад по проснувшимся улицам Иерусалима, никому ничего не говоря, потому что боялись. А Мария Магдалина, терзаемая скорбью, опять пришла ко гробу, стояла и плакала.

Как трогателен евангельский рассказ о явлении ей воскресшего Христа! Как трогателен, прост и понятен человеческому сердцу и этот момент, когда, вся уйдя в свое горе, она не поражается видом ангелов, беседующих с ней; когда не узнает стоящего перед ней Господа, принимая Его за садовника: «Господин, если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его?» И этот, наконец, момент, когда любящей и измученной души ее касается Божественный голос: «Мария!»

— Раввуни? — только и может крикнуть она.

«Откуда Он, как Он ожил, как вышел из гроба?» Ни о чем подобном не возникало в душе ее никакого вопроса; она вся объята была одним порывом живейшей

благодарности, любви, радости, восторга и стремительно бросилась к Нему увериться, что это, действительно, Он, живой! Она устремила ухватиться за Него руками, удержать Его, чтобы более никогда с Ним не разлучаться. Но Господь остановил, ее, говоря: «Не прикасайся ко Мне ты не последний раз видишь Меня (толков. блаж. Иеронима), потому что я еще не отхожу к Отцу Моему, а иди к братьям Моим и скажи им: Я восхожу (в скором времени) к Отцу Моему и Отцу вашему, к Богу Моему и Богу вашему».

Эта миссия сделала Марию Магдалину равноапостольной. Вся преображенная, сияющая неизреченной радостью «Боговидения», она пошла и возвестила ученикам и всем плачущим и рыдающим: «Христос воскрес из мертвых!» С той же вестью еще раньше нее пришли и другие жены, на пути увидевшие Христа и услышавшие от Него: «Радуйтесь!»

— И показались апостолам слова их пустыми, и не поверили им, — говорит евангелист.

Воскрес из мертвых! Разве можно было себе представить, можно было понять это и поверить этому? Столько пережили, перечувствовали апостолы за эти дни, что их души «не могли уже вместить в себе эту величайшую и радостнейшую новость!» Только, когда Симону Петру отдельно явился Господь, их сомнения поколебались. Загорелись сердца.

— Воистину воскрес Господь и явился Симону! — говорили они друг другу. А вечером пришли апостолы Лука и Клеопа... И из их уст та же необычайная, чудесная весть: воскрес Христос! Своими глазами они видели Его... Он шел рядом с ними, по дороге в Еммаус, изъяснял им Писание, они не узнали Его, только сердце их горело, когда Он говорил с ними... Потом, когда день стал склоняться к вечеру, они уговорили своего Спутника остаться с ними, возлегли за трапезу, и вдруг глаза их открылись, и они узнали Господа в преломлении хлеба!

То «горение сердца», которое испытывали Еммаусские путники, беседуя с неузнанным ими Христом, не было ли и общим состоянием других учеников в этот великий день, когда они боролись с сомнениями, изнемогали под тяжестью небывалых впечатлений и в то же время видели пустой гроб, сияющие лица мироносиц, слышали странные вести?

Совсем уже был вечер. Запершись в горнице, страха ради Иудейска, собрались апостолы, все, кроме Фомы, в дом Иоанна. И вот «дверем затворенным», Сам Господь стал посреди них и говорит им: «Мир вам!» Что почувствовали они, увидев Воскресшего, услышав Его голос? С раннего утра нетерпеливо ждали они этого явления, а теперь... пришли в смущение... испугались... недоумевали... им показалось, что они видят духа!

Но радость их должна была стать совершенной, такой радостью, какой никто никогда не мог бы отнять от них, которую они могли бы разнести по всему миру:

чтоб убедить их, что Он не дух, Господь дает им, еще неверующим от радости и удивляющимся, новое доказательство Своего воскресения: он предлагает им осязать Его, рассмотреть, спрашивает у них пищи и вкушает ее перед ними.

Никаких сомнений не оставалось больше.

— Господь мой и Бог мой! — не один Фома, каждый из учеников Христовых восклицал это.

Все непостижимое и недоступное человеческому пониманию в христианстве и в личности Спасителя через воскресение Его сделалось как бы осязаемым, доступным человеческому созерцанию; все таинственное приблизилось к человеку, сделалось, и при непостижимости своей, очевидным, несомненным, неоспоримым, во что нельзя не верить, что невозможно отрицать.

Мудрено ли, что чудо Воскресения преобразило апостолов?

Полный переворот произошел тогда в их мирозерцании, и из малодушных, робких Галилейских рыбаков, иногда не понимавших самых простых выражений Своего Учителя и постыдно бежавших из Гефсимании, когда враги взяли Иисуса, они вдруг стали вдохновенными служителями Слова, с огненным рвением понесли по всему миру из Иерусалима радостную весть о Распятом и Воскресшем! А вслед за ними пошли и другие исповедники и мученики и, благовествуя евангелие, покоряли народы и царства к ногам Христа.

Вся жизнь человека преобразилась Воскресением Христовым, озарилась лучами вечности.

Всякий страх, даже страх перед смертью, должен был исчезнуть из человеческого сердца, потому что с тех пор, как раздалось на земле: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ», смерти нет больше, а есть одна нескончаемая блаженная жизнь, нескончаемое торжество на брачной вечери Агнца, есть одна неумолчно воспеваемая песнь: Христос воскрес!

Вечная жизнь! Как томились всегда по ней люди, с каким тяжелым, тревожным раздумьем останавливались они над тем моментом, когда исчезает мимолетное настоящее, поднимается завеса, и за ней начинается нескончаемое будущее, новое бытие!

Религия серьезнейшего из народов древности — египтян была вся вопросом о жизни, исполненной тайны.

С какой тревогой жизнерадостные греки останавливались перед «домом Гадеса», перед таинственной и мрачной областью, где осуждены блуждать души умерших!

С какой безумной тоской Рим бросался от одного культа к другому, от одной философии к другой, надеясь найти ответ на мучительные вопросы жизни, не разрешив которых, человек не может жить. И коренным из этих вопросов, конечно, является вопрос о бессмертии души и вечной жизни.

И вдруг чудная проповедь раздалась на Земле, проповедь о Христе воскресшем, Первенце из умерших. Завеса, закрывавшая от человеческой души «Святое святых», действительно, разодралась, смерть перестала быть смертью и сделалась ступенью в новую область бытия, в «Чертог украшенный».

Удивительно ли, что лица людей, слышавших эту проповедь и убедившихся в ее истинности, сияли в моменты самых тяжелых страданий, как лица ангелов, и смерть не пугала, а радовала их.

Помните вы, как вдохновенно писал апостол уже на закате своей славной многотрудной жизни: «Жизнь для меня Христос, и смерть — приобретение!» Помните, как бесстрашно шли юные девы навстречу смерти: «я к Господу иду, ко Христу, Жениху моему!»

Как дивное видение, как живая проповедь о другом, высшем мире, проходили эти Агнцы и Агницы Христо-вы среди умиравшего в безобразных конвульсиях языческого мира и покоряли Христу самых ярых Его врагов.

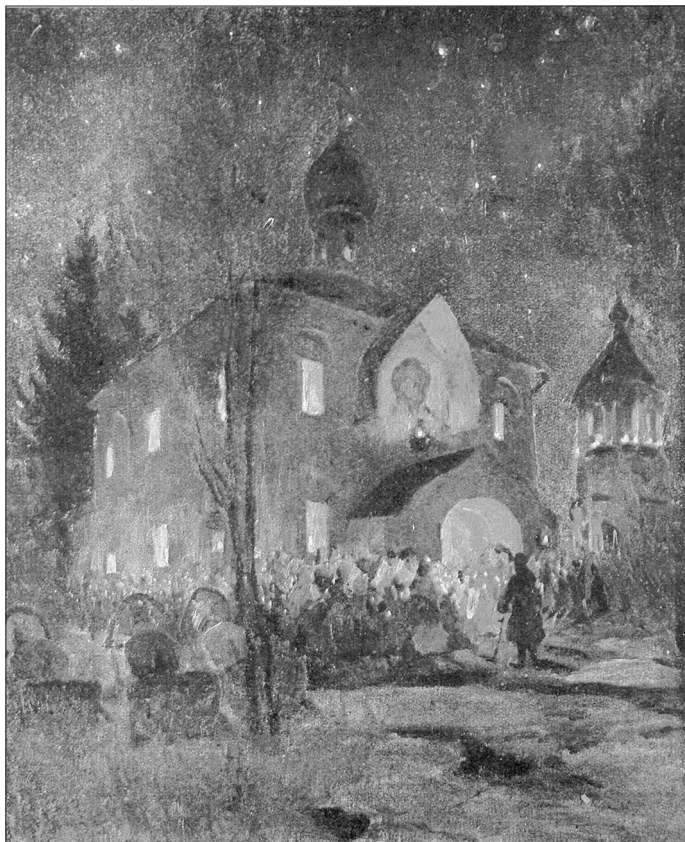
Полное отсутствие страха перед смертью и радость совершенная — вот настроение действительно верующего, искреннего христианина.

Вспоминается дивный, сравнительно, еще так недавно живший в наших родных лесах, святой старец Серафим Саровский.

Какой это был носитель, «радости совершенной», потому что был воистину христианин! Кажется, вековые Саровские леса постоянно праздновали вокруг его «пустыньки» Воскресения день, потому что постоянно у него самого на душе была Пасха!

Вот в хмурый дождливый осенний день приходит к нему какой-нибудь удрученный скорбью, озлобленный жизнью или терзаемый сомнениями человек. А старец кланяется ему до земли, потом, как брату, раскрывает свои объятия: «Радость моя, Христос воскрес!» И вдруг, точно сама природа изменилась кругом, точно преобразился осенний день в светлый, пасхальный, точно «красный звон» вдруг раздался над землей, и на душе прояснилось, повяло на нее весной, радостью воскресения. Это ли не лучшая проповедь о Воскресшем? И такая проповедь — миссия каждого верующего, особенно в наше тоскливое, серое, скучное и скорбное время. Ни наука, ни искусство, никакие земные удовольствия не в силах дать покой и счастье человеческой душе, если они оторваны от Бога, не озарены светом воскресного дна.

У нас обычно праздник проходит и кончается в храме, и уж почти не переходит за пределы первого дня. Вот этот день угасает, вот вечерний звон замер уже в голубоватых сумерках, косые лучи солнца готовы уйти из наших окон, и с ними готова уйти первая свежесть праздничного настроения и волнения. В сердце закрадывается невольная грусть. Эта грусть, которая чувствуется уже в первый день праздника, особенно ощутительна становится в «отдание Пасхи»: хотелось

С.А. Виноградов. Светлая заутреня. 1926 г.

бы никогда не расставаться с пасхальными песнопениями, пасхальным торжеством, не хотелось бы возвращаться к будням.

Но не в том ли и смысл христианской жизни, чтобы сохранить и в будничной атмосфере это пасхальное настроение, чтобы продолжать и за дверьми храма пасхальное богослужение?

Быть всегда светлым, радостным... Да разве это возможно? Это может показаться насмешкой современному человеку, но не потому ли, что утрачена им живая связь со Христом, и не прочувствован им праздник Воскресения? А вот что говорит близкий русскому сердцу старец Зосима в романе Достоевского «Братья Карамазовы»: «Други мои! просите у Бога веселья! Будьте веселы, как дети!» Будьте, другими словами, исполнены всегда радости, которую принес на землю Христос!

Обрадованные сами, идите радовать других, обнимайте весь мир своей любовью.

Но на земле столько зла, столько греха?

«Не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его! Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку! Каждый листик, каждый луч Божий любите!» Эта всеобъемлющая любовь так понятна и естественна у празднующих воскресения день! В первые века христианства день солнца, день Господень, всякий воскресный день и, особенно, день Пасхи ознаменовывался устроением вечери любви. У нас, в древней

Руси, в этот день сами цари и царицы шли в тюрьмы, богадельни, больницы с пасхальным приветствием, с ласковым словом, со щедрою милостыней.

В моменты ощущения в себе высшей духовной радости человеческое сердце стремится перелить ее на все окружающее. Хочется вокруг себя видеть такую же радость.

Если у нас нет этой святой потребности, если мы в день Пасхи можем спокойно видеть слезы, которые льются кругом нас, часто по нашей вине или по нашему равнодушию, значить, мы обольщаем себя, думая, что будто и мы видели Христово воскресение и в глубине своей души слышали: «Радуйтесь!»

Любовь христианская, живая, деятельная, неиссякающая, вот оно — знамя, которое должно быть поднято человеком, вместе со Христом восставшим из гроба.

Перед этим знаменем преклонится гордый самообожжающий ум, смиритса ожесточенное сердце, замолкнут уста неверующих!

«Смотрите, как они любят друг друга!» — говорили между собой язычники, видя любовь христиан, и эта любовь открывала им дверь к познанию самого Источника Любви.

Человек, во имя Христа отдающий душу свою за ближнего, это тоже проповедь о Воскресшем.

И все равно, проявится ли эта любовь в подвиге св. Юлиана, обнимавшего прокаженного и согревшего его своим собственным телом; в подвиге ли какого-нибудь миссионера, идущего на проповедь в глухую тайгу Сибири, или в маленьких, скромных подвигах безвестных тружеников и строителей жизни — священника, учителя, врача, матери, сестры и т. д., даже человека без всякого звания и определенного положения, который не знает сегодня, что будет делать завтра, но знает только, что и сегодня и завтра будет любить, утешать, согревать всех вокруг сиянием своей чистой, любящей души, обрадованной единением с Христом воскресшим.

Только именно воскреснуть надо душой и потом до конца жизни не знать другого дела, кроме проповеди о Воскресении всем недугующим и страждущим! А их много в наш век.

Тоской по Боге, может быть, бессознательной, но ничем не утolimой, изнывает современный человек. Мучительно ищет он новых путей к счастью и истине... Как поэт, стоящий с закрытыми глазами над горным однообразно шумящим потоком и простирающий руки к обманчивым грезам, простирает и он руки к неуловимым призракам... Полный разлад с жизнью, с самим собой приводит его к самоубийству... Даже те, кто еще не познал жизни, с ужасом отворачиваются от нее и бросаются в бездну «небытия»... Преступность и психическое расстройство — обычное явление наших дней.

Где же апостолы Христовы, где жены-мироносицы, вносящие радость неумирающую в это царство

скорби? Есть они, но мало их! Выходите же на подвиг веры все, называющие себя последователями Распятого и Воскресшего, зажгите светильники ваши, высоко поднимите сияющий крест и словом и делом зовите к нему измученных братьев: «Христос воскрес из мертвых! Приидите, все приидите и поклонитесь Святому Его Воскресению». Дети, маленькие, невинные дети, так доверчиво протягивающие Христу свои ручки и раскрывающие свое сердечко, придите, поклонитесь Ему! Пусть ваши чистые голоса сольются в пасхальном гимне с голосами ангелов, пойте воскресную песнь, чтоб потом петь ее и там, где будет скорбь и страдание!

Девы и юноши, готовые вступить в жизнь на борьбу и подвиг придите сначала, поклонитесь Распятому и Воскресшему, и унесите в своей душе Его: «Радуйтесь!» в самую пучину бушующего житейского моря!

Мужи, в полном расцвете сил физических и духовных, проходящие поприще жизни, поклонитесь Кресту Господню, воскликните с верой! «Господь мой и Бог мой!» — жизнь, которую вы созидаете, создается для вечности!

Жены, по-прежнему любящие и плачущие по Христу, поклонитесь, Ему, Воскресшему, вместо мира, несите Ему песни хвалы, несите Ему свое сердце, приводите к нему своих мужей, братьев и детей!

Старость, уже стоящая на краю могилы, приди и ты поклониться Воскресению Христову, его благодатные лучи озарят тебя тихим сиянием и уничтожат страх смерти!

Святые и грешники, мудрецы и невежды, святители, художники и поэты, владыки земные и рабы, богатые и нищие, здоровые и больные, счастливые и удрученные скорбью, все придите поклониться Христу! Пусть сокровенные струны, лучшие струны ваших душ отзовутся на дивную симфонию, какую приносит Воскресшему вся вселенная!

Жаждающие, приходите пить из неиссякаемого источника жизни и радости! Умирующие, слушайте победную, пасхальную песнь!

«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ!»

*«С нами Бог!» Вы слышители ли, братья,
В скорбном мире, тонущем во зле,
Среди стонов, воплей и проклятья
Эта песнь несется по земле?*

*С нами Бог! — поют пред алтарями,
С нами Бог, создавший хор миров,
С нами Бог, царящий над царями,
Бог любви, Бог — жажда всех веков!*

*Вновь звезда зажглася над землею,
Вновь над ней раскрылись небеса,
И звучат Всевышнему хвалою
Снова горних ликов голоса.*

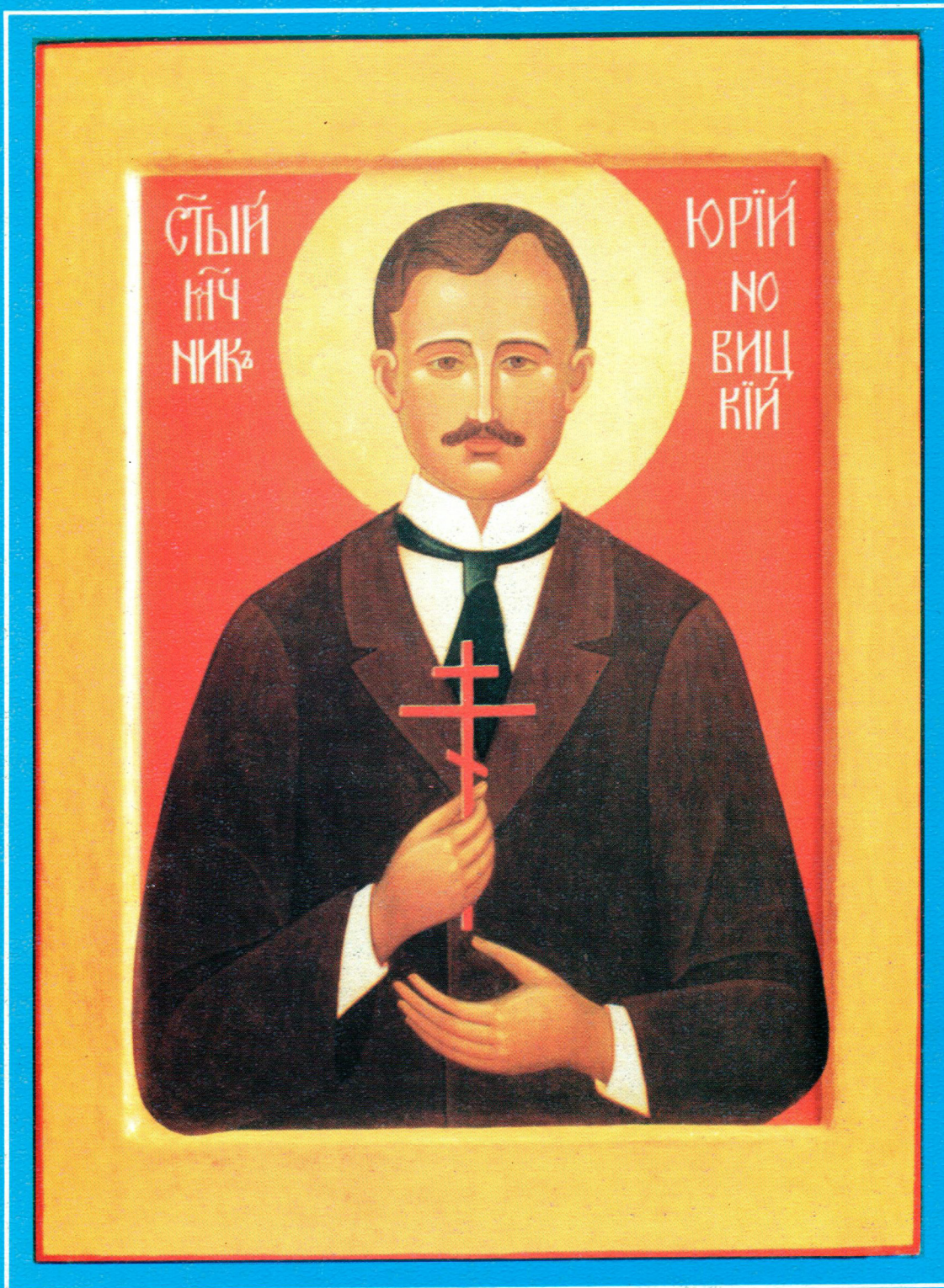
*С нами Бог! Что скорби, что страданья,
Что всей жизни блеск и красота?!
В сердце — мир, отрада, ликование,
Сердце вновь увидело Христа.*

*С нами Бог! Пускай же на мгновенье
Эта песнь звучит в сердцах людей!
Пусть вся жизнь сплошным богослуженьем,
Гимном Богу станет с этих дней!*

А. Платонова

Церковь Свв. апостолов Петра и Павла С.-Петербургского университета.
Внешний вид и интерьер. Фото начала века

Икона св. мученика Юрия Новицкого
из домової церкви С.-Петербургскаго университета